

Кр

ак

А. Л. Б А Н К В И Ц Е Р

9(с)27

Б 23 Кр

И 443 433

А. Л. Банквизер
НАШЕЙ
ДИВИЗИИ

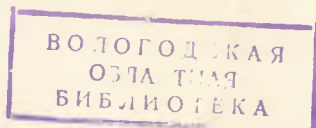
Ахилл Львович
БАНКВИЦЕР

А. Л. БАНКВИЦЕР

Люди

**НАШЕЙ
ДИВИЗИИ**

П 443433

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА • 1962

На дальних подступах к Ленинграду стояли насмерть солдаты 28-й танковой дивизии, выполняя приказ «Новгород защищать до последнего человека!» Дивизией командовал полковник Иван Данилович Черняховский, впоследствии прославленный полководец Советской Армии.

Почти совершенно лишенная техники, утраченной в предшествовавших боях, истекая кровью, дивизия Черняховского вела неравную борьбу с превосходящими силами немецко-фашистских захватчиков.

О массовом героизме бойцов, командиров и политработников, об Иване Даниловиче Черняховском и рассказывает в своих воспоминаниях бывший комиссар этой дивизии А. Л. Банквицер.

Автор книги — старый большевик, советский ученый (химик) и писатель. Перу А. Л. Банквизера принадлежат повести, стихи, рассказы и фельетоны, которые он публиковал в периодической печати и отдельными книгами под псевдонимом «Андрей Хмара». С первых дней Великой Отечественной войны А. Л. Банквицер пошел на фронт добровольцем и воевал до полной победы над фашистской Германией.

Эту книгу с интересом прочтут как военные, так и не военные читатели.

Светлой памяти моего сына комсомольца-партизана Игоря Банквича, павшего в бою с немецкими оккупантами 8 декабря 1942 года близ деревни Княжицы, Новосельского района, Ленинградской области, посвящаю свой труд.

Автор

Г Л А В А П Е Р В А Я

ВСТРЕЧНЫЙ БОЙ

В жаркий июньский день я прибыл в 28-ю отдельную танковую дивизию. Командовал ею полковник Иван Данилович Черняховский. Дивизия находилась тогда на марше, и первое мое знакомство с командиром состоялось во время заправки боевых машин на опушке какого-то леса. В то время я еще числился в распоряжении политуправления фронта и в ожидании назначения использовался как внештатный инспектор. В этой роли во главе небольшой группы политработников, подобно мне находившихся в резерве, я и прибыл в дивизию Черняховского. В ночном бою под Шауляем погиб комиссар дивизии Валерий Шалаев, и меня назначили на его место.

Наш первый разговор с Черняховским был непродолжителен и носил сугубо официальный характер. Возможно, сказалось различие возрастов (Ивану Даниловичу шел тогда только тридцать пятый год, а мне уже минуло пятьдесят) или, может быть, проявилось отрицательное отношение Черняховского к «гастролерам», которые, как он говорил, «приедут, на шумят, ничего толком не сделают, испортят крови с цистерну и уедут, чтобы через сутки забыть о существовании и вас, и вашей дивизии, и составляющих ее живых людей»... Однако через несколько дней после моего прибытия в соединение ледок, образовавшийся было между нами, ра-

стоял, а несколько позже мы даже крепко подружились. Меня привлекала глубокая партийность Черняховского. Иван Данилович, будучи прекрасным командиром, глубоко вникал и в партийно-политическую работу, проводившуюся в дивизии работниками политотдела и партийным активом, знал достоинства и недостатки каждого инструктора, партийного организатора, агитатора, оказывал им помощь в трудную минуту. «Политически невежественный боец,— говорил он,— а тем более командир, не может быть стойким защитником революционных завоеваний».

И слова у Ивана Даниловича не расходились делом. У него не было иных интересов, кроме интересов Советской страны и Коммунистической партии, членом которой он состоял с 1928 года. Это был человек с чистой душой, советский человек в высоком смысле этого слова.

* * *

*

28-я отдельная танковая дивизия, истекая кровью, сдерживала фашистские орды. Ее боевой путь пролегал от самой границы через Литву, Латвию и Псковские земли к стенам древнего Новгорода. Измотала дивизия: силы противника, но и сама потеряла немало — на всем ее пути чернели остовы наших машин.

Не сотрутся в памяти Шауляй, Западная Двина, Рига, Мадона, Сольцы. Там потеряла много техники дивизия Черняховского. Пришлось многим бойцам драться «пеший по-танковому»... Защищая каждую пядь родной земли, глядя смерти в глаза, гордо говорили они: «Мы танкисты!» И звучало это как: «Мы не из тех, кто кажет врагу спину!» Немцы звали танкистов «черными дьяволами»* и с попавшими к ним в руки ранеными расправлялись беспощадно. Дивизия отходила без прикрытия авиации, а значительную часть пути и без артиллерийской поддержки.

Не легко было вести бой с вооруженным до зубов противником, имея лишь карабины в руках да снятые с БТ-7 и Т-26 пулеметы. Но любовь к Родине творила чудеса. И люди дрались до последней капли крови, ибо смерть предпочитали неволе и верили в победу.

* Видимо, в связи с цветом нашей форменной одежды.

Отступавшие от Шауляя советские войска достигли укрепленного рубежа. Попытки гитлеровцев прорвать оборону в лоб успеха не имели, и тогда с целью глубокого охвата наших сопротивлявшихся частей противник бросил в бой 8-ю танковую дивизию.

Врагу предстояло преодолеть огромный, местами сильно заболоченный лесной массив. Сосновый бор сменялся здесь березняком и осинником на протяжении многих километров... Гитлеровцы продвигались вперед только днем — боялись «партизан»*; ночью же занимали круговую оборону, со страхом вглядываясь в темь глухомани...

Иногда немецкие машины увязали в трясине, их подрывали и бросали на произвол судьбы...

Когда Черняховскому доложили, что немецкие танки тонут в болоте, он приказал командирам учесть это и строго держаться гати. Но как-то один из наших танков сполз с нее. Тревогой забились сердца всех, кто наблюдал это со стороны. И с каким облегчением вздохнули мы, когда машина легко развернулась на зыбкой почве и, подминая под себя молодую древесную поросль, неведимой вернулась на дорожную насыпь...

— Чудеса, да и только! — удивился командир разведывательного батальона, только несколько часов назад наблюдавший гибель фашистской машины при точно таких же обстоятельствах.

— Никаких чудес тут нет, — заметил командир дивизии, — просто их танки тяжелее наших, да, по-видимому, и расчет гусениц у них иной... А ну, прикажите-ка трем машинам на разных скоростях погулять по болоту!

Испытание закончилось благополучно. Только один из Т-26 чуть было не завяз, но ближайший к нему танк цепью вытащил его на дорогу...

* В действительности тогда это были еще лишь разрозненные группы красноармейцев, пытавшихся выйти из вражеского окружения, зачастую к ним присоединялись скрывавшиеся от захватчиков сельские активисты. Впоследствии такая группа советских людей нередко становилась ядром партизанского отряда.

Вечером, когда дивизия вышла к новому пункту сосредоточения, Иван Данилович созвал командиров на совещание...

— С рассветом дадим здесь встречный бой. Используем складки местности, расчлененность противника и лучшую проходимость наших машин. Драться будем челночно: выскочим из подлеска с одной стороны дороги, обстреляем врага и скроемся на другой, опять выскочим, обстреляем и снова скроемся. Противник привязан к дорогам, а на нашей стороне преимущество свободы маневра. Если что от врага и уцелеет, добьем здесь. — И Иван Данилович показал пальцем на карте место, где лес разрывался на две части полями.

Ночью, продвигаясь тропами, известными только местным жителям, сосредоточивались советские танки в намеченных командиром дивизии местах. Проводники-добровольцы из ближайших сел, все бывшие охотники, безошибочно выводили машины во фланги и в тылы гитлеровцев.

Когда рассвело, мы начали действовать. Наши машины появлялись в самых неожиданных местах. Лавируя между деревьями, они дерзко вклинивались в неприятельские колонны и на ходу или с коротких остановок почти в упор расстреливали врага. Бойцы мотострелкового батальона, маскируясь высоким подлеском, подбирались почти вплотную к фашистским танкам и забрасывали их противотанковыми гранатами и бутылками с зажигательной смесью.

Бой продолжался весь день. Гитлеровцы понесли тяжелый урон и отошли. Однако немалый ущерб был нанесен и нам...

Ночью дивизия Черняховского оторвалась от противника и сосредоточилась в новом месте, близ главного тракта. Здесь лес местами вплотную подходил к обочинам шоссе, но слева, насколько хватал глаз, простиралось ржаное поле, то самое, которое накануне показал Черняховский на карте.

Справа, шагах в пятистах от дороги, над местностью господствовала заросшая березняком высотка. Эту-то рощу и облюбовал командир дивизии в качестве исходного положения для предстоящей атаки...

С утра немилосердно палило солнце. Колосья ржи устало клонились к земле... Васильки у дороги выцвели

и побелели, куколь потускнел, и только у самого леса воздух все еще был напоен медвяными запахами трав. Вдруг все поле покрылось красноармейскими пилотками... Сильно поредевшие в длительных и упорных боях против во много раз превосходящих численностью и техникой сил противника, наши стрелковые части отходили на «заранее подготовленные позиции». Некоторые подразделения были явно дезорганизованы.

Самолеты противника на бреющем полете обстреливали отступавших, и это увеличивало сумятицу... Над рошей повисла, словно застыла в воздухе, двухфюзеляжная «рама»*. Немецкий разведчик долго маячил над местом расположения нашей дивизии, но, очевидно, так ничего и не обнаружил: танки хорошо замаскировались в березняке. Вражеские «юнкеры» хотя и проплыли над самой рошей, но сбросили свой бомбовый груз туда, где в облаках пыли скрылись советские пехотинцы.

Наконец все успокоилось. Тяжело осела на землю пыль. Пестрые бабочки и стрекозы перелетали у опушки с цветка на цветок. Невдалеке из хлебов взмыл ввысь жаворонок; он долго парил в воздухе, затем камнем падал на землю, снова взлетал и снова падал...

Наступила тишина, такая бывает только в очень жаркие и душные дни, когда все живое замирает. Ни ветерка, ни облачка. Ясное небо безучастно смотрело на то, что творилось внизу...

Порой на какие-то краткие мгновения тишину нарушал отдаленный гул артиллерийской канонады.

Из сильно примятой ржи выскочил на дорогу отставший боец; он долго озирался по сторонам и вдруг легкой трусой бросился вдогонку за ушедшими.

Несколько бойцов забрели в рошу. Один из них, парень атлетического телосложения, во взмокшей, просоленной потом гимнастерке с расстегнутым воротом, оказался рядом с выдвинутой на опушку и замаскированной срубленными ветвями машиной комдива. На лице солдата было написано отчаяние... В нервическом порыве он швырнул наземь винтовку и в изнеможении опустился на траву. И в тот же миг рядом с ним выросла фигура Ивана Даниловича.

— Ну, а как дальше жить мыслишь? Когда в родное

* Немецкий самолет — разведчик и корректировщик.

село придешь и тебя спросят соседи, почему вернулся, что им ответишь? Невеселая, браток, будет у тебя жизнь дома... Прямо скажем, скучновато будет...

Красноармеец встал и дрожащей рукой попытался застегнуть воротник...

— Все пропало, товарищ полковник, наши бегут, а немца — силища!..

В глазах солдата отражались растерянность и бес-предельная тоска.

— Да кто бежит? Твои товарищи честно сражаются, а ты говоришь: «Бегут»... Бежал только ты да еще пяток, что вон там, за деревьями, прячутся; а другие дерутся... И заруби себе на носу: Родину мы отстоим! Чего бы это ни стоило, отстоим! Потому что правда за нами... Только слезами тут не поможешь — пулей, штыком надо действовать. Подними винтовку и иди к тем березкам!—Иван Данилович рукой показал куда. — Этих, что к кустам жмутся, с собой захвати! Спросишь капитана Котова, скажешь, привел ему пополнение. Теперь десанником будешь. Ну, а попробуешь опять спину показать, пеняй на себя... Как зовут-то тебя?

— Капитонов Сергей.

— Ну, ступай, Капитонов, выполняй приказ!

Красноармеец поднял оружие, привел себя в порядок и направился к Котову.

Командир стоявшего рядом экспериментального ради-ийного танка * капитан Ровнер, бывший одноклассник Черняховского еще по артиллерийскому училищу **, раз-двинул ветви, маскировавшие его машину. Он почти наполовину высунулся из люка и, по-видимому, с интере-сом слушал беседу комдива с бойцом.

* В то время рации имелись не во всех танках, а лишь в маши-нах командиров взводов, рот и вышестоящих начальников, пользо-вавшихся рацией 71 ТК (позже 9РС).

Танки командира и военкома, а также начальников штаба и связи дивизии были оснащены рациями РСБТ и 9Р с диапазоном действия до семидесяти километров, что не всегда было достаточно для связи с армейским и фронтовым командованием. Поэтому еще до войны началось экспериментирование по созданию более мощ-ных подвижных радиостанций РСМК, устанавливаемых в специально выделенных для этого боевых машинах вместо снятого с них воору-жения. Вот на таком танке и «работал» у нас заместитель началь-ника связи дивизии капитан Ровнер. Его машина не имела пушки и несла для маскировки деревянный макет.

** До академии Черняховский окончил артиллерийское училище.

— А я так думаю: следовало пристрелить... Чтоб другим неповадно было...-- негромко, но так, чтобы слышал Черняховский, произнес Ровнер.

— Зачем? Он еще повоюет. По глазам видно, что душой парень с нами, да вот маленечко растерялся...

Месяц спустя рядовой Сергей Капитонов героически погиб, бросившись со связкой гранат под штурмовое орудие противника.

* *
*

Напряжение достигло предела... Вдали показались немецкие мотоциклисты. Они промчались по тракту, даже не дав себе труда прочесать нашу рощу из пулеметов и автоматов.

Прошло еще пятнадцать—двадцать минут, и на горизонте появились танки... Их было чертовски много, этих неуклюжих стальных черепашек, еще более обезображенных свастикой. Вражеские машины приближались; следом за ними двигались грузовики и бронетранспортеры с пехотой...

— К маши-и-и-нам!

И через несколько минут:

— По места-ам!

Прошло полчаса, час, быть может более, пока левый фланг противника оказался подставленным под удар.

— Заводи!

И шум моторов наших танков слился с грохотом вражеских машин. О, как бесконечно долго тянулись минуты, прошедшие до сигнала:

— Вперед!

Танки вырвались на простор и на предельной скорости ударили во фланг «восьмой». Для противника атака была совершенно неожиданной, и, прежде чем он успел опомниться и перестроить свои боевые порядки, десятки вражеских машин были объаты пламенем.

Черняховский, не отрывая бинокля от глаз, по радио руководил боем.

Когда что-либо мешало его наблюдению, он перемещал свой бронированный НП в более удобное место...

— Герко! — предупреждал он по рации командира 56-го полка, действовавшего на правом фланге. — Сейчас

тебя из ложины, что справа, атакуют восемь коробок. Сию минуту дам туда огонька. Не попади под свои снаряды...

— Второй дивизион! По участку номер два фугасными!.. Огонь!..

— Онишук! Слушай меня, Онишук! — вызывал он командира 55-го полка, дравшегося слева. — Во ржи немецкая пехота, могут забросать гранатами... Будь начеку!.. Третий дивизион! По участку номер десять осколочными!.. Огонь!.. Герко! Прочеси пулеметами рожь!

Лязг металла, грохот орудий и гул моторов слились в чудовищный рев. Взрывались снаряды в башнях, горячее в баках; куски рваного металла летали в воздухе. Клубы пыли и дыма заволокли небо и поле боя. Взаимодействие противника было полностью нарушено. Нацеленный командиром дивизии на моторизованную пехоту танковый батальон с ходу смял ее и рассеял.

— Делай, что я! — сигналили командиры рот и взводов... И каждый знал, что ему делать.

Особенно эффективно действовали те, кто, вопреки существовавшему тогда запрещению, захватили с собой бутылки с зажигательной смесью. Смелчаки приближались к танкам противника и пускали в ход свое страшное оружие. Горящий бензин растекался по броне, проникал в щели, добирался до снарядов и баков с горючим, выводил из строя моторную группу, воспламенял одежду на людях, жег и слепил глаза...

Огромные столбы огня и дыма взвились к небу.

— Молодцы, честное слово, молодцы! Надо будет это узаконить, — говорил комдив Ровнеру.

— Не позволит начальство.

— Позволит. Ведь из наших пушчонок броню немецкого танка не пробьешь, разве что попадание будет очень удачно, а так в лучшем случае порвешь гусеницу. Толку-то в этом чуть! Поле боя ведь остается не за нами. Перебитую гусеницу сварят, и на следующий день опять танк в строю... А тут — раз, два — и в дамки!

Разговаривая, командир дивизии ни на минуту не прекращал внимательно следить за ходом боя.

Вот один из БТ-7, стремительно атаковавший вражескую пехоту, неожиданно остановился. На корпусе машины четко белела огромная цифра «10».

— Десятая! Десятая! Почему стала? Почему не

ведешь огонь? Пятнадцатая, помоги десятой выбраться из трясины! — радировал Черняховский.

На левом фланге противник подбил и зажег тридцать третью. Стрелок-радист, единственный из всего экипажа оставшийся в живых, выскочил из машины и скрылся во ржи... Через минуту он метнул оттуда противотанковую гранату под гусеницу врага. Машина завертелась волчком...

— Тридцатая, смотри влево! Добей вертуна! Подбери своего!..

— А получается неплохо!.. Сейчас пойдем и мы, — обернулся Иван Данилович к командиру радиного танка, — ведь фактически «восьмая» уже приказала долго жить*...

— Но и мы тоже немало потеряли... А дальше что будет? — подал голос наблюдавший бой из своего танка начальник штаба дивизии капитан Пашков.

— Э, друже, без потерь войны не бывает! Вы вот считаете только то, что наша дивизия потеряла, а сколько мы сегодня советской пехоты спасли от гибели, это вы не учитываете?.. Ну, теперь пора!

В резерве командира дивизии оставались: отдельный танковый, разведывательный и саперно-понтонный батальоны да один артдивизион. По приказу Черняховского артиллерия перенесла огонь на рассыпавшуюся по полю фашистскую пехоту.

— Вперед!

Набирая скорость, устремились танки резерва на поле боя. Вместе с ними перекочевал туда и комдив со своей оперативной группой. Машины, шедшие уступом справа, вклинились между пехотой и танками противника и, развернувшись, ударили гитлеровцам в тыл.

В этот момент пламя охватило машину командира 55-го полка.

— Ранен... Горю! Продолжаю вести...

Но смерть оборвала конец фразы.

* Здесь следует упомянуть, что, по-видимому, эта дивизия вскоре была вновь доукомплектована техникой и людьми, так как с 14 по 18 июля она вела бой под Сольцами (против нашей 11-й армии), причем снова была разгромлена, и на этот раз окончательно.

-- Комполка убит. Слушай мою команду! — сигналли майор Попов — заместитель Онищука. Но не прошло и десяти минут, как и его постигла та же участь...

— Попов! Ты слышишь меня? Попов! Отвечай! — запрашивал Черняховский.

Но отвечать было некому...

— Начштаба пятьдесят пятого! Принимай команду полком!

Однако не откликнулся и этот.

— Данченко! Данченко! Принимай команду пятьдесят пятым!

— Есть принять команду пятьдесят пятым!

И танк комиссара штаба дивизии, лавируя между своими и вражескими машинами, устремился в расположение осиротевшего полка.

Туго пришлось и майору Герко. Дважды в этом бою менял он танк. И каждый раз машину снова и снова зажигал враг.

Третьей по счету была одна из машин штаба дивизии. Ее направил в распоряжение командира 56-го полка Черняховский, увидевший, что майор вскочил в нерадийный танк. Теперь Герко располагал рацией РСБТ с диапазоном действия в несколько километров. Несмотря на полученное им легкое осколочное ранение, командир полка остался в строю и продолжал руководить боевыми действиями.

На крайнем правом фланге сражался командир первого батальона того же полка капитан Алексеев; его танки «прочесывали» пулеметным огнем рожь, в которой укрылась вражеская пехота. Вдруг немецкий снаряд угодил в башню танка; из экипажа не спасся никто...

Вскоре погиб и принявший после Алексеева командование батальоном командир роты старший лейтенант Бердников. Он смело повел свою машину на обстреливавший его бронебойными пулями немецкий «универсал», раздавил пулемет вместе с расчетом и «врезался» в скопление вражеской пехоты во ржи.

Но тут в танк полетели гранаты. Одна из них подорвала гусеницу, и машина завертелась волчком. Минуту спустя из нее вырвался огромный столб серо-свинцового дыма и длинные языки яркого пламени. Тогда открылся люк, и из него до половины высунулась фигура командира роты. По широким плечам и крутой посадке головы

Черняховский узнал Бердникова. В руках у него — по «лимонке»*. По-видимому, командир роты был тяжело ранен, так как, бросив одну из гранат в гитлеровцев, подбегавших к машине, он тотчас же в изнеможении упал грудью на броню. Секунду-другую Бердников неподвижно лежал лицом вниз, затем с силой оттолкнулся левой рукой, явно с большим трудом выпрямился, метнул в немецких солдат вторую гранату и снова упал, на этот раз на спину; его туловище перегнулось почти под прямым углом, голова безжизненно свисала книзу. Бердников был мертв, пламя охватило его одежду... Так и горел он все время, пока шел бой.

Да! Недешево досталась нам победа. Многих и многих в тот день не досчитала 28-я в своих рядах. И все же это была победа...

Сутки спустя командование 55-м полком принял бывший помощник начальника штаба 22-й танковой бригады майор Ахад Бактимирович Хантемиров, но на следующий день пришлось и его отправить в госпиталь — в первом же бою Ахад получил тяжелое осколочное ранение. Сменил Хантемирова командир одного из батальонов того же полка, однако через два дня его убило угодившим в башню снарядом. В районе города Сольцы пятьдесят пятым командовал Федор Афанасьевич Семенчук; этот сгорел в своей боевой машине. И так все время — только появится в полку новый командир, как его тотчас же ранят или убьют...

Я закрываю глаза и опрокидываюсь памятью в прошлое. Как в калейдоскопе, проходят предо мной молодые, мужественные лица однополчан. Большинство их уже нет в живых.

С той поры утекли долгие двадцать лет — пятая часть века, но кажется, что все это было только вчера.

* * *

На Западной Двине 28-я отдельная танковая дивизия снова заняла оборону. Нужно было выиграть время, чтобы дать отступавшим стрелковым частям оторваться от противника, привести себя в порядок и занять новый рубеж обороны.

* Так в армейском быту называли ручную гранату Ф-1.

И опять горели фашистские танки и встречала смерть гитлеровская пехота...

В первый же день обороны на Западной Двине части Черняховского отбили десять атак, а когда в дело вступила вражеская пехота, мы ее взяли в клещи и уничтожили. Здесь фашисты были остановлены, но на соседних участках фронта врагу удалось с ходу форсировать реку и прочно закрепиться на обоих ее берегах. Два — три дня противник подтягивал сюда свои тылы и пехотные соединения — готовился к новому броску вперед.

Для 28-й дивизии создавалась реальная угроза окружения... Тогда мы получили приказ отходить...

Почти одновременно с этим наш артиллерийский полк мы передали одному из укрепрайонов.

НА ПЕРЕФОРМИРОВАНИИ

Деревня Красные Станки, куда мы вышли в июле, находилась примерно в тридцати километрах восточнее Новгорода. Здесь предполагали получить пополнение людьми и технику. Командование и штаб дивизии разместились в деревне.

Поражала спокойная уверенность населения, продолжавшего свои обычные занятия, словно фронт находился еще невесть как далеко. К вражеским самолетам привыкли, и лишь немногие, задрав головы вверх, провожали взглядами гитлеровских воздушных хищников, каждодневно летавших на бомбежку наших тылов.

Правление колхоза работало денно и нощно, организуя уборку урожая. С утра у крыльца занимаемого им дома собирались озабоченные девушки, еле передвигавшие ноги старики да четырнадцати-пятнадцатилетние пареньки. Получив задания, они направлялись в поле и только с заходом солнца, до предела усталые, возвращались домой. И все же вечерами на площади у правления, как и в мирное время, собиралась молодежь, играла гармонь... Но уже не было веселых плясунов, готовых размять ноги при первых же ее звуках...

Полевая почта работала плохо, тревога о родных и любимых росла. И не оттого ли так надрывно рыдала гармонь в руках горбатого деревенского музыканта? И не от том ли плакала ночная птица в лесу?

А луна светила по-прежнему, и вечерами так сладко пахла высокая луговая трава.

С утра до ночи шла учеба: перебежки, переползания, стрельба, метание гранат, разборка-сборка оружия, строевая подготовка. Раздобыли трофейные минометы. Никто не знал, как с ними обращаться. Пришлось командиру дивизии самому заняться обучением первой группы. Затем развернули минометную роту.

Еще раньше «обросли» мы медсанбатом, так же не положенным по штатам танковой дивизии, как и минометная рота. Однако, раз мы вынуждены были сражаться и как обычная «матушка-пехота», надо было обзаводиться такими подразделениями. Медсанбат оторвался от своего «хозяина» и стал нашим. И надо сказать, его койкам пустовать не приходилось...

Танков все не присылали. Обещали, но снова и снова не исполняли обещания. Ожидая их, Черняховский на всякий случай учил людей сражаться по-пехотному...

Мы с Якушкиным (моим ординарцем) расположились у учительницы местной школы. Ее муж погиб на фронте в первые же дни войны. Не прошло и двух месяцев с момента назначения его начальником одной из пограничных застав на западе, как пришлось ему во главе горсточки советских бойцов принять неравный бой с вероломно вторгшимся на нашу территорию противником. До последнего патрона защищали они дот и погибли под его развалинами.

Учительница встретила нас язвительной фразой: «Не в ту сторону наступаете!..» Впрочем, разместила в комнате с двумя кроватями, а свою постель перенесла на диван в столовую.

Это была молодая, очень энергичная особа. Выражение красивого лица — строгое, почти суровое. Чувствовалось, что женщину давит большое горе. Что-то холодное сквозило в ее взгляде. Казалось, человек смотрит на тебя почти в упор, но не видит.

Я безмятежно спал, когда налетела германская авиация... Что-то с чудовищной силой подняло меня вверх и швырнуло на пол. Оконная рама завалилась в комнату,

со звоном посыпались стекла. Растирая ушибы, я медленно поднялся и оглянулся вокруг. Неуклюжий комод стоял дном кверху. По стенам змеились глубокие трещины, штукатурка на потолке обвалилась.

Поспешно одевшись, я вышел на улицу.

Два вражеских самолета патрулировали вдоль дороги, пересекавшей деревню, сбрасывая бомбы.

Столетний дуб, в тени могучих ветвей которого еще вчера укрывалось наше жилище, был срезан словно ножом. На дороге лежал труп сторожа сельпо. Я знал этого хлопотливого старичка, оставленного рачительными кооператорами хранителем общественного достояния. Каждое утро он проверял остатки дегтя в бочке, пересчитывал пачки кофе «Здоровье», стирал пыль с двух хомутов и ржавого плуга. Порученное его опеке имущество старик запирает на огромный висячий замок «времен Очакова и покоренья Крыма». Сегодня он изменил раз заведенному порядку и пошел за сеном на луг. Это стоило ему жизни. Взрывная волна настигла беднягу на обратном пути и, высоко взметнув вверх, ударила спиною оземь. Так и лежал он среди рассыпанного вокруг свежего сена, босой, в посконной рубахе, с растрепанной белой от времени и пыли бородой. И казалось, был он весь соткан из легкой паутины и молитв, маленький и дряхлый-предряхлый...

С трудом преодолевая груды досок, бревен и щебня, я добрался до развалин дома, где жил дивизионный прокурор. Стоустая молва уже донесла до меня весть о его гибели. Здесь собралось полдеревни: перепуганные дети, причитающие бабы.

Раненая женщина вырывалась из рук перевязывавшей ее Нади Павловой — нашего штабного фельдшера. Женщина срывала с себя повязки и хватала трупки детей, раздавленных обвалившейся крышей. Их было четверо. Несчастная мать крепко прижимала одного из них к груди. Никогда не забыть ее полукрик-полуплач. Что-то нечеловеческое слышалось в этом «а-а-а-а», жгло сердце, звало к расплате. Женщина бросалась от ребенка к ребенку. С лица ее, с рук стекала на трупы детей кровь. Казалось, собственной кровью она хотела воскресить тех, кто был ей дороже жизни...

Кроме прокурора и трех случайно забредших в деревню бойцов, никто в дивизии не пострадал.

Черняховский не позволял командирам полков размещаться в населенных пунктах, и наши части были укрыты в лесу. Триангуляционную вышку приспособили под авианаблюдательный пункт. Чаше других нес там службу весельчак и затейник ефрейтор Ефрем Кулябко.

Когда приближались немецкие самолеты, он бил в колокол, что означало воздушную тревогу. И тогда все замирало — бойцы прятались в щели. Если появлялись свои самолеты, Кулябко радостно приветствовал их, махал руками, тщетно стараясь обратить на себя внимание летчиков. При этом парень часто путал чужих со своими.

Однажды с вышки раздалось:

— Воздух! Самолеты — с запада на восток. Свои...

А через минуту смущенное:

— Сбросили семь бомб...

Машины оказались вражескими.

С той поры не стало Кулябко в деревне проходу. Девушки насмехались над Ефремом, и ефрейтор стал проситься в разведку.

В период обороны Новгорода Кулябко показал себя истинным героем. Он погиб, когда мы отходили от Рождественской церкви к речке Левашине. Ефрейтор с группой автоматчиков, расположившись на краю кладбища, прикрывал отход штаба. Он был ранен, но остался в строю.

Оттеснив Кулябко к ограде и изолировав от других бойцов, гитлеровцы пытались захватить его живым. Он отстреливался до последнего патрона. А когда стрелять было уже нечем, Ефрем выхватил гранату и подорвал себя вместе с окружившими его гитлеровцами.

* *
*

После налета вражеской авиации мы с Черняховским тоже перебрались в лес — поселились в плохо оборудованном большом блиндаже. Медсестра Анфиса Белова и военфельдшер Надя Павлова жили в землянке рядом.

Несмотря на различие возрастов и служебных положений, мы сдружились с девушками, и они делились с нами своими радостями и печалью, переживаниями, тревогами и надеждами.

У Павловой была тяжелая форма малярии. Но даже самый острый приступ болезни никогда не мог удержать ее от выполнения того, что она считала своим долгом. Чудовищным напряжением воли Надя преодолевала приступы лихорадки и шла на поле боя, чтобы перевязать раненых. Надо было видеть, с каким одухотворенным спокойствием оказывала она помощь бойцам в этом крошечном аду, совершенно забывая о грозящей ей самой опасности. И происходило невероятное, то, что в народе называлось чудом: пули и мины словно не брали ее, осколки снарядов пролетали мимо...

Далекое, невозвратимое время! Давно уже нет Нади, погиб смертью храбрых генерал армии Черняховский.

Ивана Даниловича оплакали многие, вся страна. По Наде пролили слезы мы и ее старая мать в Ленинграде. Но кровь обоих мне равно дорога, незабываема! Ибо все вместе смотрели мы смерти в глаза и любили друг друга. И сколько трогательной, чисто женской заботы проявляла Павлова, чтобы в самой трудной походной обстановке создать нам уют. Чистота и полевые цветы в блиндаже, свежевыстиранное белье, аккуратно застеленные койки... Цену этих вещей не поймет тот, кто не был на фронте. И долго еще, в боях и походах, ночуя под открытым небом в степи или в лесу, на охалке соломой или просто на ветках хвои, вспоминали мы, как теплую ласку, эту ее заботу.

Нас донимали немецкие самолеты: то обстреляют обоз, то сбросят бомбы на ближнее селение или соседний лесок. Каждый день мы кого-нибудь не досчитывались. Кладбище за деревенской околицей росло, покрывалось пирамидальными, обшитыми красным кумачом памятниками, пришедшими на смену традиционным деревянным крестам.

С рассветом появлялась «рама». Она часами висела над нашими головами, разглядывая происходящее на земле. Когда воздушный разведчик исчезал, все знали — через полчаса прилетят «юнкеры» и будут бомбить лес...

Под Сольцами не затихали тяжелые бои. Не считаясь с потерями, гитлеровцы настойчиво лезли вперед. Группы фашистских автоматчиков просачивались в тылы советских частей, нарушали связь, иногда своими неожиданно дерзкими действиями сеяли панику в сердцах малодушных...

Комдива и меня вызвали к командиру 12-го механизированного корпуса И. Т. Коровникову, являвшемуся одновременно и командующим Новгородским укрепленным районом и Новгородской оперативной группой войск.

Штаб корпуса размещался в селе Пролетарий, прокопченном дымом печей фарфорового завода. Мы подошли к селу в момент, когда семерка «юнкеров» обрабатывала лесок близ штаба. Пришлось укрыться в заготовленных кем-то щелях под спасительной сенью придорожного дерева.

Командир корпуса принял нас тотчас же, как только ему доложили о нашем прибытии, и приказал перебросить саперно-понтонный батальон, усиленный сводной ротой спешенных танкистов, к Сольцам.

Для нас это было тяжелым ударом. Незадолго до этого у дивизии отняли мотострелковый батальон и придали его соседнему соединению. Теперь забирали саперов, проверенных в боях бойцов и командиров — кровь от крови и плоть от плоти нашего соединения.

Водя цветным карандашом по карте, комкор показал предполагаемое направление главного удара противника, его передний край, дислокацию вражеских частей. Затем поставил нам задачу — форсировать подготовку полученного пополнения.

Я смотрел на склонившуюся над картой не по годам стройную фигуру командира корпуса и внимательно слушал его. Ладно сшитая гимнастерка была туго схвачена ремнем и красиво облежала фигуру. На груди — орден Красного Знамени. У бедра из деревянной кобуры торчала рукоятка маузера, сохранившегося у его владельца, видимо, еще со времен гражданской войны. Во всем теле комкора чувствовалась какая-то особая упругость и подтянутость, столь характерные для кадрового офицера. По ним всегда узнаешь старого солдата, узнаешь даже многие годы спустя после выхода его в запас или отставку...

Выслушав доклад Черняховского о состоянии дивизии, Коровников заглянул в свою записную книжку и сказал:

— Ну, воевать мы еще можем... Здесь, у Новгорода, враг должен истечь кровью. Сюда он бросил 1-й армей-

ский корпус своей 16-й армии, оснащенный большим количеством штурмовых орудий. На нас движутся отборные, закаленные в боях вражеские войска. Недооценивать этого нельзя. Для гитлеровского командования Новгород — одна из ключевых позиций на подступах к Ленинграду, овладеть которым — конечная цель группы немецких армий «Север». Захват Новгорода не только позволил бы им изолировать нашу «северную столицу» от остальной страны, но и дал бы возможность нанести по ней удар с юго-востока. В этом смысл проводимой противником операции, и можно заранее сказать, что он будет драться упорно, с ожесточением за достижение намеченной им цели. Наша задача — перемолоть здесь силы врага, не пустить их на подступы к Ленинграду. Это — главное... Кроме того, вы сами понимаете, какой огромный политический урон нанесло бы нам падение Новгорода, каким тяжелым ударом даже с чисто военной точки зрения явился бы сам факт преодоления фашистскими войсками такого мощного водного рубежа, как Волхов... Впрочем, все это вам и самим ясно... Наши свежие дивизии на марше. Мы во что бы то ни стало должны продержаться до их подхода.

Черняховский посетовал, что мы стоим во втором эшелоне.

— На днях снова пушу вас в дело. Вы — мой главный резерв, — ответил комкор. — Сколачивайте части! Ваша дивизия получила свежее пополнение — передавайте ему ваши боевые традиции, учите воевать! Помните, что вы теперь — пехота!..

Иван Данилович запротестовал:

— У нас многие водители провели за рычагами боевых машин больше, чем по тысяче часов. Было бы преступлением использовать их как рядовых стрелков. У нас еще будут танки, и для них мы обязаны сохранить опытных водителей.

— Других сил сейчас здесь нет... Видите? Снова вынужден забрать у вас батальон и бросить его в бой, чтобы не дать противнику прорваться на правом фланге нашей обороны... Это не от хорошей жизни, товарищ полковник!

— Я понимаю вас, товарищ комкор, но мне тяжело. Этих людей мы растили, обучали воевать в танке, побы-

вали вместе в десятках боев, а теперь все насмарку! Ведь это же золотой фонд! Вы сами танкист и знаете, что не так-то легко обучить новобранца нашему делу. Не может быть, чтобы нам не дали танков! А впрочем, это так, к слову. Наше дело солдатское: прикажут—будем драться и пешими...

Черняховский замолчал, достал из планшета карту и принялся наносить на нее полученные от Коровникова данные.

* * *

Возвращались мы на лошадях, верхом. Черняховский ворчал:

— Вот и пополнились! Ни техники, ни людей! И каких бойцов, каких бойцов отдаем!.. До слез обидно!

По дороге за нами увязалась «рама». Она упорно преследовала нас, очевидно рассчитывая установить расположение частей в лесу. Тщетно мы пытались обмануть немецкого летчика. Он снова и снова находил нас, то проскакивая вперед, то возвращаясь назад. Временами «рама» скользила почти над самыми нашими головами. Тогда мы давали по ней очереди из автоматов. Наконец все это нам осточертело, и мы на манежной рыси направились напрямик «домой». Ночевали в деревне. Я остановился у прежней хозяйки.

На этот раз она встретила меня более радушно: извлекла из погреба старку собственного изготовления, соленые грибки, огурцы и копченое сало. Насытившись, мы пили чай с малиновым вареньем. Хозяйка ругала Гитлера, бранила нас (почему допустили захватчиков на родную землю?), перечисляла своих знакомых, которые «окопались в тылу», рассказывала о школьниках старших классов, ушедших добровольцами на фронт, и так без конца, без умолку...

Утром меня навестил Черняховский. Вместе с ним пришел и начальник штаба.

Молодой, энергичный капитан Андрей Никитич Пашков хорошо знал штабную работу и с первых же дней войны сделался правой рукой командира дивизии. Разложив на столе карту занимаемого соединением района, он бегло докладывал план учебы бойцов и командиров на

ближайшие дни. Черняховский внимательно слушал его и вносил коррективы.

Вдруг в дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату вошла хозяйка.

— Может, закусите?

— Да нет, спасибо, мы уже завтракали, — отказался за всех нас Иван Данилович.

— Какое там завтракали! Ишь, рань-то какая! Да вы, может, обижаетесь за вчерашний разговор с комиссаром? На душе тяжело... А тут еще в газетах: «стратегия», «тактика», «измотав противника, оставили населенный пункт» и прочее, и тому подобное. Прямо-таки душу воротит... А по-моему, говори прямо, без громких фраз: отступаем! Понимаете — от-ступаем! Позор-то какой! Красная Армия отступает. Мы слезами от горя исходим. Стыдно за вас, за самих себя. Ну да что попусту слова тратить!.. Прошу закусить, чем богаты!

Черняховский уже давно встал со стула и, слегка морщась, слушал. Наконец спокойно, чуть-чуть растягивая слова, заговорил:

— К сожалению, кое в чем вы правы. Но только кое в чем. Мало нас еще — вот и приходится маневрировать, пока соберемся с силами. Легко сказать: не пустить врага! Ну а если дать ему сейчас уничтожить все наши кадровые части, тогда что? Нет! Нужно во что бы то ни стало сохранить костяк для будущих армий. По всей стране идет мобилизация. Когда еще из призванных выкуются настоящие солдаты? Командиров из запасных тоже надо еще учить. Гитлер свои дивизии годами сколачивал, обучал, в различных войнах тренировал, закалял. А в нашем распоряжении считанные дни и часы! Наберитесь терпения, пока наши отмобилизуются, пополнятся техникой, обучатся да к запаху пороха привыкнут — увидите, как тогда гитлеровцев погоним.

— Вы, товарищ полковник, меня не агитируйте. То, что в конце концов победим, я и сама не хуже вас знаю. А вот вы-то, дорогие граждане командиры, почему в нашей деревне очутились? Это как прикажете понимать? Может, это, по-вашему, и есть воевать малой кровью на чужой земле? Только почему своя-то, советская, вся в крови?

Черняховский рассмеялся:

— Однако вы занозистая... Нам и самим хотелось бы поскорее на фронт вернуться, да не мы решаем такие вопросы. Однако не беспокойтесь — засидимся недолго...

Когда мы уже выходили на улицу, хозяйка бросила вслед:

— Ну а если немца в плен возьмете, есть у вас кому допросить его?

— У нас комиссар по этой части горазд — жил когда-то в Берлине. — И Черняховский указал на меня.

— А переводчик разве вам не полагается?

— По штату положен, да где его взять? Такого и в мирное время не сразу найдешь, а сейчас просто счастье, что комиссар нам с «языком» достался.

— Ну а если я вам на второе счастье навяжусь, возьмете? Я ведь в школе немецкий язык преподавала, да теперь какая уж там учеба?..

— Подумаем, — ответил Иван Данилович и увлек нас к выходу.

И все же Лиза Белокопытова добила своего — ее зачислили в штаб дивизии на должность переводчика. Свою квартиру она опечатала и на наружных дверях наклеила записку:

«Никого нет! Хозяин погиб на фронте, хозяйка воюет. Ключ от квартиры у председателя сельсовета».

БАТАЛЬОН УХОДИТ НА ФРОНТ

На следующий день мы отправляли саперно-понтонный батальон. С рассветом всех людей построили в лесу на поляне. Выставили наблюдательный пост, чтобы не обнаружили нас вражеские самолеты.

— В линию ротных колонн — стройся!..

Мы прощаемся с командирами и бойцами... Батальон свертывается в походную колонну, но комдив приказывает комбату перестроить ее и вести людей, маскируя движение деревьями.

Четок солдатский шаг. Лица суровы и строг.

— Равнение направо!

Знакомое волнение овладевает всеми нами. С этими людьми мы делили радости и горести походной жизни,

не раз вместе глядели смерти в глаза. Мы как бы сроднились с ними, стали близки друг другу, и вот сегодня настал час расставания. Понимали, что вряд ли когда-нибудь встретимся, даже если останемся в живых.

Иван Данилович переживал сильнее всех. Он «душой прилеплялся» к солдатам и потому теперь так страдал при расставании с ними.

— Храните, товарищи, славные традиции нашей дивизии! Чтобы не пришлось нам краснеть за вас! Помните, всеми нами руководит наша Коммунистическая партия. С нею победим! — напутствовал он уходивших.

Подразделение за подразделением проходили мимо нас, в последний раз приветствуя своего любимого комдива.

Вот уже скрылись из глаз тянувшиеся вдоль обочин цепочки бойцов, а Черняховский все смотрел им вслед...

Солнце клонилось к западу. Огромное, багрово-красное, оно уходило туда, где свирепствовал враг, где было безысходное горе, где захлебывались кровью города и села нашей многострадальной Родины.

И не оттого ли алело небо, что отражалась в нем наша кровь? И не ею ли наполнились озера, не она ли окрасила стволы сосен в лесу? Густая кипящая кровь в небе, на земле, на воде, на барашковых шапках берез. Но... белые стволы их, как улыбка ребенка, вселяли в сердце светлую радость, пели гимн жизни...

Я сорвал пушистую ветку и утонул лицом в свежей листве. Полной грудью вдыхал сладкий ее аромат, влажный запах предвечерней росы...

Кусты у дороги уже почернели, но вершины деревьев еще были освещены солнцем. Алым шелком заката сверкал златотканый купол неба. Рубины, сапфиры, аметисты, бирюза струились ручьями, стекались в многоцветные реки и бежали к изумрудным полям, простиравшимся до самого края земли. Казалось, слышится шепот листьев, рокот умиротворенных волн, шорох трав. И хотелось взлететь легкой птицей ввысь, чтобы не отрываясь глядеть на бескрайние просторы Родины, чутко вслушиваться в берущие за душу песни свободных людей, без конца вдыхать ароматы садов, лесов и полей Советской земли.

* *

*

В ночь на 15 августа Коровников передал по телефону приказ срочно передислоцировать дивизию в Новгород и занять там оборону. К рассвету офицер связи штаба корпуса доставил нам письменное боевое распоряжение командующего.

К этому времени поднятые по тревоге части и подразделения дивизии уже были посажены на грузовики и готовы к выступлению.

Командиры и политработники в последний раз проверили, все ли в порядке, не забыто ли что, не упущено ли, и мы тронулись в путь.

Для дивизии снова настала боевая страда.

Г Л А В А В Т О Р А Я

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Самолеты Рихтгофена группами по пятнадцать—двадцать непрерывно бомбили Софийский собор. Немцы знали, где находится наш штаб, и пытались его уничтожить. Идя друг за другом па небольшой высоте, воздушные хищники поочередно сбрасывали свой смертоносный груз на прижавшихся к земле людей. А когда пикировщики с воем и визгом низвергались из поднебесья вниз, каждому казалось, что оторвавшиеся от самолета бомбы летят прямоком на него. И тогда где-то в глубине груди что-то настороженно замирало и тело снова и снова тщетно пыталось вдавиться в покрытую камнем землю.

Бомбы рвались на площади, во дворах, у кремлевской ограды, попадали в здания, превращая в щебень то, что устояло под натиском времени. Миллионы стальных осколков, больших и малых, рвали, кромсали на своем пути все живое, сеяли смерть. Неистовый вой падающих бомб резал слух, травмировал психику.

Здание собора ежеминутно сотрясалося до самого своего основания. И только старинные своды подперковья нерушимо нависали над нашими головами...

Покрытые мохом камни подавали свой печальный голос. Не о злосчастной ли доле древнейшего русского града скорбели они, не о славе ль былой вспоминали? Не о судьбах ли многострадаальной Руси исходили тревогой?

Укрепленные на стенах светильники из стреляных гильз тускло освещали помещение, скамьи, стол и сложенные над картой головы командиров. Копоть от самодельных лампионов омрачала и без того мрачный церковный подвал. И поэтому люди здесь казались какими-то бестелесными тенями, сошедшими в царство живых.

Взрывной волной потушило свет. Чертыхаясь, зажгли его вновь. Черняховский сосредоточенно водил по карте цветным карандашом — намечал новую линию обороны. Командующий Новгородским укрепленным районом Иван Терентьевич Коровников давал последние указания. Член Военного совета фронта Терентий Фомич Штыков торопливо дописывал какие-то сведения в свою записную книжку. Черняховский стал диктовать командирам боевое распоряжение. Карандаши забегали по картам... Наконец все встали и направились к выходу.

У ниши на выдавшей вида солдатской шинели лежала Надя Павлова. Девушку трепала лихорадка, и чьи-то заботливые руки навалили на нее грудь солдатских плащ-палаток. Маленькая и беспомощная, она, не мигая, глядела в угол на невесть как попавший сюда огромный церковный сосуд и нервно вздрагивала при каждом разрыве. Мне стало жаль этого бедного ребенка (Наде едва ли исполнилось восемнадцать лет), я подошел к ней и положил руку на ее мокрый горячий лоб.

— Страшно?

— Нет! Неприятно только.— И, немного подумав, добавила: — А может, и страшно, не знаю! Словно двое нас: одной вроде очень боязно, а другой все равно. Глупо, не правда ли?.. Вот еще голова очень болит и дышать трудно. — Она улыбнулась и устремила на меня свой полный тревоги взгляд: — Вы туда?

— Хочу посмотреть, что делается наверху, а потом — по новому заданию.

Девушка взяла мою руку, почему-то перебрала на ней все пальцы и, сбросив с себя покрывавшие ее плащи, села. Затем она внимательно осмотрела санитарную сумку, только что заменявшую ей подушку, поправила на ней застёжки и, перебросив через плечо ремень, встала.

По лестницам и темным путаным переходам мы поднялись в главный храм. Я машинально взглянул на

часы — было ровно двенадцать. Мерцающее в полумраке золото иконных окладов рождало какое-то особое ощущение душевного покоя. Казалось, воздух еще пропитан пряным ароматом ладана и запахом только что потушенных восковых свечей. Вот-вот они вспыхнут вновь, затеплятся у икон лампы, раскроются царские врата, и огромный, заросший волосами дякон, тряхнув полуаршинной бородой, возопиет могучим басом: «Вон-мем!...»

За стенами неистовствовала смерть, здесь же — воплощенная в краски и светотени жизнь. Где-то высоко-высоко, у самой вершины купола, распростерлось гениально выполненное изображение человекобога. Пристально устремленные вниз глаза, как живые, выражали страдание и гнев, укор и вопрос, стыд и неуемное горе. Я отошел в сторону — глаза словно следовали за мной. Я еще раз сменил место — они по-прежнему были устремлены на меня.

О, как велика сила искусства, создавшего эти краски, этот образ, эти глаза!..

Вдруг снопы яркого света ворвались в два верхних окна, ударили внутрь Софии, но не смогли пробить ее извечную темноту, запутавшись среди многочисленных каменных столпов и низких сводов.

Таинственным внутренним светом, словно миллионы мерцающих во мраке свечей, засияло золото храма. И тогда словно ожила прекрасная роспись. Качнулись стены, грянул гром, и что-то обрушилось. Я нагнулся и поднял упавший к ногам моим сбитый ударом взрывной волны осколок бесценной фрески...

Чья кровь пропитала ее?

• Как ярки и впечатляющи краски, что положил вдохновенный художник девять веков назад!

В глубокой задумчивости оставили мы собор, чтобы никогда туда не вернуться.

Каждый холм, каждый дом и ограду защищали мы люто и, когда нестерпимо жгло пламя и рушилось здание, отходили к ближайшей стене, чтобы снова дать бой. И лилась наша кровь на булыжные плиты, и краснел на них мох... И так было с восемнадцатого по двадцать четвертое августа вожженного в века сорок первого года.

Мимо белых, словно впитавших в себя солнечный свет, стен шли мы к Мартириевской паперти. У бронзовых Сигтунских врат лежал красноармеец. Осколком бомбы ему распорол живот. Небольшой лужей кровь растекалась под ним и крупными каплями сбегала вниз по ступенькам. И снова я увидел глаза... Сколько безмолвного страдания и скрытого укора таилось в них! Умиравший судорожно скреб пальцами землю. Грудь тщетно пыталась вобрать досыта воздуха и с хрипом и кровью выбрасывала его обратно. Девушка искала в сумке шприц, но смерть опередила ее. В последний раз впились солдатские пальцы в землю, и стеклом подернуло взор... Надя опустилась на колени, подняла откатившуюся в сторону фуражку и прикрыла ею лицо бойца. И вдруг снова и снова свистящий, режущий уши вой вражеских бомб и пикирующих самолетов...

Можно привыкнуть ко всему: к грохоту пушек, огневому водопаду снарядов и мин, реву «катюш»; можно даже полюбить состояние предельной напряженности и собственной мощи, охватывающее вас в момент рукопашной схватки, кавалерийской или танковой атаки; можно совершенно выключить из своего тела чувство страха и мысль о смерти; но к этому проникающему до самого позвоночника вою несущейся из-за облака бомбы привыкнуть невозможно. Да, не так-то легко вышибить из человека чувство полной беспомощности пред низвергающимся с неба смертоносным снарядом.

Спокойствие! Спокойствие во что бы то ни стало, чтобы верил солдат, что сердце твое из стали, а опасность — лишь игра его собственных нервов. И когда все попадали ниц, стой на месте и зорко следи, чтобы не было паники!

У западных, Корсунских, врат меня догнала Павлова.

— И не думайте отделаться от меня! Я все равно пойду с вами.

Мы подошли к кремлевской стене. У ворот меж башнями громоздилась баррикада из мешков с землей.

В узком проходе к мосту через ров я невольно оглянулся назад. Суровые молчаливые стены, высоко уносящиеся к небу шлемы былинных богатырей — купола. В центре — огромный, сверкающий золотом, вокруг него — серо-свинцовые, величавые в своей суровой непреклонности.

Глядишь на эти смелые, гордые линии стен и куполов древнего храма и не можешь глаз оторвать — словно из пены морской восстала сросшаяся воедино белая громада скал, а за нею — древний град-воин, свободолобивый и властный Господин Великий Новгород. Девять веков назад русский народ вложил в этот храм свою душу, лучшие чаяния, свое мироощущение, стремление к прекрасному, беспредельную, неумную любовь к родине. Нерушимой громадой высилась София — величественный памятник славного прошлого, символ вечности, бессмертия сотворившего его народа. За ним бескрайно простиралась земля русская, многомиллионная Россия, великая Советская страна, Родина!

ПРИКАЗ СТОЯТЬ НАСМЕРТЬ

Мы перешли через мост и пересекли город. Какие-то женщины торопливо перебежали улицы. Дымили печные трубы — домашние хозяйки готовили обед. Ребятишки искали в щебне еще не успевшие остыть осколки бомб. Белые куры рылись у забора, искали корм. При нашем приближении они разбежались. Большой пестрый петух с надорванным красным гребнем, распутив до земли крылья, долго бежал рядом с нами вдоль тротуара. Наконец он вскочил на каменную ограду какого-то двора и, выпятив грудь, неистово закричал: «Ку-ка-ре-ку-у-у!»

За городом проходил земляной вал. В нем были отрыты стрелковые ячейки. Там расположились разведчики, оставшиеся на этот раз в резерве. Сопровождаемый двумя автоматчиками, я отправился на передний край. Бой развернулся у деревни Старая Мельница. Немецкие снаряды ложились вдоль улицы, били по избам. Враг обрабатывал наши позиции артиллерийским и минометным огнем. Бойцы отстреливались, лежа в наспех отрытых ячейках. Маскировки не было, и вся наша оборонительная линия была видна противнику как на ладони.

Вдруг у немцев взвились ракеты. Гитлеровцы поднялись и пошли во весь рост в атаку. Свои легкие автоматы они упирали прикладами в живот и на ходу ожесточенно стреляли. Хотя никто из них, конечно, не целился, но плотность огня получалась огромная, и проскочить через эту завесу из свинца и пламени было почти невозможно.

Тогда заговорили наши пулеметы и автоматы. Было видно, как падали люди в форме мышиного цвета. Противник замялся. Мы подняли своих бойцов и пошли в контратаку. Враг дрогнул, откатился вспять и снова пустил в ход минометы. Показались танки. Гранатой подорвали один из них, и они отошли.

К вечеру пришел приказ оттянуть людей к валу. В том самом боевом распоряжении, что прислал нам Коровников еще в ночь на 15 августа, дивизии было приказано защищать город до последнего человека.

«Комиссару 28 тд полковому комиссару т. Банквицеру
БОЕВОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ 14.8.41 г. 11.00

г. Новгород.

1. Назначаю комиссаром правого сектора обороны комиссара 55 тп.

2. Центрального сектора комиссаром назначаю комиссара 56 тп.

3. Левого сектора — начальника политотдела 28 тд старшего батальонного комиссара т. Третьякова.

4. Комиссаром обороны кремля — комиссара штаба 28 тд.

5. На полковника т. Черняховского и вас возлагаю руководство и политобеспечение секторам и комиссарами секторов.

6. Сектора занять для обороны только тогда, когда будет неустойка на основных рубежах обороны.

7. Город Новгород защищать до последнего человека.

8. Мне немедленно донести о расстановке комиссаров секторов с указанием фамилии, имени, отчества, звания и занимаемой должности.

9. Мой КП — г. Новгород, Московская улица, дом № 83.

Начальник обороны гор. Новгорода
комдив *И. Коровников*

Военный комиссар
бат. ком. *Н. Петров»*

— Что ж, будем драться до последнего! — твердо сказал, прочтя это распоряжение, Черняховский...

18 августа седьмой пункт вступил в силу.

* *
*

Снова приезжали члены Военного совета фронта Штыков и Богаткин. Подтвердили то, что наказал нам раньше командующий укрепленным районом: Новгород защищать до последнего человека. Рассматривая баррикаду у кремлевских ворот, попали под бомбежку. Фашистские самолеты пикировали на Софию и башни новгородского кремля. Давно уже в эти башни не ступала нога человека. Древней кладки кирпич с годами осыпался, завалил щебнем лестницы, порос блеклой травой и мохом. Из бойниц, амбразур и щелей вылетали сотни встревоженных воробьев. С перепугу они наталкивались на людей, деревья, стены и возвращались.

В бывших «архиерейских покоях» размещался какой-то музей. Застекленная дверь была заперта, и из-за нее выглядывал сторож, старый и немощный.

— Открой! — крикнул Богаткин.

— Здесь ходить не положено! Музеум закрыт, — строго, как в мирное время, ответил сторож и привычным жестом оправил широченную бороду.

Вдруг взрывной волной сорвало с петель обе дверки и расшвыряло хлам, сваленный грудой в проходе. Порывом воздуха опрокинуло стоявшее в вестибюле зеркало, сложенную в два яруса золоченую мебель и бюсты каких-то царей, метнуло со стен на пол дорогие картины, бросило на лестницу сурового деда. Чудом не тронуло нас.

В это время к подъезду музея подошел парторг одного из полков Филипп Кремнев в сопровождении двух снайперов — Жадана и Панкратова.

— Ну, как воюется?.. С непривычки тяжеленько? — спросил Штыков Кремнева, которого знал по партийной работе.

— Почти как в райкоме. Только пошумней малость, — отвечал тот.

Оба рассмеялись.

Иван Данилович просмотрел донесение, принесенное Панкратовым, и передал его члену Военного совета. Штыков прочел бумагу, отдал ее мне и стал беседовать с Жаданом:

— В гражданке кем был?

— Токарь.

— Какое имеешь образование?

— Школа рабочей молодежи.

— Коммунист?

— Комсомолец... Чэтвэртый рик.

— Почему же не вступаешь в партию?

— Нэ заробыв шэ.

— Что ж, разве ни сдного фашиста не убил?

— Так я ж снайпэр. На счоту вжэ дванадцять маю.

Та цэ ж шэ нэ тэ, товарищу длэн Вийськовой рады. Я так маю на думци самому в соби влэвнытысь. Пидстрелыть нимца нэ штука, а ось у бою, у самисиньким пэкли як? — Словно сам с собой рассуждал Жадан.

— Я так розумию, шо партия — цэ справа дужэ прэвэлыка.

— Ну, парень, тут ты немножечко перегибаешь!.. Помочь ему надо, Кремнев, в самом себе разобраться, — подал реплику Черняховский.

— А ты тоже снайпер? — обратился Терентий Фомич к Панкратову и получил утвердительный ответ. Узнав, что он тоже комсомолец и уже два дня как подал заявление о приеме в партию, Штыков одобрительно похлопал его по плечу.

— С него, Жадан, бери пример! Что тебя отделяет от партии? Ничего! Правильно сказал Черняховский: тут твоя, Кремнев, недоработка...

СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА

Бездонное, ясное, голубое небо. Безбрежное зеленое поле. На холмах и далеко за ними — сероватые волны широкого, как море, Ильмень-озера, буйные травы в рост человека на заливных лугах, теплый, ласковый, пахнущий влагою ветер... И за полем и ширью бескрайной равнины — древний город. А дальше... дальше — фашисты и смерть...

У околицы деревни Старая Мельница приняли бой — надо было дать вынести лежавших в избах раненых. Санитары и медсестра Мавря, женщина огромной физической силы, притащили их сюда с поля боя на сол-

датских плащ-палатках; многие с перебитыми руками и ногами доползли сами. Надя Павлова, Анфиса Белова, Лида Глаголева и Лиза Белокопытова перевязывали раненых под ураганным огнем врага. Теперь забинтованных бойцов уносили в тыл на носилках санитары из слабосильной команды... Вдруг из края в край по цепи пробежало тревожное:

— Патроны-ы-ы!

И сразу в сердце словно что-то оборвалось. Бой стихал с каждой минутой. В подвале бывшего кооперативного склада размещался пункт боепитания. Бросили всех свободных людей на подноску патронов. Прошли томительные полчаса, пока вновь зачастили выстрелы и впереди застрочил пулемет. Тогда гитлеровцы сразу со всех концов зажгли снарядами Старую Мельницу. Пламя, пламя и пламя! Убитые и раненые, предсмертные хрипы, рев снарядов, разрывы бомб, свист пуль...

И все же мы продолжали вести бой, и лишь когда на землю спустилась ночь, под ее покровом оторвались от противника и благополучно достигли западной части древнего земляного вала, окружавшего город.

Гитлеровцы продолжали обстрел деревни и красными ракетами давали целеуказания своей артиллерии. Белыми осветительными они пытались обнаружить проводимую нами перегруппировку сил. Когда ракеты вспыхивали, все замирали на месте. Люди падали ниц и ожидали спасительной тьмы...

Заняв оборону, никто не думал о сне. Солдаты исправляли стрелковые ячейки, насыпали брустверы, запасались патронами, ручными гранатами, кусками дерна и травой маскировали позиции.

Белые ракеты каскадами падали между нами и противником. Некоторые из них долетали до нас. Где-то близко строчил немецкий автомат и визжал поросенок. С ревом, грохотом, лязгом гусениц проползли два КВ. Утром Черняховский получил их у командования укрепрайона и сейчас ставил на флангах нашей обороны у самых дорог.

Подойдя к группе командиров разведбатальона, я увидел Павлову и военврача Нейштадта. Они о чем-то вполголоса беседовали.

— Хороши нынче хлеба, — долетели до меня слова доктора. — Только кто жать будет?

— Бабам одним нипочем не управиться, — подал реплику Котов.

— Да тут никогда, кроме баб, никто не крестьянствовал, — возразила Надя. — Мужчины рыбачат, а бабы хозяйствуют: сами пашут, сами сеют, сами и жнут...

— Эх и жара здесь будет! — произнес кто-то из командиров.

В этот момент немецкая артиллерия произвела неожиданный налет, и все укрылись в окопах...

* * *

*

Возвращался я в штаб через город. То и дело окликали патрули. В эту ночь Новгород бодрствовал.

От вчерашней безмятежности жителей не осталось и следа. От мала до велика встали они на защиту родного города. Неумоимо таскали бревна, кирпич и камни, разбирали садовые ограды и мостовые, рыли щели, окопы и рвы, разматывали колючую проволоку и натягивали ее поперек улиц. Девочки шили мешки, матери и сестры тут же наполняли их землей и тащили на баррикады. И во главе каждой группы при свете луны можно было различить человека в военной форме. Это политработники и саперы проводили в жизнь приказ командира дивизии.

Всюду появлялся Черняховский, давал указания, контролировал, посылал с поручениями в разные концы офицеров связи и штабных командиров, проверял секторы обстрела, расположение огневых точек, систему заграждения, определял возможные направления атак противника...

Мы встретились с ним на Большой Легощей (Советской) улице, близ церкви. Кратко обменялись информацией. Положение было тяжелое. На пополнение рассчитывать не приходилось. Правый и левый соседи отошли. Нам угрожал фланговый удар противника.

— Скорей справа, чем слева, — рассуждал Черняховский. — У озера Ильмень стоят кадровые части. Вклинившись слева, немцы рисковали бы попасть в железные клещи, а у Хутыни — малообстрелянная 1-я горнострелковая бригада. Это, конечно, для неприятеля не является тайной...

Пока мы с ним разговаривали, нас окружили жители города, жадно ловившие каждое слово комдива. Какая-то старушка притащила кувшин молока и краюху белого хлеба, предложила нам перекусить.

И пока мы ели душистый хлеб, запивая холодным молоком, нас забросали вопросами. Черняховский объяснял всю сложность создавшейся обстановки, причины, вынуждавшие нас временно отступить, ответственность каждого за успех обороны. Он обладал исключительным даром убеждения, и его непреклонная вера в неизбежность нашей конечной победы, как электрический ток по проводам, передавалась слушателям.

— Новгород будем защищать до последнего человека! — заключил командир дивизии, и лицо его сразу стало строгим, а в голосе зазвучал металл, хотя обычно это был обаятельный баритон.

Иван Данилович вернул женщине кувшин и, поручив мне осмотреть работы на Чудинской, пошел на передний край.

Старушка перекрестила его на дорогу и, словно чувствуя усмешку, сказала:

— Ты вот не веришь, а я верю. Иди с богом, сынок!

И перекрестила еще раз...

* *
*

Подошли отставшие адъютант командира дивизии и автоматчики. Я велел им идти к комдиву, а сам отправился к детинцу. Близ Чудинской я снова встретил Павлову, возвращавшуюся на перевязочный пункт. Мы шли молча, занятые каждый своими думами. Луна лила серебро на дома, деревья в садах, кусты за заборами, тротуар, мостовую, на людей, зарывавших в землю добро от фашистских захватчиков. И вдруг в ушах моих почти явственно зазвучала знакомая мелодия. Она росла и крепла, звучала миллионами труб и скрипок.

Прости-прошай, родная весы!
Прощай и ты, семейшка!
Нам смерть в бою написана!
Нам смерть в бою...

И, словно угадав мое настроение, Надя спросила:
— Вы любите музыку?

Я ответил вопросом на вопрос:

— Помните «Сечу при Керженце» — оркестровый переход между картинами третьего акта «Сказания о граде Китеже» Римского-Корсакова? Идет бой, и рубится славянская дружина за святую Русь, дерется до последнего человека. Слышны удары грозных мечей о монгольские щиты, лязг доспехов славных витязей, нарастающий гул неудержимо мчащейся татарской конницы. Развевает ветер гривы борзых коней. Островерхи шапки лихих наездников, кривы клинки сверкающих сабель. Гортанный гик в воздухе. Полыхают пожары из края в край по родной земле. Горят села и нивы. Плачут дети и женщины. Но звонче, громче топот тысяч лошадиных копыт. Сиротеет, глохнет в нем ратный клич честных воинов, тихнет-тихнет песня русская. Вот и вся она захлестнулась огнем, кончилась. Вихрем смерти пронеслось над ней татарское полчище. Мрак на сцене — на душе сумерки. Только оркестр звучит тихой надеждой. И уже откликается сердце, словно вешнее ведает: воскреснет жизнь под зелеными водами озера — сохранится священный град.

Я замолчал...

Нет, не на дне сказочного озера будет жить Великий Новгород! Здесь, на этой родной и близкой Советской земле, добьемся победы!

Внутренним взором, как наяву, вижу миллионы советских людей, идущих под славный стяг Красной Армии, чтобы стать на защиту своей свободы, своей чести, своей Родины...

Поднялася с полуночи
Дружинушка крестьянская...

— А мне почему-то ближе Чайковский, — задумчиво произнесла Надя. — Очень убедительно и волнующе звучит его музыка, хотя иногда и не совсем до меня доходит...

ПРИЕМ В ПАРТИЮ ПАНКРАТОВА И ЖАДАНА

...На рассвете к одной из стрелковых ячеек стекались бойцы — собиралось полковое партийное бюро. Общих партийных собраний не было с той поры, как стояли в Красных Станках... В повестке дня значился только один

вопрос: прием в партию особо отличившихся бойцов. Рассматривались заявления Панкратова, Жадана и еще десяти комсомольцев. Пришедшие на заседание были как-то особенно торжественны и серьезны. Они расположились на траве вокруг индивидуального окопчика, в котором устроился коммунист Назаров. Он положил на бруствер полевую сумку и, высунувшись до уровня плеч, торопливо записывал прения.

Я подсел к Кремневу.

Слушая ораторов, парторг немного шурил свои близорные глаза. Отсутствие военной выправки изобличало в нем глубоко штатского человека. Но в нужный момент Кремнев всегда появлялся в самых опасных местах боя и своим спокойствием и уверенностью, а когда требовалось, то и собственным примером, поднимал дух уставших бойцов. Солдаты и командиры, коммунисты и беспартийные любили своего парторга и никогда не позволяли себе разговаривать с ним тем слегка иронически-покровительственным тоном, каким обычно строевик разговаривает с новым в армии человеком. Кремнева глубоко уважали не только за его абсолютное бесстрашие, но и за подкупающую простоту обращения, за заботу о бойце, за ту особенную человеческую душевность и чуткость, что так характерны для представителей старейшей большевистской гвардии, к которой он принадлежал...

Первым принимали в кандидаты партии Панкратова.

— Вы знаете меня и вы решите, достоин ли я звания коммуниста. Но только в этот страшный час, когда стали мы насмерть, я не могу больше быть вне партии, не могу мыслить себя вне ее рядов... Я не знаю, как это выразить, но клянусь — от Новгорода отступлю только мертвым!..

Маленький, шупленький, с еще юношеским пушком на щеках, Панкратов в этот момент словно вырос на несколько вершков, расправил плечи.

Вдруг налетела вражеская авиация — гитлеровцы начали обработку нашего переднего края. Бойцы спустились в окопы, осмотрели оружие и приготовились к встрече с противником.

Багрово-красное солнце бесконечно медленно передвигалось по безоблачному небу. Самолеты кружили и сбрасывали бомбы.

О, как жаждали мы в эту минуту появления туч — в дождливую погоду авиация противника бездействовала.

Когда «юнкеры» пошли на второй заход, Кремнев продолжал заседание:

— Кто желает высказаться по кандидатуре Панкротова?

Выступил политрук, который давал рекомендацию. Проголосовали и приняли единогласно.

— По шелям! — подал команду Кремнев.

Самолеты противника уже развернулись и шли на нас с солнечной стороны.

— А ну, ребятки! По переднему — залп!.. Может, какая-нибудь пуля и попадет, — крикнул парторг.

Бойцы открыли огонь. Они еще не умели брать упреждения в стрельбе по воздушным целям, движущимся на больших скоростях. Но решительность, с которой этот огонь был открыт, свидетельствовала об огромной силе воли бойцов. Когда самолеты, обстреляв нас из пулеметов и пушек, взмыли вверх, мы слышали спокойный голос незаметно подошедшего комдива:

— Так и нужно отбиваться от воздушных хищников.

Позже у нас вошло в систему ведение залпового огня по воздушным целям. И сколько раз дружный огонь приводил к успеху или оказывался помехой для вражеских самолетов, не позволяя им снизиться. Но самое главное — это дисциплинировало бойцов, приучало их к коллективным действиям.

Когда гитлеровцы отбомбились, заседание продолжалось. Выяснилось, что двух бойцов контузило и трех ранило. Их отнесли к ближайшему домику, и Надя пошла делать им перевязки. К разбору заявления Ивана Жадана она вернулась. Жадана рекомендовала комсомольская организация, и по ее поручению Надя давала характеристику бойцу.

— Комсомольская организация, — говорила она, — знает товарища Жадана с самого Шауляя. Когда сгорел его танк, он снял с него пулемет и вместе с командиром машины отбил от фашистов. Несмотря на ранение, он остался в строю. Комсомольская организация знает Ивана Макаровича как стойкого защитника Родины...

Снова налетели вражеские самолеты. На этот раз, проносясь над нашими головами на бреющем полете,

они стреляли из пушек и пулеметов. Все прижались к земле. И опять были раненые, и снова Надя уходила делать перевязки.

Жадан говорил о себе:

— Шахтар з Донбасу. Маю двадцать рокив вид роду. Батько на фронті, мати вмерла. У комсомолі чотвѣртий рік. Воюю з першого дня війни. Був стрілкою-радістом. Погорив у танку. Маю медаль «За отвагу». Зараз снайпер. В бій бажаю йти комуністом.

Ваню прийняли кандидатом в члени партії, но он не уходил,— видимо, ему хотелось сказать еще что-нибудь значительное, особенное, чтобы все поняли, что такое для него партия. А тут, как назло, слова от волнения застревали в горле.

— Ось у бій йшов — не боявся, а зараз страшно... Клянусь, оправдаю довіря.

Откуда-то донеслось:

— К бою!

У ЗАПАДНОГО ВАЛА

Фашисты шли в атаку. Бойцы открыли огонь. Гитлеровцы наступали через трупы: одни падали, их сменяли другие. Тогда заговорили наши фланкирующие пулеметы. Видно было, как пули поднимали у самых ног наступающих маленькие столбики пыли. Атакующие заколебались и в беспорядке побежали вспять. Офицеры с парабеллумами в руках делали безуспешные попытки остановить бегущих.

Через некоторое время гитлеровцы возобновили атаку. Они шли ускоренным шагом, на ходу стреляя из автоматов.

Иван Данилович приказал командиру минометной роты открыть заградительный огонь. Пристрелка была произведена накануне. Тогда же пристрелял свои репера и присланный штабом фронта в наше распоряжение артиллерийский дивизион.

Мины ложились в самой гуще противника, а когда заработали пушки, гитлеровцы остановились. Но на этот раз офицеры сумели заставить их снова двинуться вперед. Солдаты прорвались через огневую завесу. Уже можно было невооруженным глазом различать их пья-

ные физиономии. Атакующим оставалось преодолеть не более сорока метров.

— Гранаты!

И под ноги гитлеровцев полетели смертоносные «лимонки».

Мы подняли людей в контратаку и снова отразили врага. Преследовавшие его бойцы захватили нескольких пленных; их отправили в штаб дивизии, не успев допросить, так как гитлеровцы пошли в третью атаку.

На этот раз противник ввел в бой свои штурмовые орудия. Это были уже знакомые нам по предыдущим боям танки сопровождения пехоты*. Теперь они снова следовали в ее боевых порядках.

На какое-то мгновение все заглушил шум моторов... Мины были на исходе. Пулеметы неистовствовали, прочесывая пространство между танками. Но вот машины прошли над нашими головами. И тогда из стрелковых ячеек полетели вслед им гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Загорелись два танка. Один с подорванной гусеницей завертелся волчком. Из горящих машин выскакивали люди, но тут же падали под градом пуль. Уцелевшие танки развернулись и ушли восвояси.

Наступила короткая передышка. Командир дивизии приказал во что бы то ни стало продержаться у вала до вечера, так как земляные работы в городе еще не были закончены.

Кремнев был ранен пулей в левую руку. Я предложил ему идти на медпункт, но он наотрез отказался.

Жадан и Панкратов, замаскировавшись в развалинах какого-то здания впереди линии окопов, расстреливали фашистских офицеров на выбор. Приклады их винтовок сплошь покрылись зарубками. Каждая зарубка — жизнь, отнятая у врага.

Противник снова ввел в действие авиацию.

* В 1941 г. противник пользовался для штурмовых целей танками Т-3, формируя из них отдельные дивизионы и батареи штурмовых орудий, в 1942 г. впервые поступили на фронт из серийного производства специально сконструированные немецкими инженерами самоходные орудия, по существу представлявшие собой тот же танк, но со снятой верхней частью башни, что позволило оснастить его пушкой большего калибра; в 1943 г. находившиеся на фронте гитлеровские войска получили на вооружение еще более мощные самоходные орудия — «Фердинанд».

Восемьдесят вражеских самолетов буквально перепалили бомбами землю вокруг нас, зажгли все ближайшие здания, разрушили находившийся невдалеке храм, на колокольне которого, как они предполагали, должен был находиться наблюдательный пункт.

После тридцатиминутной авиационной и артиллерийской подготовки показалась вражеская пехота. Теперь гитлеровцы шли несколькими цепями, соблюдая полагающиеся интервалы и дистанции.

Подожел Черняховский. Здесь, в развалинах разбомбленной немцами трансформаторной будки, Иван Данилович организовал свой передовой НП. Он внимательно разглядывал в бинокль наступавшие цепи противника и, когда они приблизились шагов на шестьсот к нашему переднему краю, приказал открыть по ним огонь... Атака гитлеровцев захлебнулась. Оставив убитых и раненых, они побежали.

И тогда откуда-то с правого фланга появились немецкие штурмовые орудия. Стреляя на ходу и с коротких остановок, они пытались открыть воспрянувшей духом пехоте «зеленую улицу». Их было не менее десяти. Всей силой своего огня они обрушились на обнаружившие себя к тому времени наши огневые точки. Затем штурмовые орудия заняли свои места в боевых порядках вновь перешедшей в атаку пехоты.

Одно из них выбрало огневую позицию в непосредственной близости от снайперского гнезда. В тот же момент из груды кирпича выросла фигура Панкратова; с молниеносной быстротой боец швырнул под гусеницу связку ручных гранат и снова скрылся в развалинах. Раздался взрыв, и машина остановилась. Тогда настала очередь Жадана. Брошенная его умелой рукой бутылка с зажигательной смесью разбилась над самой моторной группой. Из объятых пламенем штурмового орудия не спасся никто...

Чуть прищурив глаза, Черняховский неотрывно следил за перипетиями боя.

По его приказу наши, к сожалению очень немногочисленные, орудия были вытянуты на руках на прямую наводку и ударили во фланг атакующим. И снова рвался металл гусениц, и снова горел бензин.

Черные смердящие столбы дыма повисли в воздухе, застлали поле боя. Противник откатился назад...

Наконец-то мы смогли накормить бойцов. Повара подвезли пищу. Люди ели торопливо, обжигаясь: с минуты на минуту гитлеровцы могли возобновить атаку... Ночью Панкратову и Жадану были вручены кандидатские карточки. Я тут же утвердил обоих замполитруками рот, и мне никогда не пришлось пожалеть об этом.

* * *

Черняховский выдвинул свой наблюдательный пункт почти на самый передний край, разместив его на втором этаже старинного здания, двухметровые стены которого помнили еще времена царицы Елизаветы Петровны.

От стен пахло тем особенным запахом, который присущ давно обжитым домам. Комната, в которой мы расположились, очевидно, принадлежала молоденькой девушке. Об этом говорили фотографии хозяйки на стенах, трельяж между окнами и бесчисленные флакончики на нем, цветы. Кровать была застелена белоснежным покрывалом, на подушки наброшена кружевная накидка; на миниатюрном диване, креслах и пуфах лежали вышитые искусной рукой подушки, дорожки, салфеточки. Они еще хранили аромат рисовой пудры и духов «Красная Москва». Казалось, вот-вот откроется дверь, раздастся девичий смех и легкий вскрик при виде неожиданных гостей... Над диваном прибит был к стене кавказский ковер и такой же лежал на полу у кровати...

Придвинули стулья к раскрытому настежь окну, и наблюдательный пункт был готов. Иван Данилович поднял с пола стоявшие там горшки с геранью и водворил их на подоконник.

— Камуфляж, — улыбнулся он.

Черняховский сел у окна, достал из футляра полевой бинокль, тщательно протер кусочком замши стекла и стал наблюдать. На его лице невозможно было обнаружить ни тени беспокойства — оно словно окаменело, и только когда Иван Данилович отрывал от окуляров свои темно-карие с длинными ресницами глаза, в них мелькал какой-то огонек, выдававший его внутреннее волнение.

От наблюдательного пункта потянули кабель к полкам, батальонам, ротам, штабу дивизии и в тыл.

Черняховский всегда уделял большое внимание связи. Он лично подбирал для нее командный состав и требовал, чтобы в подразделении связи выделяли лучших и самых расторопных бойцов.

Командир, говорил Иван Данилович, всегда должен помнить о разведке, охранении, связи и тыле. Забыв хотя бы об одном из этих четырех элементов, можно загубить дело.

Еще в то время, как завязались бои у селения Старая Мельница, Черняховский приказал рыть поглубже ходы сообщения от переднего края, через дворы и проломы в стенах домов, к центру города. Провода были уложены вдоль стенок траншей и закреплены деревянными колышками. Это предохраняло связь от воздействия взрывных волн и возможных повреждений пробежавшими по ходам сообщения людьми...

В соседних комнатах разместился комендантский взвод. Все бойцы были вооружены автоматами и неоднократно проверены в боях.

Было слышно, как люди осваивали подготовленное к обороне здание. Командир взвода старший лейтенант Болховитинов громко распекал какого-то красноармейца...

Иван Данилович положил бинокль на подоконник.

— Комендант, ко мне!

Вошел Болховитинов. Он все еще находился в состоянии крайнего возбуждения.

— Товарищ полковник! Старший лейтенант Болховитинов по вашему приказанию явился, — отрапортовал он.

— Та-а-ак! Значит, явился?.. А площадная брань в Красной Армии положена? Стыдитесь! Вы же бывший студент... Вас в вузе и школе этому учили?.. Товарищ старший лейтенант, раз и навсегда зарубите себе на носу, что советский воин не привык, чтобы оскорбляли его человеческое достоинство. Он не потерпит этого. Не допустим такого безобразия и мы с комиссаром. Умейте завоевывать авторитет у солдата разумностью распоряжений да примером личного мужества, а руганью, кроме обиды и раздражения, ничего не добьетесь. Идите и подумайте о том, что я вам сказал!

Сам Черняховский никогда не позволял себе грубого обращения с подчиненными. Никто никогда не слышал от

него «крепкого» слова даже в острые моменты боя. Боролся он с этим злом в дивизии решительно и беспощадно.

Раскаленное солнце кончало свой денной путь по небу, когда гитлеровцы снова двинулись в атаку, тринадцатую по счету в тот день.

Противник подтянул резервы. Поставив себе целью во что бы то ни стало овладеть нашим передним краем обороны и ворваться в город, он снова перешел в наступление. После часовой авиационной бомбежки и ураганной артиллерийской подготовки немцы поднялись из-за укрытий. Уже по тому, как они шли, было ясно, что это отборные гитлеровские полки. Цепь следовала за цепью на сближенных интервалах и дистанциях.

У нас не было больше мин, кончались снаряды; мы не имели возможности рассеять противника на подходе... И когда гитлеровцы подошли к нам на шестьсот—семьсот шагов, мы открыли по ним пулеметный огонь. Однако фашистам с ходу удалось прорваться через огневую завесу.

И тогда Черняховский бросил в дело КВ и наши последние пять БТ-7*. По сигналу серии красных ракет, повторенному по телефону и радиации, машины ринулись в бой. Набирая скорость, они врзались в самую гущу врага, давая неприятельскую пехоту гусеницами, в упор расстреливая ее из пулеметов. Машины неожиданно для немцев появились в районе Чудинской улицы и Псковской слободы, пронеслись вдоль линии фронта, развернулись у стыка с соседом на левом фланге и снова на предельной скорости атаковали гитлеровцев.

Наши бойцы, не дожидаясь команды, выскакивали из окопов и ручными гранатами уничтожали дезорганизованного противника.

Тут я увидел Панкротова: он стоял во весь рост на насыпи и в неопишемом волнении кричал:

— Так их, гадов, так их! Бей фашистскую сволочь!

* Эти пять машин вернулись после ремонта в дивизию в последний день нашего пребывания в Красных Станках. Согласно ранее полученному нами приказу, мы должны были отправить их в Балдай для передачи одной из сформировавшихся там танковых бригад, но сделать этого не успели.

Дави! — и швырял одну гранату за другой.

Прошел еще час, и враг прекратил атаки. В ту пору гитлеровцы боялись предпринимать ночные действия и к заходу солнца кончали «работу».

Действовали они по твердо установленному распорядку — днем воевали, а ночью спали, кутили и бесчинствовали в захваченных селениях.

На этот раз, однако, «распорядок» не соблюдался: разведка донесла, что фашисты подтягивают свежие силы, большое количество танков. И действительно, со стороны противника доносился шум многочисленных моторов. Вскоре выяснилось, что это были штурмовые орудия. Не подлежало сомнению, что с рассветом неприятель перейдет к активным действиям по всей линии фронта. Захваченные пленные показали, что главный удар немецкое командование готовится нанести в стык наших полков в центре обороны. В случае успеха это сулило врагу расчленение нашей дивизии и позволило бы в дальнейшем окружить и уничтожить ее по частям.

К этому времени в городе уже было закончено оборудование оборонительных сооружений, и Черняховский решил отвести основные силы дивизии под защиту каменных стен домов.

— Здесь при сложившейся ситуации от нас уже утром ничего не останется, а так еще бабушка надвое сказала, кто кого, — рассуждал комдив.

Новая линия обороны проходила непосредственно за ближайшими к шоссе горящими домами. Все улицы были перехвачены баррикадами из мешков с землей, а местами и широкими кирпичными и каменными кладками с бойницами. Окна угловых домов на перекрестках улиц оборудовали под пулеметные точки для фланкирующего и кинжального огня; танкам своим оставили проход в районе Легошей и Чудинской улиц. Сюда были переброшены все оставшиеся еще у нас противотанковые мины, чтобы, когда упадет надобность в этом проходе, быстро его заминировать.

Оборонительные сооружения были глубоко эшелонированы, главные силы и средства обороны сосредоточены на переднем крае. Подготовленные укрепления на случай дальнейшего отхода временно охранялись легко ранеными красноармейцами и местными жителями, наспех вооруженными трофейным оружием.

Нас было немного, когда мы вступили в бой; нас остались считанные единицы, когда мы его кончили.

Вместе с комдивом мы собрали всех политработников, проинструктировали их и направили в подразделения — разъяснять боевое задание. Нужно было довести до сознания каждого, что происходит лишь перегруппировка, чтобы легче было защищаться от вооруженного до зубов врага. Требовалось отойти на новый рубеж организованно, не поколебав при этом веру солдат в свои силы. Ибо трудно было людям согласиться со сдачей врагу тех самых позиций, на которых они только что отбили тринадцать атак.

Всю ночь командиры и политработники разводили по местам подразделения, проверяли охранение, подвоз боеприпасов, связь, размещение и обеспеченность санитарных пунктов, работу солдатских кухонь, готовивших завтрак.

Треть бойцов бодрствовала, остальным приказали спать... Это был тревожный и чуткий сон, когда рядом лежали винтовки, а подушками служили связки гранат.

Тактическое решение стоявшей перед дивизией задачи — максимально перемолоть силы противника — Черняховский видел в возможной затяжке уличных боев, где врагу придется сражаться в наименее выгодных для него условиях.

Иван Данилович не сомневался в том, что, ввязавшись в бой за Новгород, гитлеровцы будут стремиться во что бы то ни стало овладеть городом, не останавливаясь ни перед какими жертвами. Он хорошо изучил тактику противника и надеялся подчинить его своей воле, заставить следовать намеченному нами плану. Важно было использовать выгоды обороны такого крупного населенного пункта, каким являлся Новгород. Здесь каждый дом мог стать крепостью.

Решающим моментом ближайших боев Черняховский считал оборону кремля и борьбу за предместное укрепление. Распоряжение сил Новгородской оперативной группы войск благоприятствовало замыслу комдива.

Справа от нас, в районе Ленинградской слободки, перехватывая шоссе и дорогу на Колмово, по-прежнему действовала горнострелковая бригада. Поскольку боевого опыта у нас было недостаточно, командующий укрепленным районом сосредоточил здесь большую

часть артиллерии, и плотная огневая завеса преградила противнику путь. На левом фланге все еще держала оборону кадровая стрелковая дивизия, имевшая в своем составе полнокровный артиллерийский полк. Во втором эшелоне, непосредственно за стыком нашей дивизии и горнострелковой бригады, стояло соединение, сформированное из остатков 12-го механизированного корпуса, потерявшего в последних тяжелых боях много людей и техники.

Можно было не сомневаться, что немецкое командование приложит все силы, чтобы захватить мост через Волхов, который до конца операции так и не удалось разрушить рихтгофеновским бомбардировщиком.

Однако больше всего Иван Данилович опасался, как бы фашисты, оторвавшись от наших частей, не изменили направление главного удара. Надо было также сорвать переправу гитлеровцев на восточный берег Волхова левее или правее кремля. Само расположение улиц, радикально устремлявшихся к кремлю, подсказывало правильное построение боевых порядков в этих условиях.

Сравнительно нетрудно было создать у гитлеровского командования впечатление, что именно Новгород — самое слабое звено в нашей обороне.

— Надо сделать здесь фашистам хорошее кровопускание, — говорил Черняховский, стоя у кремлевской башни. — Главное — продержаться до подхода свежих частей; тогда можно будет опрокинуть противника. Горнострелковая могла бы ударить во фланг...

УЛИЧНЫЕ БОИ

К трем часам ночи мы все еще были на ногах. По городу патрулировали бойцы, жители установили дежурства у ворот своих домов. Новгородцы продолжали укреплять баррикады. В узких переулках располагались засады.

Ночью командующий Новгородской оперативной группой войск подбросил нам резервы, прислал снаряды, патроны, продовольствие и, что самое главное, укрепил наш правый фланг, поставив на стыке с горнострелковой бригадой часть спешенных танкистов второго эшелона.

Стало легче, но никто не смыкал глаз до утра.

С рассветом гитлеровцы открыли ураганный огонь по предполагавшемуся ими переднему краю обороны дивизии, но там находилось лишь наше боевое охранение. Сравнительно легко вражеская пехота, поддержанная сопровождавшими ее штурмовыми орудиями, овладела валом и вплотную подошла к городским строениям.

Только теперь стало до конца понятно, как глубоко был прав командир дивизии, отводя людей под защиту каменных стен древних сооружений. Фашистские полчища натолкнулись на почти непреодолимое препятствие. После непродолжительной заминки противник поспешно оттянул свои силы к валу и снова пустил в ход авиацию. Произведенные бомбежкой разрушения были огромны, и у нас не оказалось времени и людей, чтобы заделать образовавшиеся при этом проломы и бреши. В эти своеобразные ворота и устремились атакующие. Завязались уличные бои. Штурмовые орудия подходили вплотную к развалинам домов и били прямой наводкой. Но в окружавших захватчиков руинах еще оставались советские люди, укрывавшиеся во время налетов авиации в подвалах. Теперь они вступали в борьбу. Во вражеские машины из окон и с чердаков посыпались бутылки с зажигательной смесью.

Трудно было различить, где сражается население города, а где регулярные войска. Старики и старухи, молодые женщины и подростки, не достигшие призывного возраста, хватали оружие убитых бойцов и стреляли в фашистов. Особенно героически вели себя оставшиеся в городе женщины-коммунистки. Население знало их и следовало их примеру. За каждым углом и забором врага подстерегала смерть.

Вот в окне одного из домов появляется девушка в пестреньком платочке с винтовкой в руках. Она почти не целится, но ее рука не знает промаха, а сердце жалости... И уже нет экипажа, пытавшегося спастись из подожженного штурмового орудия.

Вот падает сраженный вражеской пулей боец. Его автомат поднимает старая женщина — хозяйка домика, превращенного в дот.

— Эй, комиссар! Покажь-ка, как им работать!..

Ей заменяют автомат винтовкой, и она, как zapравский солдат, ведет огонь по врагу.

— Целься, мамаша, в пояс, — учат ее бойцы.

За сооружением, прикрывавшим проход на Легошую, притаился боец. Почти рядом с ним находилась огневая позиция одного из немецких штурмовых орудий. Солдат зажал в руке противотанковую гранату, выжидая удобный для броска момент. Рядом с ним в специально приспособленной выемке лежали еще одна такая же граната и бутылки с зажигательной смесью.

Орудие методически «долбило» баррикаду; осколки камня и щебень летели во все стороны. Солдат выжидал. Наконец он метнул гранату, но она разорвалась, не долетев до цели. Пушка как ни в чем не бывало продолжала вести огонь.

Из окна полуподвала дома, к которому примыкала баррикада, высунулся мальчик. По внешнему виду ему нельзя было дать более десяти — одиннадцати лет.

— Дяденька, дай бутылку! Я его враз сколупну... — и мальчик протянул руку бойцу.

— Я тебе сколько раз говорил — мотай на тот берег! Не ребячье это дело. Мотай, говорят, пока ремнем не отстегал!

— Дяденька! Я тут все ходы знаю — враз подожгу.

— Да перестанешь ли ты, чертенок, под ногами путаться!

Вдруг боец грузно осел на мостовую; из рассеченного надбровья потекла кровь.

— А ну, малец, перевяжи — глаза заливает!

Мальчишка, словно только этого и ждал, в мгновение ока очутился возле солдата. Прикусив нижнюю губу и сморщив по-взрослому лоб, он наложил повязку...

— Я тут через перелаз мигом до него доберусь...

— Сказано, нет, значит, нет! Мотай на тот берег!

Слегка приподнявшись над баррикадой, боец метнул бутылку. На этот раз он не промахнулся. Синие языки огня побежали по машине: высокий столб пламени вырвался наружу. Оглянувшись, боец увидел рядом с собой все того же мальчишку.

— Тебя как звать-то?

— Петька.

— А по фамилии?

— Федоров.

— Так вот, Петр Федоров. За выручку спасибо, а теперь мотай на тот берег, а не то отдеру ремнем, прасло-о отдеру! Ну, топай! Живой!

Наши потери были огромны, но противник потерял втрое, а возможно, и вчетверо больше. Гитлеровцам удалось сбить нас с переднего края, но мы вновь и вновь навязывали им уличные бои. Редуты из мертвых тел сомкнулись с баррикадами из камня. И все же приходилось отдавать врагу дом за домом, квартал за кварталом, улицу за улицей...

Почти не оставалось бойцов, которые не были бы ранены или контужены. С перевязками на головах, руках и ногах, хромя, ползая, истекая кровью, задыхаясь от смрада пожарищ, они продолжали борьбу.

Лиза Белокопытова, та самая, что из школьной учительницы так внезапно стала нашей переводчицей, где-то раздобыла немецкий «универсал» и, приспособив его у окна полуподвала углового дома Большой Конюшенной и Лучинской улиц, вела огонь по фашистам. Девушка-снайпер, лишь накануне присоединившаяся к нам, подбила противотанковой гранатой машину противника, зажгла ее и пристрелила водителя.

Героически вели себя военврач Нейштадт и «его девушки» — медсестры, фельдшера, санитарки. Большинство из них только в эти страшные дни вступили в наши ряды. Это все были местные жительницы — работницы новгородских предприятий, студентки педагогического института, советские служащие, домашние хозяйки, школьницы старших классов и их учительницы. Под ураганным обстрелом фашистских автоматчиков они выносили изувеченных бойцов с поля боя, перевязывали им раны, записывали последние поручения умирающих. Кто знает, скольких из них ранило, скольких убило? Одни гибли, на смену им приходили другие, такие же самоотверженные, такие же чистые, славные и любящие Родину русские девушки.

А бой нарастал.

Политруки принимали команду вместо командиров, командиры сменяли убитых политруков...

Смердело горелым человеческим мясом, паленой шерстью, бензиновой гарью, тленом необранных трупов. Крупные хлопья сажи, словно черный снег, носились в воздухе. Вдоль тротуара металась обезумевшая от

ужаса кошки. Посредине одного из дворов дико ревела бурая корова...

Ночью Кремнев задержал какого-то подозрительного человека в форме советского бойца и установил, что это заброшенный гитлеровцами в наше расположение шпион — уроженец Прибалтики, хорошо знавший русский язык. В суматохе предвечернего боя лазутчик проник через линию обороны, всю ночь собирал сведения в городе о наших силах, расположении частей, количестве орудий, танков, пулеметов, бойцов и, выполнив задание, возвращался.

Кремнев знал в лицо всех бойцов полка и, заметив незнакомого красноармейца в расположении своей части, окликнул его. Тот ответил грубостью, и это вместе с чуть заметным акцентом показалось парторгу подозрительным. Дисциплина в дивизии Черняховского была на очень большой высоте. Кремнев задержал его и с помощью двух бойцов привел в штаб. Там шпион сознался во всем.

КРЕМЛЬ В ОГНЕ

Цепляясь за каждый дом, мы отошли к кремлю. Здесь оставили пятьдесят пулеметов и большую часть автоматчиков. Их возглавил командир разведывательного батальона Иван Иванович Котов. Полки оттянули за Волхов и заняли оборону по его восточному берегу.

Враг рвался вперед. Немецко-фашистскому командованию не терпелось расчистить путь к Ленинграду, солдаты мечтали о грабеже. И тем и другим желанная цель казалась близкой. Они видели башни и стены новгородского кремля, золотые и серебряные купола храмов. Неудержимая сила влекла фашистских бандитов к тому, что казалось им всего прекрасней, — к золоту.

Гитлеровцы со всех сторон стекались на площадь перед кремлевским рвом. Они наводнили Ленинградскую, Лучинскую, Легошью и Чудинскую улицы, запрудили все переулки, но дальше идти не могли — мост перед кремлем был взорван. Всех пугало безмолвие бойниц «крепости», и некоторое время никто не решался спуститься в ров. Но вот вперед протиснулся лейтенант с какой-то нашивкой на рукаве и с явным намерением показать пример другим.

Панкратов взял его на мушку, и лейтенант покатился вниз. Почти тотчас же мы ударили по столпившимся у рва гитлеровцам из всех своих пулеметов и навалили горы вражеских трупов. У фашистов началась паника. Они кричали, давили друг друга, в безумии страха убивали своих, падали, топтали упавших и по их телам, обьятые ужасом, бежали под прикрытие домов.

А пулеметы делали свое дело.

Нет! Это была не месть, а справедливая кара. И теплей становилось на душе, и быстрее бежала кровь по жилам.

На землю спустилась ночь. Она принесла нам кратковременную передышку. По ту сторону реки до утра шумели моторы — гитлеровцы подтягивали к кремлю штурмовые орудия.

С первыми лучами солнца наступление противника возобновилось.

Слава строителям, воздвигшим кремль! Сколько раз его стены верой и правдой служили защитникам вольного города! Сколько раз отражали врага! Сколько жизней спасли! Разбивались об их твердыню рати врагов. Ни время, ни бури не свалили кремлевские стены... И сегодня бессильны были перед ними снаряды вражьих орудий...

Прилетели самолеты. Огромные бомбы вновь рвались у стен и на площади. И опять земля разверзла свои глубины и изрыгнула пламень и чернь. Валились стены палат, дрожали старинные башни.

Я оглянулся: София, прекрасная София по-прежнему гордо стояла в белых одеждах своих, от фундамента до золоченых крестов залитая ярким солнечным светом.

Мне принесли письмо от жены. Я воспользовался минутой затишья — у противника шло какое-то перестройство — и, присев на мешок с землей, стал читать его.

Главк, в котором жена работала до войны, эвакуировался на Урал.

«Мы здесь работаем круглые сутки и ждем вас с победой. Я люблю тебя и в безумном страхе за нашего мальчика, но лучше видеть мне обоих вас мертвыми, чем стать нам рабами... Получила письмо из штаба партизанского движения — пишут, что мы можем гордиться нашим

сыном и что он награжден, а вот ранен ли — ничего не сказано. Жив ли он? Даже подумать страшно. Леня и Сергей закончили ускоренную подготовку и тоже выбыли на фронт...»

Я спрятал письмо на груди.

Пока бомбила авиация, к стенам детинца скрытно подползли немецкие саперы, они заложили тол и подорвали в камне проходы. Бой разгорелся у брешей.

Гитлеровцы ворвались во Владычный двор. Сбившиеся в кучу древние палаты, построенные в различные века различными мастерами, горели и переходили из рук в руки. Над морем дыма и пламени гордо высилась башня Евфимия. С ее средней кровли бил пулемет братьев-героев Петра и Дмитрия Ковриг, и стройные контуры башни, казалось, плыли в воздухе, окруженные нимбом из огня и дыма.

Гитлеровцы овладели зданием Входа-Иерусалимского собора, который своим огромным, словно приплюснутым к земле, неуклюжим телом заполнил весь юго-восточный угол детинца.

Все горело и рушилось. И только Софийский собор непоколебимо стоял на пути врага. Как прекрасен и суров был он в этот момент! Помрачневший и хмурый... Абсиды алтарей приделов, обступавших храм, потемнели от дыма и копоти.

Солнце катилось к западу, и на пурпурном фоне закатного неба София казалась такой же черной, как наступивший для нас страшный час...

Черняховский отдал приказ об отходе.

В последний раз мы сбросили гитлеровцев в ров и, отстреливаясь, стали отходить к Волховскому мосту.

Братья Ковриги оставались в Евфимиевой башне, ставшей в это время как бы западным фортом Софийского собора. Слева башня примыкала к двухэтажному зданию бывшего училища, справа — к Евфимиевым палатам. Враг еще не проник туда, но наших уже там никого не было. Навеки врезалось в память это высокое восьмигранное здание, откуда как на ладони был виден весь город. Лицевая сторона башни имела два окна, повыше над ними находились еще три просвета для освещения лестницы, ведущей наверх. На высоте метров тридцати пяти — сорока помещалась куполообразная

кровля, а над нею — пролеты со столбиками и перилами. Над башней, сверкая на солнце золотом, высился шпиль и четырехконечный крест на яблоке.

Там и обосновались Ковриги со своим станковым пулеметом, простреливая подступы к кремлевской стене. Целиком поглощенные боем, они и не заметили, как один за другим выбыли из строя все прикрывавшие их автоматчики, и только когда невою стало от жары и пламени, Дмитрий обнаружил вдруг, что, кроме брата, никого с ним нет. То там, то здесь Владычный двор по одному перебегали гитлеровцы. Дмитрий взял лежавший возле убитого бойца автомат и стал подсекать одиночек. Петр продолжал поливать площадь из пулемета.

Наконец группа вражеских солдат подошла к башне вплотную. Тогда Ковриги забросали их ручными гранатами.

Мы были уже у восточных ворот, когда мое внимание вновь привлек огонь станкового пулемета с башни. Я понял: братья Ковриги живы. Они до конца выполнили свой солдатский долг. Нужно было передать им приказ об отходе. Однако добраться до пулеметчиков было не легко: башня находилась в зоне, уже захваченной гитлеровцами.

Я перебирал глазами бойцов, отыскивая, кого бы послать к Ковригам. И вдруг увидел пробиравшегося ко мне с пакетом от Черняховского самого юного в дивизии солдата. Это был Максим Неврода.

В нашей дивизии Максим появился в период боев у Старой Мельницы. Это был молодой вихрастый паренек допризывного возраста. Но голос сердца, зов Родины оказались сильнее всех официальных сроков, и когда война докатилась до родного села Невроды, комсомолец взял ружье. Все эти дни он неотступно находился при Иване Даниловиче. В боевой обстановке люди познаются быстро, нередко с первого взгляда. Комдив, да и все мы полюбили самоотверженного и смышленного паренька, берегли его по силе возможности. Но здесь выбора не было. Он знал в кремле все ходы и выходы, был храбр, подвижен, сообразителен.

— Максимка! — позвал я его. — Доберись до Ковриг и скажи, что приказано отходить к мосту.

— Есть — приказано отходить!

Через мгновение боец исчез, затерявшись среди кремлевских строений. Не знаю, какими путями достиг он Евфимиевой башни, но первое, что, по словам Невроды, запечатлелось в его мозгу, были трупы автоматчиков у окон, а еще через секунду — трескотня пулемета вверх. Неврода полез к кровле. Вокруг свистели вражеские пули, у каждого просвета лежали убитые бойцы, но где-то там, наверху, дрались с врагом живые; он, Максим, мог и должен был спасти их. Пареньку было жутко, и не столько от пуль, сколько от трупов. Иногда, казалось, ноги наливались свинцом, словно прирастали к каменным плитам лестницы, тело била лихорадка, но, преодолевая страх, он поднимался все выше и выше. Вдруг пулемет смолк.

Послышались голоса:

— Кажись, про нас забыли, — говорил Петр.

— Помнишь приказ — стоять до последнего? Вот мы последние и есть, — спокойно ответил Дмитрий.

В это время ворвался наш посланец.

— Вот! А ты говорил — забыли, — укоризненно бросил брату Дмитрий и взвалил тело пулемета на правое плечо. — Тащи, Петро, станок!

...Мы отступили через полуразрушенный мост. Внизу бушевала река.

Славная, родная русская река! Не стерпи ты фашистского полону! Утопи врагов моей Родины в глубинах твоих! Ляг на пути их непроходимой преградой!

В последний раз я взглянул на Софию.

По-прежнему нерушимой стеной стояли богатыри. Горе ссутулило их могучие плечи, сгорбило спины. Посредине — Илья... Оперся на двуручный меч — готов к смертному бою. Впритык к нему жмутся витязи... Горит золотом богатырский шлем посреди свинцовых шишаков славного русского воинства...

Когда немецкие штурмовые орудия вползли на мост, саперы включили электрический ток в подводку к mine. Мост вздрогнул, поднял гордую грудь, заскрежетал стальными зубами, застонал и рухнул в бездну...

Мы стояли и смотрели на горящий кремль, слышали женские вопли и детский плач, автоматные выстрелы, торжествующие крики врага. И были бессильны помочь.

«В Новгороде зло бысть вельми... По торгу трупие, по улицам трупие, по полю трупие, не можаху пси изъедати человек...» — писал семьсот лет назад летописец.

Был в те далекие времена в этом городе великий мор, и смерть косила людей на улицах; голодные, одичавшие собаки бродили по опустелым дворам, грызлись друг с другом из-за обглоданных человеческих костей. Сегодня сюда докатилась коричневая чума, и снова груды трупов на улицах и горе на Новгородской земле.

Беспредельная скорбь, жгучая ненависть охватили меня.

Не знаю, как это случилось, но, прислонившись спиной к стене дома, я стоя заснул. Меня разбудило прикосновение чьей-то руки — начальник обороны Новгорода вызывал командование дивизии в штаб.

Через полчаса мы сидели за столом со склоненными над большой картой города головами. Командующий Новгородской оперативной группой Коровников ставил перед нами новую боевую задачу. Черняховский настаивал на том, чтобы наш правый сосед перешел к более активным действиям и, ударив немцам во фланг, подрезал вражеский клин, глубоко втянувшийся в город. Он подчеркивал, что его предложение имеет много шансов на успех и даст нам оттяжку в несколько дней, а тогда, может быть, подойдут и обещанные дивизии. Коровников не соглашался и перебрасывал горнострелковую в район Хутины, чтобы выровнять фронт. Черняховский спорил, доказывал.

Перспектива смять гитлеровцев в момент, когда они уже торжествовали свою победу, была заманчива, но приходилось подчиняться приказу.

И все же прав был комкор, а не мы. Потребовалось немного времени, чтобы убедиться в том, что казавшееся тогда нам чрезмерной осторожностью в действительности было прозорливостью хорошо знавшего свое дело и ситуацию, умудренного большим жизненным и боевым опытом военачальника.

Из-за правого фланга нашей дивизии Коровников ввел в бой последних находившихся у него в резерве танкистов без танков. Увы! Все вместе они едва ли составляли по численности стрелковый батальон.

Наконец гитлеровцы расчистили проходы в огненном кольце прибрежных домов и по всему фронту дивизии вышли к реке. Они запрудили собой всю набережную и решили, видимо, с ходу форсировать Волхов.

Забаррикадивавшись в домах, мы поливали фашистов из своих пулеметов, но противник продолжал готовить переправу. На берегу откуда-то появились резиновые лодки и заранее где-то заготовленные плоты; сюда немцы согнали не успевших эвакуироваться жителей, а вскоре на машинах подвезли и понтоны. В одном месте наше внимание привлекла к себе большая группа людей в женской одежде, готовившихся к посадке. Они по-военному выстраивались у лодок, по команде брали их на руки, по команде спускали на воду. Даже невооруженным глазом можно было разглядеть, что это мужчины. При посадке участники маскарада окончательно разоблачили себя. Солдаты неуклюже подбирали юбки, при этом ясно видны были обутые в грубые сапоги ноги.

Мы встретили десант фронтальным и косоприцельным пулеметным огнем.

Широк и могуч старый Волхов! Крепче камня и стали его холодные объятия.

Вороча и плещась искристою пеной, катит он свои могучие волны в далекую Ладогу... Славная, гордая советская река! Раскрой миру тайны, тебе одной ведомые, расскажи о поглощенных тобой злых хищниках, воспой храбрых русских воинов, павших за Родину на твоём берегу, сложи песни о советском бойце!

...Еще задолго до сумерек мы снова были в бою. Пока пламя бушевало наверху, мы вели огонь из окон нижних этажей. Когда огонь охватывал и их, спускались в полуподвалы.

Пожары и бомбежки стали нашим бытом. Уже никто не прятался при появлении самолетов, и, хотя по-прежнему при разрывах бомб у многих холодело в груди, руки продолжали вести огонь по врагу.

На рассвете гитлеровцы опять спустили на воду понтоны и десятки резиновых лодок. Они пытались прикрыть новый десант дымовой завесой, но восходящие потоки раскаленного пожаром воздуха гнали дым кверху.

Огонь выкурил и нас из многих прибрежных домов. Река стала для врага доступней. В районе старой Вечевой площади и Рыбного рынка противнику удалось достигнуть берега. Черняховский бросил во фланг гитлеровцам роту. Командовавший ею лейтенант Рязанов скрытно подвел свое подразделение и внезапно ударил по противнику со стороны горящего здания горсовета. Натиск был столь стремителен и неожидан, что вражеские десантники пришли в смятение.

Многих из них пули настигли прежде, чем им удалось добраться до берега.

Пока шел бой на Вечевой площади, другая группа гитлеровцев высадилась у лесопильного завода, что стоял на бывшем Княжеском лугу, и просочилась до Московской улицы. Укрываясь за домами, они сосредоточились в тупиках и переулках и неожиданно ударили нам во фланг. Мы не заметили, как снова очутились почти у самого восточного вала.

Тут подоспел Котов; его разведбатальон зашел врагу в тыл, и совместными усилиями мы уничтожили первый эшелон атакующих. Но закрепить успех не удалось. Некому было заменить павших...

ПОГИБАЛИ, НО НЕ ОТСТУПАЛИ

Враг заставил нас передислоцировать штаб дивизии в район Тихвинского кладбища. Неподалеку от него находился мост через Малый Волховец. Он связывал разрезанное рекой шоссе, идущее на Валдай, Калинин и Москву. Через него поступало все наше боепитание.

Ни на минуту не допускали мы мысли, что до нашего контрнаступления так далеко, как это оказалось впоследствии.

Мост непрерывно обрабатывали вражеская авиация и артиллерия, и потому Иван Данилович еще загодя велел местным жителям изготовить плоты и другие переправочные средства для эвакуации раненых в районе Кирилловского монастыря, где реки Лешовня и Малый Волховец, образуя остров, растекаются тремя рукавами.

Для раненых переправа там была спокойнее, так как вражеская авиация тогда еще не трогала этот пункт.

Двумя сутками позже эти плоты спасли нам жизнь.

Штаб разместился в каком-то склепе. От стен и земли пахло тленом и сыростью. Прибыл командующий Новго-

родской оперативной группой со своим комиссаром и сообщил, что с «горной» опять вышла неустойка, — она откатилась от Хутины. Это означало, что путь на Ленинград был для врага открыт.

Мы усилили оборону своего правого фланга.

На Тихвинском кладбище стали появляться бойцы горнострелковой. Мы задерживали их и направляли в наши подразделения. Из рассказов беглецов ничего нельзя было понять. Тем не менее эти люди безропотно возвращались в бой.

Прямо на нас выбежал молодой боец. Он был высок, могуч и румян, но его глаза обалдело глядели вокруг, детину трясло как в лихорадке. Я отстегнул кобуру своего пистолета... Вдруг из одного склепа вышел неизвестный нам человек. Это был старик лет семидесяти с длинной, некогда, по-видимому, холеной, но уже давно не знавшей ножниц бородой. На плечах его было допотопное пальто-пелерина. Седая редкая шевелюра, едва прикрывавшая голову, была нечесана. Почти бегом пересек он дорогу бойцу, обеими руками схватил его за растянутый ворот гимнастерки и затряс, как щенка.

— Гордости в тебе русской нету! — возмущенно закричал старик. И столько гнева и стыда за другого было в этом старческом голосе, что дезертир мгновенно пришел в себя. Он словно стал меньше ростом, нагнулся, поднял кем-то брошенную наземь винтовку и, не оглядываясь, повернул туда, где наши танкисты вели бой. Старик смотрел ему вслед, пока тот не скрылся.

Иван Данилович подошел к неизвестному и крепко пожал ему руку...

* *
*

Двое суток спустя войска противника овладели Никольской слободой, разбомбили Красный мост и прорвались к расположению штаба нашей дивизии.

Мы вооружили всех, кто только мог держать в руках оружие, ринулись в контратаку и отбросили гитлеровцев к кустарнику, что тянулся вдоль дороги; там и закрепились.

Во время контратаки я неожиданно увидел обгонявшую меня девушку с санитарной сумкой через плечо. Это была Надя Павлова.

— Куда вы? — окликнул я ее. — Ваше место на перевязочном пункте.

— А если кого-нибудь из вас тяжело ранят?

— Донесут до вас санитары, туда и пути-то метров двести от силы.

Она на секунду отстала, но тут же снова догнала меня.

— В следующий раз учту.

«Следующего раза может и не быть», — подумал я.

На НП дивизии мы возвращались вместе. Ох и досталось же ей от меня на орехи! Девушка молча шла рядом, опустив голову, и мне казалось, что мои слова достигают цели. Но не прошло и пяти минут, как пришлось убедиться в обратном. Когда Надя подняла голову, я увидел у нее на глазах слезы.

— Эх, товарищ комиссар, товарищ комиссар, и совсем-то вы не такой сердитый, каким хотите казаться. Да поймите же вы наконец, что не могу я в укрытии сидеть, когда все вы на смерть идете! Не могу! В такой момент ближе ко всем вам хочется быть, помочь вам хочется, если в беду попадете. Ну да что говорить попусту! Вам все это и без того, как божий день, ясно, и ворчите-то вы только, так сказать, «по долгу службы». Простите, ради бога, что нарушаю субординацию!.. Только сейчас у меня на душе так светло, так радостно, что все равно ваши нравоучения до меня не доходят...

В этот момент в одной из воронок я увидел лежавшего ничком бойца. Сначала показалось — убитый, но что-то в позе человека подсказало — живой... Я нагнулся и чуть тронул его за плечо.

— Что, сынок, носом землю вспахать хочешь? Все равно картошка не вырастет!

Красноармеец чуть приподнял голову и повернул ко мне испуганное лицо:

— Стреляют...

— Ну конечно ж стреляют. На то и война, чтоб стреляли... Вставай, вставай, сынок! А то товарищи тебя за труса ненароком принять могут... Ну, смотри! Ведь вот же стоим мы — и целы...

Боец не спеша поднялся и направился к переднему краю.

Гитлеровцы временно прекратили атаки, но их самолеты продолжали сбрасывать бомбы на наш штаб, и его пришлось перевести на Рождественское кладбище. Там в подцерковье давно уже разместился передовой медицинский пункт. Он битком был набит ранеными, и я приказал врачу немедленно эвакуировать их в тыл.

В одном из склепов обосновался Пашков со всем своим аппаратом. Когда я зашел туда, он допрашивал захваченного разведчиками гитлеровского офицера. Тут же находилась и Лиза Белокопытова. Она переводила показания пленного, громко выражая свое возмущение, когда тот уклонялся от ответа на задаваемый ему вопрос.

Я вернулся к людям, залегшим за могильными плитами и окопавшимся у кладбищенской стены... Вскоре мимо меня прошел начальник штаба дивизии, чтобы возглавить группу, все еще отбивавшую атаки гитлеровцев у Тихвинской церкви.

Черняховский передал через офицеров связи командирам полков распоряжение воспользоваться перегруппировкой сил противника, перенесшего свой главный удар к Слободе, и попытаться снова отбросить гитлеровцев к Волхову.

Контратака удалась. Мы заставили врага оттянуть свои силы от Московского шоссе, но мост немцы все же сумели удержать в своих руках.

Почти по всему фронту нашего соединения мы снова пробились к берегу Волхова.

Загнав линию обороны от Красного моста до Тихвинского кладбища, Черняховский приказал командиру 55-го полка бросить один батальон через дворы на наш правый фланг. Этот батальон привел Кремнев.

Когда Черняховский давал задание, парторг внимательно слушал и тщательно записывал все в свою записную книжку.

— Как, справишься без командира? — спросил его Иван Данилович.

— Немудренная штука, — отвечал Кремнев, — народу мало, а кричать: «Ребята, вперед, за мной!» — у меня как-нибудь голоса хватит.

Черняховский усмехнулся:

— Ну, не в этом заключаются обязанности комбата...

— В остальном, — отозвался Кремнев, — поможете вы и командир полка. Во всяком случае, сейчас для меня задача совершенно ясна: удержать во что бы то ни стало указанные вами позиции, ну, я и буду держать, пока не получу другой приказ...

* * *

Во время одной из наших контратак в районе Тихвинского кладбища Пашков был тяжело ранен. Его сменил комиссар штаба дивизии Григорий Ксенофонович Данченко.

Воспользовавшись кратковременным перерывом между двумя налетами вражеской авиации, мы обошли с ним ряды защитников. Я всматривался в измученные, усталые от многодневных схваток с врагом, но полные решимости лица. Это были бойцы не предусмотренной штатным расписанием учебной команды, сформированной штадивом из особо отличившихся в боях стрелков-радистов и разведчиков. Их было ровно пятьдесят; и самый старший из них не имел от роду и двадцати двух лет. У каждого на груди красовался, словно врос в гимнастерку, значок Коммунистического Интернационала Молодежи — «КИМ»...

Наблюдательный пункт командира находился на самом переднем крае, среди маскировавших его руин разбомбленного склепа-часовни. Я проводил туда Данченко и связался по телефону с Черняховским — доложил обстановку. Иван Данилович потропил меня с возвращением. Требовалось принять ряд неотложных решений. Командир дивизии сообщил, что врагу удалось вклиниться в наше расположение на стыке полков. Телефонная связь с 56-м полком оказалась прерванной; не откликнулась и его рация. Нужно было спешить. Однако пришлось еще некоторое время задержаться на Тихвинке, так как налетели вражеские бомбардировщики и мой уход с кладбища до окончания бомбежки мог бы отразиться на настроении бойцов. Лишь после того как самолеты противника скрылись за горизонтом, я смог от-

правиться восвояси. Когда прощался с Григорием Ксенофоновичем, интуитивно понял — это навсегда. И тотчас же почувствовал щемящую боль в сердце. Невольным движением рук я привлек Данченко к своей груди, поцеловал в голову.

— Крепись, сынок!

— Будь спокоен, отец! Не пропустим!..

И не пропустили. Более часа ожесточенно бились с врагом наши воины. Ни один не дрогнул, ни один не отступил, ни один не сдался в плен! Гордые, смелые, самоотверженные, они пали там все до единого.

Когда я пришел, чтобы вывести уцелевших, выводить было некого...

Все смешалось — истерзанные тела убитых, сломанное, смятое оружие, щебень разрушенных надгробий, земельная чернь... И повсюду еще не успевшая спечься кровь...

Погиб и Григорий. Там, где находился его наблюдательный пункт, зияла огромная яма — след прямого падения немецкой полутонной авиабомбы.

Я стал на колени, набрал в горсть обагренную кровью землю, завязал в узелок и опустил в нагрудный карман. Этот прах, как святыню, я пронес через все четыре года войны. У самого берега Эльбы в братской могиле павших за Родину схоронил я и кровь героев Новгородской земли...

* *
*

Командование обороной на нашем правом фланге возложили на начальника политотдела дивизии.

И здесь наш тихий, скромный, казалось ничем особо не выделявшийся из среды других политработников, батальонный комиссар Иван Нестерович Третьяков проявил не только исключительную храбрость, мужество и самоотверженность, но и незаурядный воинский талант. Он словно вырос у нас на глазах, превратился в командира, умеющего найти свое место в бою, нацелить находившихся под его командованием солдат на выполнение боевой задачи и заставить их выполнить ее до конца. Сказалась школа Черняховского. Позже, когда мы вынуждены были оставить позиции у Рождественского кладбища и переправляли потрепанные части дивизии

через реку, сводное подразделение, которым командовал Третьяков, прикрыло наш отход... Начподив последним оставил Новгород.

Не знаю, каким образом противник узнал о перемещении штаба, но не прошло и часа после нашего появления на Рождественском кладбище, как оно тоже превратилось в ад.

Гитлеровцы снова подтянули силы к Никольской слободе и Красному мосту — они обтекли тыл нашего правого соседа.

В подземелье Рождественской церкви Черняховский собрал совещание с правым и левым соседями.

Мы оказались оторванными от корпусного командования, и нужно было принимать решения самостоятельно. Как-то само собой получилось, что общее руководство всеми действиями перешло к Ивану Даниловичу...

Для всех нас была ясна угроза еще до конца дня быть сброшенными противником в Лешюню и Малый Волховец. Пленные показывали, что здесь наступают намного численно превосходящие нас наземные силы противника, поддерживаемые авиакорпусом Рихтгофена. На участках соседей было примерно такое же соотношение сил. И все же мы не пали духом. И когда начальник обороны Новгорода передал по радию приказ отходить, мы с Черняховским потребовали письменного подтверждения его...

Не успели мы после краткого совещания у командира дивизии разойтись по местам, как гитлеровцы предприняли новую атаку. Они шли на штурм непосредственно за разрывами бомб своей авиации. Вражеские минометы засыпали нас минами. Не было такого места, над которым не свистели бы тысячи рваных кусков стали и свинца. И все же мы держались. Держались наперекор всему!

К нам с Черняховским подошел командир экспериментального радиийного танка капитан Ровнер.

— Переправить танк на другой берег не удастся, — доложил он, — разрешите, прежде чем сжечь машину, взять гитлеровцев на гусеницу.

Два бойца с ручными пулеметами взобрались на броню, и танк набрал скорость. Перемахнув через шоссе, он врезался в скопление противника за насыпью. Появление танка было полной неожиданностью для неприятеля.

теля, и, пока там разобрались, в чем дело, капитан и его пулеметчики уничтожили до роты гитлеровцев. Но вот фашисты опомнились и засыпали танк снарядами. Машина загорелась. Истекающий кровью Ровнер повел ее вдоль реки к северу, мимо развалин Красного моста. Там он вогнал горящий танк в непроходимое болото. Бойцы вынесли из машины своего командира, подорвали гранатами моторную группу и на плащ-палатке понесли Ровнера к переправе.

Когда его проносили мимо нашего наблюдательного пункта, Черняховский подошел к раненому. Ровнер узнал командира дивизии и, пытаясь приподняться, еле слышно произнес: «Товарищ полковник! Задание выполнено. Танк уничтожен» — и потерял сознание.

НА НОВЫЙ РУБЕЖ

Левым (слившимся с центральным) сектором обороны командовал командир 56-го танкового полка Никифор Игнатьевич Герко. Это был совершенно бесстрашный человек, талантливый и инициативный военачальник. Знание военного дела и личное мужество наряду с чутким, любовным отношением к солдату снискали ему глубокое уважение у бойцов и командиров.

Передний край его полка в ряде мест все еще проходил по восточному берегу Волхова. Штаб полка обособился у самой реки — в Доме Красной Армии. Это здание в течение последних четырех дней обороны Новгорода было передовым форпостом дивизии и фактически являлось главным опорным пунктом на этом участке. По приказу Черняховского Герко глубоко эшелонировал свой полк и, пользуясь тем, что из-за множества горящих домов противник не мог продвигаться сплошным фронтом, до самого конца сохранял с ведущими бой подразделениями живую связь. Пренебрегая опасностью и всегда вовремя, он сам или начальник штаба его полка Корнилов появлялись там, где усиливалась опасность, и это вдохновляло бойцов. Жители помогали связным пробираться в нужные места через дворы и подвалы объятых пламенем зданий. Многие из этих патриотов гибли под градом вражеских пуль, под рушащимися этажными перекрытиями, падающими наземь стенами разбомбленных домов.

Валентин Александрович Корнилов появился в нашей дивизии в период боев под Шауляем. Это был исключительно уравновешенный человек, умевший сохранять спокойствие в любой обстановке, и хотя ему в те дни от роду было лет тридцать пять, не больше, его выдержка производила на окружающих впечатление, будто он умудрен гораздо большим опытом жизни. Имея в своем распоряжении всего двадцать три человека, он ухитрился в течение четырех дней удерживать в наших руках Дом Красной Армии, упорно отказываясь оставить его до получения о том письменного приказа (по рации он получил такой приказ трижды). Уже давно немцы форсировали Волхов справа и слева от здания, в котором засели Корнилов и его бойцы, но здесь противник пройти не мог. Тщетно пытались гитлеровцы взять штурмом этот очаг нашего сопротивления — они неизменно попадали под смертоносный огонь пулеметов его защитников. Дважды врагу удавалось ворваться внутрь здания, и дважды это кончалось для него неудачей. То были предельно напряженные моменты. В полуподвале стойко держались русские; первым этажом почти полностью овладели немцы, врукопашную сражаясь там с нашими танкистами, продолжавшими оказывать ожесточенное сопротивление; второй этаж по-прежнему оставался в руках советских воинов; выше — все было во власти пламени.

Положение осложнялось тем, что гитлеровцы повредили водопровод, лишив осажденных воды. Попытки добыть ее из реки приводили лишь к неоправданным потерям в людях. Набережная в районе Дома Красной Армии простреливалась со всех сторон. Раскаленный пожарами воздух сушил глотку, усиливая жажду. Запасы продуктов также были на исходе. И в этот трагический, казалось, безысходный момент спасение пришло оттуда, откуда его никто не ожидал. Находившийся при штабе начпрод 56-го полка Плиушенко неожиданно обнаружил в подвалах запасы продовольствия и минеральных вод, очевидно заготовленные буфетом и столовой Дома еще задолго до начала войны. Все это богатство расторопный начпрод немедленно взял под свою опеку. Примечательно, что в этой боевой атмосфере сугубый тыловик Плиушенко чувствовал себя как рыба в воде. В свободное от своих прямых обязанностей

время он усаживался за пулемет (именно усаживался в придвинутое к окну кресло, а не ложился) и вел огонь по гитлеровцам, упорно пытавшимся и на этом участке форсировать Волхов...

Связь с командиром полка защитники дома поддерживали главным образом с помощью радиии. По улицам, ведущим к Лешовне и Малому Волховцу, пробраться можно было только чудом, так как по обеим их сторонам горели дома; пламя перекидывалось через проезжие части; здания рушились, засыпая все раскаленными добела камнями и кирпичом. И тем не менее Герко то и дело восстанавливал живую связь со своим начальником штаба.

Установив по радиии местонахождение Никифора Игнатьевича, я направился к нему. Кроме обычно сопровождавших меня Якушкина и автоматчиков, Черняховский на этот раз направил со мной и одного из работников штаба дивизии — лейтенанта Хайбибулина. Тот нес пакет с категорическим приказом командира дивизии оттянуть все силы 56-го полка к Лешовне и Малому Волховцу, приняв в то же время меры к выводу Корнилова и его группы бойцов из Дома Красной Армии.

Итак, приказ достиг командира полка, но доставить его в штаб полка почти не представлялось возможным. Как назло, снова вышла из строя и штабная радиия. Только третий по счету посланец добрался до дома. Это был командир одной, к тому времени уже полностью уничтоженной противником пашей роты — лейтенант Севастьянов. Как прошел он через бушующее море пламени, как избежал свистевших вокруг него пуль, мог бы рассказать лишь он сам, но тогда нам было не до расспросов.

Получив приказ, Корнилов углубился в карту города, наметил маршрут движения и приступил к уничтожению штабных документов. Он лично обошел всех защитников и назначил время вылазки. Только абсолютная внезапность могла принести успех. И вот совершенно неожиданно для немцев осажденные покинули свою «крепость» и контратаковали осаждавших. Гитлеровцы не успели опомниться, как, обожженные, с потрескавшимися от жары губами, воспаленными глазами, в дымящейся одежде, бойцы во главе с Корниловым воссоединились с основными силами полка...

Герко обратил мое внимание на какую-то чумазую фигуру с огромным мешком за плечами, вышагивающую рядом с Корниловым, — это и был начпрод полка Плиушенко.

— Что это у вас? — спросил я его.

— Отчетность о расходовании продовольствия по полку, — отвечал тот, не смущаясь, и пояснил: — Документация...

Когда Герко отвел своих людей на новые позиции, я возвратился в штаб дивизии.

В тот же день во время одной из контратак Никифор Игнатьевич был тяжело ранен и направлен на лечение в госпиталь в город Горький.

Командование 56-м полком принял Корнилов.

Неожиданно разразилась гроза. Никто и не заметил, как небо затянуло тучами, потускнело и скрылось за ними жаркое солнце. Дым и смрад от горящих зданий смешались с духотой летнего дня.

Дождь укрыл нас от самолетов противника.

Прибыл военком корпуса Петров; он привез письменный приказ об отводе частей на восточный берег Малого Волховца. 24 августа мы с боем начали отходить к реке. Увязая в грязи и иле заболоченного берега, подразделение за подразделением грузились на лодки и плоты.

Но вот ливень кончился, и снова выглянуло солнце. Редкие крупные капли дождя, однако, все еще продолжали падать на землю. Они сверкали всеми цветами радуги в прощальных лучах заходящего солнца, золотыми шурупчиками ввинчивались в песок на холме, беззвучно скрывались в луговой траве.

Лишь только мы переправились через Лешовню, вновь хлынул ливень. И это было весьма кстати, так как облегчало нам переправу через Малый Волховец. Переправившиеся подразделения тотчас же окопались.

Усталые, измученные почти непрерывным шестисуточным боем, люди засыпали тут же в свежестрытых ячейках и окопах.

Вскоре откуда-то из тыла подвезли горячую пищу. Командиры и политработники обходили спящих людей, будили их, кормили и указывали, кому спать, а кому нести охрану... Мы с Третьяковым отправились проверить охранение.

При занятии обороны по Малому Волховцу наш правый сосед допустил ошибку. Вместо того чтобы закрепиться на островке Кирилловского монастыря, он отошел на восточный берег реки. Монастырь стоял на холме, господствующем над местностью, и оттуда противник мог вести фланговый огонь по всему переднему краю обороны нашей дивизии.

Немцы потеснили также и нашего левого соседа и овладели Юрьевым монастырем.

Черняховский решил вернуть оба монастыря своими силами. Он уже не надеялся на достаточно быстрые и решительные действия других.

Юрьев монастырь штурмовала рота, где заместителем политрука был Александр Панкратов. Пренебрегая опасностью, люди пошли в атаку. Немцы встретили их пулеметно-автоматным огнем. Сразу же выбыл из строя тяжело раненный командир роты. Принявший командование Панкратов вырвался вперед и каким-то чудом невредимым достиг бетонированного колпака пулеметного гнезда противника. Юношу отделяло от пулемета, прижавшего его роту к земле, не более полутора десятков шагов. Вражеский пулеметчик не мог видеть выпавшего из сектора наблюдения замполитрука; почти рядом с Панкратовым вздрагивал сеющий смерть ствол «универсала». Сорвав висевшую на поясе гранату, Александр быстрым движением руки вырвал чеку. Бросок — и падение наземь! Когда над головой просвистели осколки, Панкратов вскочил на ноги. Увы! Колпак был цел. Не пробила бетон и вторая граната. Пули продолжали косить залегших в траве бойцов... И тогда молодой коммунист принял решение...

Вытерев фуражкой пот с лица, он осторожно, бочком стал продвигаться к колпаку и вдруг резким рывком навалился грудью на изрыгающий пламя ствол. Путь роте был очищен...

Александр Константинович Панкратову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза...

— Вернуть монастырь мы все же не смогли.

Одновременно другая рота того же батальона, которой второй день командовал Жадан, штурмовала Кирилловский монастырь. Подразделению удалось овла-

деть этим пунктом и продержаться там более часа. Однако яростная контратака противника помешала нам закрепить достигнутый Жаданом успех.

— Бижу цэ я, — докладывал он Черняховскому на смешанном украинско-русском языке, — а там — немец! Я вдарив его прикладом ППШ та й побиг дали. Колы дывлюсь — сино. Шось копошыться. Пидняв немецьку гвинтівку, колупнув. А там изнов гитлеровец. Я его прыдавив багнэтом, видризав сумку та й побиг дали. Колы чую — хтось рядом бье з кулэмэта. Я туды — швырк гранатою. Расчот вбив, а кулэмэт цилый. Я его повернув да и почав строчить... Алэ зайло! А я систэмы кулэмэта нэ знаю. Ну, плюнув та й побиг дали. Дывлюсь — другый кулэмэт з попид зэмли бье, я й в нього гранатою. Розбыв та й знов дали. Познималы з плэча ППШ та почалы по фашистам стрілять! Воны пэрэлякалысь та й драпать. Алэ ж хвылын через п'ять або трохы бильш — прочухалысь, що нас мало. Пишлы в контратаку. Мы одбылы. Гитлеровцы заляглы. Мы стріляемо в них, а воны в нас. Лежимо так з пивчасу або бильш — наши не йдуть, а тут фашист як попрэ! Бачимо, нимців в монастири вже до бисового батька, а у нас и патроны кончаються. Ну й посунулысь назад...

* *
*

Ночью вывезли раненых из церкви Андрея Юродивого, что «на Ситке».

Черняховский использовал для обороны железнодорожную насыпь и дамбу вдоль берега реки.

В районе Спас-Нередицы и в селе Кунино было мобилизовано на окопные работы все трудоспособное население. Не совсем правильное применение в данном случае термина «мобилизация населения», так как в большинстве люди приходили по собственной инициативе и без лишних слов и каких-либо формальностей включались в работу — рубили лес, делали завалы, укрепляли пулеметные точки и огневые позиции для нескольких вновь присланных комкором орудий. К утру оборона была готова.

АНФИСИНА ЛЮБОВЬ

Гитлеровское командование перенесло основной удар своей авиации на Спас-Нередицу.

Штаб дивизии разместился в Кунино. Соорудили блиндажи под обратным скатом высоты, близ церковной каменной ограды, меж разросшихся вековых дубов. Выше по склонам зеленых холмов живописно раскинулось село. С высоты хорошо просматривался противник, передний край и дымящиеся развалины города.

Невооруженным глазом можно было разглядеть, как вражеская пехота роет окопы и строит свои укрепления. Мимо проходили бесчисленные колонны автомашин с сидящими в два и четыре ряда людьми в касках. Казалось, лавина катится на Ленинград: моторизованная пехота, танки, дальнобойная артиллерия, штурмовые орудия...

Увы! У нас не было сил задержать этот поток.

Мы глядели на это страшное шествие и думали свою горькую думу.

— Эх! — горестно вздыхал Иван Данилович. — Сюда бы теперь десятка три танков или артиллерийский полчок...

Невеселые спустились мы в блиндаж...

То ли противник снова разведал местопребывание штаба дивизии, то ли он думал, что колокольня церкви является наблюдательным пунктом, но вскоре восточная окраина Кунино подверглась массовой обработке вражеской авиацией.

Снаряды и бомбы загоняли всех в укрытия. Сидеть в окопе или лежать в щели безопаснее, чем стоять наверху, но во сто крат неприятнее, когда противник обрабатывает площадь бомбами крупного калибра. Все вокруг приходит в движение, стенки щелей сближаются, и кажется, что ты лежишь в гробу, который вот-вот засыплут землей.

Свой наблюдательный пункт Черняховский выдвинул в открытое поле и замаскировал его неубранными копами хлеба; отсюда все, что творилось у неприятеля, было видно как на ладони. По-прежнему изо дня в день на наших глазах с лязгом и грохотом мчались в направлении на Ленинград вражеские танки, артиллерия, мотопехота, грузовики со снаряжением, боеприпасами, продовольствием.

Сердце сжималось от боли и собственного бессилия остановить этот поток железа, стали и пороха.

Где-то далеко за океаном союзники торговались о помощи. Под рев германских орудий, среди грохота фашистских танков и рвущихся бомб радио доносило из Англии и США обещания, а нам, сражавшимся, нужны были пушки, хорошие скорострельные пушки, снаряды, танки и самолеты.

Не скоро пришла эта помощь союзников!.. Да и помощью ее можно было назвать лишь условно. Нам присылали устаревшую технику, давным-давно снятую в союзных странах с вооружения. Недаром наши бойцы окрестили прибывавшие из США танки «коробками смерти», а английские самолеты — «самоистребителями».

Лишь тогда, когда вступили в бой сформированные за Волгой свежие дивизии, оснащенные новейшей советской техникой, начался решающий перелом в войне...

Ночью прибыл капитан Колесов, присланный комкором на должность начальника оперативного отделения штаба дивизии. Одновременно с ним вернулся из госпиталя и майор Хантемиров. Он заменил в штабе раненого Пашкова. Своей скромностью, исключительным трудолюбием и глубокими военными знаниями новый начальник штаба дивизии очень быстро завоевал всеобщее уважение.

Колесов был совершенно новым человеком в дивизии. О нем только и было известно, что это бывший

спортсмен, окончивший военный факультет Института физической культуры имени Лесгафта. Его шаг был легкий и пружинист, а бицепсы играли под гимнастеркой. Колесов впервые участвовал в войне и еще не побывал ни в одном бою.

Попав во фронтовую обстановку, Колесов быстро стал настоящим боевым офицером.

* * *
*

Штаб перебрался в молодой лесок, что тянулся от Кунино к югу.

Новый начальник оперативного отделения горячо принялся за дело. Он быстро навел порядок в штабной документации и лично проверял состояние дел в частях, ежедневно навещая полки и подразделения.

Его внешний лоск, дававший в первые дни богатый материал для насмешек и иронических замечаний, вскоре стал предметом подражания нашей молодежи. Все наводили чистоту, подтянулись, совершенно исчезли небритые физиономии.

Не прошло и недели, как Колесов стал кумиром наших девушек. Никогда у них не было так много дел в штабе дивизии, как теперь.

Чаше всех стала наведываться туда Анфиса. Как-то вечером, когда я, изнемогая от усталости, прилег вблизи своего блиндажа, девушка под села ко мне на траву.

— Товарищ полковой комиссар! Знаете, что я хочу спросить? Как вы считаете, есть на свете любовь?

— Послушай, девушка! Я спать хочу, а ты тут с любовью лезешь.

— Нет! Я серьезно, товарищ полковой комиссар.

— Ну и я тоже совершенно серьезно... Ступай с этими вопросами к Колесову. Он в таких делах, вероятно, получше моего разбирается.

— Я как раз о Колесове и хочу с вами посоветоваться. Как по-вашему, может такой человек по-настоящему любить?

Я приподнялся, пытаюсь при свете луны разглядеть лицо девушки, но она сидела опустив голову.

— Ну и ну-у-у! Ты что, влюбилась в него, что ли?

Анфиса приблизила ко мне свое лицо.

— Сама не пойму, что со мной делается. И вижу, что вроде не тот это человек; ну, как вам сказать, не самостоятельный он какой-то, а тянет меня к нему. Сегодня звал к себе в блиндаж... И понимаю, что не надо идти, а знаю — пойду. Нет! Это не слабование, а нечто совсем-совсем другое. Понять никак не могу: что это такое со мной делается?

Сон мой сразу пропал. Я встал и пошел к блиндажу Колесова.

— Вот что, товарищ капитан, — обратился я к нему, — сегодня мы ночуем вместе. Кстати, я давно вам хотел сказать: перестаньте крутить девушкам головы! Здесь вам не танцульки клубные, а место, где люди отдают жизнь за Родину.

— Что ж, разве любить на фронте запрещается?

— Нет! Зачем запрещается? Любить — любите, а вот головы морочить нашим девушкам не позволим! За чем Анфисе свидание назначили? Стыдно! Берите ваше одеяло и переселяйтесь ко мне в блиндаж... Живо!

И все же на следующий день, когда я вернулся с переднего края, я застал в своем блиндаже Анфису.

— Товарищ полковой комиссар! Колесов, оказывается, женат...

— А тебе что до этого? Мало ли кто у нас в дивизии женат.

— Что ж мне теперь делать?

— Вот это здорово! Ты что же, уже успела роман с ним завязать?.. Ну, теперь пойдет канитель!..

Я послал за Колесовым.

— Вы что же издеваетесь над девушкой? Почему скрыли от нее, что женаты?

Колесов помолчал, потом проговорил:

— Кому какое дело, если мы любим друг друга?

— Врете, что любите! Обманули подлейшим образом человека, исковеркали ему жизнь. Есть ли у вас совесть? Нам стыдно за вас. Убирайтесь ко всем чертям из нашей дивизии!

Но жизнь опередила. Ночью капитан пошел проверять посты и был тяжело ранен.

Спустя несколько дней ко мне в блиндаж заглянула Павлова.

И. Д. Черняховский (справа) и А. Л. Банквицер у деревни Кунино (близ восточной окраины Новгорода) 26 августа 1941 года

— Я об Анфисе сказать хочу, — начала она, — очень уж она по Колесову убивается.

— Д-да! Нехорошо получилось. Несерьезный человек он, этот ваш Колесов, с червоточинкой... Не успел приехать и уже черт знает что натворил.

Надя пристально посмотрела на меня.

— Никакой подлости я между ними не вижу. Колесов — молодой, Анфиса и того моложе, ну и закрутило обоих. Вот смотрите, что ему Анфиса-то пишет.

Она достала из нагрудного кармашка гимнастерки письмо и протянула мне.

«Дорогой Иван Павлович!

Прошло пять дней, как вас увезли, а кажется, пять лет. Хуже всего, что неизвестно, как ваша рана... Я себе прямо места не нахожу. Всякая работа из рук валится. Вы, пожалуйста, не думайте о том, что я вам говорила. Если так уж вышло, что вы женаты и к жене чувство имеете, то я разбивать чужую жизнь не согласна. И вы об этом не волнуйтесь и себя не расстраивайте. Знайте, что я ничего не хочу, только б вы были живы и счаст-

ливы. Хорошо лечитесь и возвращайтесь к нам! А я раз сказала — люблю, значит, люблю. Пусть что хотят, то и думают, а я не стыжусь...

У нас все по-прежнему. Немцы делают артналеты, бомбят, но раненых сейчас мало.

Надя Павлова вам кланяется — она знает все.

Целую вас крепко.

Анфиса».

— Ну что? — вскинула на меня глаза Надюша.

— Окончательно убедился, что Анфиса — прекрасный человек, а Колесов не стоит ее мизинца.

ДМИТРИЙ ЛАПШИН

Одновременно с Колесовым прибыл в дивизию лейтенант Дмитрий Лапшин. По своей внешности он был прямым антиподом капитана. Маленький, щупленький, рыжий, с совершенно бесцветными глазами, лейтенант не производил впечатления.

— Бриться нужно, молодой человек, — резко бросил Колесов, оглядывая стоявшего перед ним молодого командира.

— Есть бриться! Только вот сначала у немца бритвой разживусь.

Когда Лапшин предстал перед комиссаром штаба дивизии, тот даже поперхнулся чаем, который пил в это время из походной алюминиевой кружки.

— Д-д-да, браток! Росточком-то, прямо скажем, папа с мамой обидели тебя. В кавалерии (сменивший Данченко комиссар был когда-то конником) у нас таких, не обижайся только, троих на одного коня сажали, да еще для двоих место оставалось.

Но вдруг он заметил на груди у лейтенанта выглядывавший из-под края плащ-палатки орден Красного Знамени и, сразу переменив тон, совершенно серьезно продолжал:

— Впрочем, все это ерунда: не в росте дело, бывает и так — мал золотник, да дорог... Орден-то где заработал?

— Разведчик я, товарищ комиссар! А в росте моем не извольте сомневаться. Пока до Берлина дойдем, подрасту. А там видно будет...

По внешнему виду Лапшину нельзя было дать больше двадцати лет, хотя в действительности ему к тому времени было уже больше.

— Куда хотели бы определиться? — спросил Лапшина капитан, ведавший в штабе дивизии кадрами.

— Да по своей специальности — в разведку, — ответил тот.

И Лапшина назначили командиром взвода в разведывательный батальон.

Через два дня Котов послал Дмитрия в ночной поиск «для проверки» боевых качеств нового комвзвода.

Едва мрак окутал землю, как разведчики проникли в расположение противника. Через Малый Волховен и Лешовню они скрытно перебрались вплавь и, пройдя через топкое место, появились там, где их никто не ожидал. Лапшин сам повел атакующую группу*. Выбрать объект нападения не составило труда. Недалеко от берега были какие-то изолированные строения, по-видимому склады. У помещения конторы стоял часовой; другой немецкий солдат патрулировал от него вдоль каменной ограды складского двора и обратно.

Разведчики вплотную подкрались к часовым и «сняли» их.

«Атакующая группа» ворвалась в дом.

В душной, прокуренной комнате четверо полуголых мужчин играли в карты. На полу валялись опорожненные бутылки из-под шнапса. Винтовки стояли у стены. Там же были свалены в кучу и «униформы». Солдаты резались в «двадцать одно».

— Хенде хох! — крикнул Лапшин, врываясь с разведчиками в комнату.

Увидя наведенные на них автоматы и высоко поднятую Лапшиным над головой большую противотанковую гранату, гитлеровцы послушно позволили связать себя.

Им воткнули в рот кляпы.

Для десяти человек это был непосильный груз, и от двоих пришлось отделаться. Взяли с собой фельдфебеля и ефрейтора.

* Разведгруппа, ведущая ночной поиск, расчленяется на три части: 1) группу разграбления, 2) атакующую группу, имеющую прямой задачей захват пленного, и 3) группу обеспечения, в случае необходимости прикрывающую огнем действия атакующей группы.

В пути попали под обстрел. Немецкий ефрейтор и один разведчик были убиты, двое советских бойцов ранены.

Фельдфебель окончательно протрезвился и всю дорогу упирался, артачился, не хотел идти; пришлось его энергично подталкивать. Наконец вся эта возня с пленным изрядно надоела разведчикам, они снова связали ему ноги и понесли на руках.

У реки их отход прикрывала огнем группа обеспечения. Достигнув «своего» берега, разведчики бегом направились к заранее намеченному пункту сбора. Здесь они должны были дожидаться возвращения товарищей, оставшихся у реки и ввязавшихся в перестрелку с противником. Этим пунктом был стандартный домик путевого обходчика возле железнодорожной насыпи.

Выставили часовых, развели огонь в печи, разделлись и принялись за сушку одежды и обуви.

Один Лапшин остался в том, в чем был; только вылил из сапог воду.

Автоматы и запасные магазины бойцы положили на кровать. Жильцы давно покинули этот дом, и солдаты чувствовали себя здесь полными хозяевами.

У пленного вынули изо рта кляп и, не развязывая ни рук, ни ног, положили на брошенную в угол охапку соломы. Даже раненые повеселели. Послышались шутки-прибаутки. О пленнике все словно позабыли. Но он сам внезапно напомнил о себе.

Неизвестно каким образом освободившись от своих пут, гитлеровец рывком бросился к кровати, на которой лежали автоматы, но Лапшин опередил его. С ловкостью кошки он вскочил вражескому солдату на спину. В тот же миг двое бойцов схватили фельдфебеля, снова скрутили ему руки и посадили на солому.

Вдруг гитлеровец, сидевший с мрачно опущенной головой, грязно выругался по-русски.

— Э, да никак он все понимает, коли так рапортует, товарищ лейтенант, — заключил один из разведчиков.

— Откуда вы знаете русский язык? — спросил Лапшин.

— Жил долго в России. У моих родителей было большое имение в Лифляндской губернии, — ответил фельдфебель. — А что вы собираетесь со мною делать?

И гитлеровец снова грубо выругался.

— Прекратите безобразничать или я прикажу снова всадить вам в глотку кляп! — прикрикнул на него Лапшин.

Подшли группы обеспечения и разграждения, и все тронулись в путь. Посреди колонны со связанными за спиной руками шагал пленный.

В штабе фельдфебель сначала держался довольно нагло, но в конце концов Лиза Белокопытова сумела получить от него весьма ценные показания.

С тех пор и вошел Лапшин в нашу дружную солдатскую семью своим человеком.

На войне люди выдвигаются быстро, и несколько месяцев спустя, когда вражеская пуля навсегда оборвала жизнь молодого талантливого командира, он уже был капитаном и командовал стрелковым полком. Это случилось 4 августа 1942 года во время форсирования нами реки Вазузы недалеко от Ржева.

ИЗМЕННИК

Догорали последние дни августа 1941 года.

Наступление немцев на нашем участке выдохлось окончательно.

Авиация противника все еще обрабатывала Спас-Нередицу, Кунино и лесные массивы близ них, но мы перенесли штаб дивизии в глубь чащи, к совхозной пасеке. Там было много ульев, пчел и невыбранного сотового меда.

По вечерам мы приходили в одинокий домик под красной крышей, весело выглядывавший из леса у самого края небольшой поляны. Густые ветви кленов, вязов и лип манили прохладой. Воздух был напоен сладким запахом цветов.

Как хороши были эти немногие часы, которые удавалось провести на пасеке! О, это был настоящий отдых! И не то чтобы здесь мы прекращали работать. Наоборот, неугомонный Иван Данилович и тут не давал нам ни минуты передышки. Мы изучали данные разведки, разрабатывали различные варианты отражения вражеских атак и наших контратак, организовывали работу тылов... Но все же на душе было легко и радостно уже от одного сознания, что вот живешь и дышишь и что никто тебя не бомбит, никто в тебя не стреляет.

Я выходил на крыльцо, вбирал грудью свежий лесной воздух, смоляной дух сосны, вдыхал ванильный аромат ночной матиолы; глядел на далекие звезды и слушал шорох ветвей, шепот листьев, шелест травы. Стонали стволы сосен, стрекотали кузнечики, бесшумно пролетали ночные птицы, тихо скрипели вековые вязы.

Пчельник спал, и только ночные бабочки, привлеченные запахом цветов и меда, кружились меж ульев и над разбитыми у дома клумбами. И было так хорошо на этой залитой лунным светом лесной поляне, что не хотелось верить и думать о том чудовищно страшном и диком, что происходило вокруг, почти рядом...

Как всегда, службы штаба Черняховский разбросал на площади в шестьсот — семьсот квадратных метров. Мы хорошо замаскировали наше местопребывание.

Однажды поутру, когда я возвращался с переднего края, где всю ночь поверял посты, я увидел у домика какого-то мужичка, мирно беседовавшего с часовым, бойцом, лишь незадолго до того попавшим к нам. Маскируясь деревьями и высоким кустарником, я неслышно подошел к ним, намереваясь сделать строгое внушение бойцу за разговор на посту, но то, что я услышал, заставило меня насторожиться и прислушаться к беседе.

Неизвестный был еще не старый человек, лет сорока — сорока двух, не более, одетый в какую-то рвань и крепкие солдатские сапоги. Небольшая рыжеватая бородка обрамляла лицо. Мужичок достал кисет, отсыпал махорку в стандартную косую бумажку и, не торопясь, свернул «козью ножку». Взяв ее в зубы, он протянул кисет часовому... Оба закурили и, присев на крыльцо, продолжали прерванную было беседу.

Гостя интересовало все, и он довольно бесцеремонно выпытывал у красноармейца, что это за часть, почему мы в танкистской «одежде», а танков нигде не видать, где наши пушки, откуда пришли, где огневые позиции орудий. К последнему вопросу он, как бы невзначай, возвращался несколько раз.

Солдат держал винтовку меж ног... Когда докурили, «мужичок» достал кисет снова. Часовой передал ему в руки оружие — подержать, пока надорвет край газеты.

Я отстегнул кобуру пистолета:

— Руки вверх!

«Мужичок» изменился в лице.

— Что вы, что вы, товарищ?.. Я свой...

— Обыскать!

У шпиона в кармане штанов оказался немецкий парабеллум.

— Нашел в лесу, товарищи...

Голос его дрожал. Я видел, как гусиными пупырышками пошла его кожа, испариной покрылся лоб. И весь он сразу как бы увял, стал мельче и жалче, словно что-то огромное и непреодолимо тяжелое вдруг придавило его, прижало к земле.

— Невиновен я ни в чем, товарищи! Шел на пасеку к знакомому человеку...

— Брось валять дурака! Рассказывай!

— Когда нет ничего — не пришьешь ничего! — Голос звучал чуть-чуть злобно.

— А парабеллум?

— Эх, горе! Нашел... Надо б отдать, а я спрятал, ду-мал, может, мобилизуют — сгодится... Ошибся малость, товарищ! Невиновный я, — заегозил «мужичок» и попытался изобразить на своем лице растерянную улыбку...

— Что ж, ты думаешь долго так мозги мне крутить? Ведь я стоял тут у кустов и все твои вопросы слышал...

~ Плохая работа... Шпион ты!

— Значит, не верите?

— Не верю.

— Правильно!.. — И через несколько секунд с усмешкой: — Да опусти пушку-то! Ненароком до времени выстрелит...

Стало тихо. Было слышно дыхание... его и мое... В траве трещали кузнечики. Красивая бабочка-траурница кружилась над клумбой. И по-прежнему пахло вербеной и распаренной солнцем сосновой смолой.

— Раскулаченный?

— Было... — нехотя ответил он.

— Как попал к фашистам?

Шпион молчал и думал свое... Наконец глухим ровным голосом, словно речь шла не о нем, спросил:

— Расстреляете?

— Расстреляем, — подтвердил я.

— Правильно... Здесь или куда поведете?

И я чувствовал, как от этого тупого безразличия в сердце моем закипал гнев. Кровь набегала откуда-то

из-за ушей к вискам, заливала плечи и грудь, била в жилах ключом, туманила разум.

Это подлая змея, которую надо раздавить. Ей наступили на голову, и она не кусает только потому, что не может изловчиться сделать это.

Я видел его глаза, читал затаенные мысли. Гнев рос и ширился в моей груди.

— Ну что? Скоро, что ли? — не выдержал он.

— Поспеешь!

— Допросить хочешь? Все равно, допрашивай — не допрашивай, ничего не скажу. Амба!

— Ненавидишь?

— Вроде любить мне вас не за что...

Ярость захлестнула меня. Как заставить его говорить? Как?

Я задыхался от злости, ненависти и... собственного бессилия... Человек усмехнулся...

Мысль напряженно работала: узнать, обязательно, непременно узнать! Может быть, от того, что он расскажет, зависит жизнь сотен советских бойцов.

— Послушай! Не хочу я обманывать, обещать тебе жизнь и прочее. Скажу прямо: ты уже все равно что покойник... Но ведь русский же ты человек... русский! Понимаешь, что это значит?.. Ну, проданся... Ну, думал богатство вернуть, отомстить... Не будет же теперь всего этого. Пойми! Кончено!.. Ведь все равно расстреляем. А Россия, родина твоя, страна, где родился ты, вырос, где жили отец твой, деды и прадеды, — она останется...

— Хорошо поешь... где только сядешь? — прервал он меня и громко проглотил слюну.

— Мать-то у тебя была?

— Почему не быть? Мать, конечно, была, как у всех... В революцию померла...

— Ну вот, мать, значит, была... Ее ты любил?

— Известно, какая ни есть мать, а мать — все ж мать. Только не пойму, куда гнешь.

— Так просто... Что за человек, понять хочу.

— Понимать тут нечего — дураку и тому ясно... Только и ты у меня весь как на ладони. Хитришь! И вот что скажу: не тяни меня за душу, Христа ради! Кончай!

Я словно не слышал:

— А думал ты, почему это другие своих матерей, жен, ребят бросили и на смерть за Россию пошли?.. Думал?.. Почему ты один за немцев стоишь, а весь народ против? Чужим горем счастье свое поймать захотел, а к смерти пришел... Не может быть счастья предателю, не может! Про мать я тебе к тому говорил — она живому простила бы... А Родина, Россия — она и мертвому тебе не простит... Пред нею грех искупать кровью надо. Людей уберечь хочу, людей наших от смерти спасти. У них дома жены, матери, дети... Тебе вот Россия — ничто. А нам — Родина. Тебе не понять... Ее на рубли не обменяешь!.. А ты за марки могилу матери продал. Чтó могилу — душу свою за пфеннинг фашисту отдал...

Человек молчал и по-прежнему, с усмешкой, не мигая, глядел на меня...

На некоторое время взгляд его задержался на моем отличительном нарукавном знаке — большой красной звезде...

— Тебе бы попом быть, а ты в комиссары пошел... Говоришь вроде с душой, а сам ловишь человека сбоку схватить... «Грех»... «Россия»... Это тоже как понимать?! Тебе Россия одна нужна, а мне, к слову сказать, совсем другая... Ты вот сейчас убивать меня будешь, а в писании сказано: «Не убий!» Значит, опять грех выходит... И уже твой, а не мой... Вот я с самых Сольцев с немцами иду, а ты мне: «русский»... Был русский — теперь полицай... Вот и понимай, что к чему!.. По-ли-цай... Тьфу!..

Он зло сплюнул и продолжал:

— Ты вот в тревоге, а у меня в душе — мука... Не твоя... настоящая... огненная... Понимаешь — мука-а-а!.. Когда к немцам шел — все было ясно. А пришел... туман в голове... По-ли-цай!

Помолчали...

— Жаль патрон на такую сволочь расходовать!

— Раскошелишься!

— Иди, Каин! Живи, коли сможешь!

— Врешь! Вдогонку стрелять будешь!

— Сам повесишься!

— Не повешусь!

— Удавишься, как последний гад, на суку!

— Обмнишулишься — не удавлюсь!

— Иди!

— И пойду!..

Он нетвердыми шагами пошел... Я смотрел ему вслед. Неужели он переиграл меня? Неужели?

Вот человек миновал клумбу и идет между ульями. Еще два-три десятка шагов — и он скроется между деревьями.

«Дойдет до пятого улья — буду стрелять», — решил я.

Чудовищным напряжением воли не позволил руке раньше времени достать из кобуры пистолет... У пятого — желтела песком поперечная дорожка... Человек остановился за шаг до нее, постоял, как бы раздумывая еще — идти или не идти, и... вернулся.

— Стережешь? Ладно! Тащи бумагу! Пиши!.. Думаешь, перехитрил? Дудки! Сам я... Пиши, будь ты проклят!..

Фамилия его была Кудряхин. До прихода немцев жил на окраине города Сольцы. Служил в лесничестве. Никто никогда не замечал его ни в чем подозрительном. А он молчал, ненавидел и ждал своего часа. Когда настал этот час, к нему вернулась речь... Он пришел к гитлеровцам и предложил работать на них... Гестапо проверило и приставило к «делу».

Гестаповцы допрашивали захваченных жителей, били их, затем, вызывая по очереди к старшему, предлагали на выбор — быть расстрелянными вместе с семьями или отправиться в наше расположение за сбором шпионских сведений. Кудряхин был послан во главе одной из таких групп.

В те дни фашистская разведка засылала к нам сотни и тысячи агентов и диверсантов. Расчет был простой: если из ста арестованных хотя бы один окажется малодушным и станет предателем, они получают нужные им разведывательные данные.

Когда фашисты терзали советских людей, Кудряхин злорадствовал, но той всепоглощающей радости, которой он годами ждал, как светлого праздника, в душе не было. И от этого пуще лютело сердце... Оскорбляло и то, как гитлеровцы относились ко всему русскому — за людей не считали.

Кудряхин выдал нам местонахождение всех заброшенных одновременно с ним шпионов, пункты сбора их донесений и перехода линии фронта, их пароль, склады оружия, места явок. Он показал, где были спрятаны сигнальные ракеты и небольшой радиопередатчик.

Котов воспользовался сведениями, добытыми у шпиона, проник со своим батальоном (вернее, его остатками) в расположение противника и устроил там такое, что гитлеровцы не могли прийти в себя целых три дня. Наши разведчики сожгли около десятка вражеских штурмовых орудий, вывели из строя дивизион тяжелой артиллерии, уничтожили до батальона пехоты и почти без потерь благополучно вернулись...

ОТРАЖЕНИЕ ДЕСАНТА

Гитлеровцы, захватив Старую Руссу, обтекали Ильмень с юга. Нужно было воспрепятствовать их дальнейшему продвижению и не допустить высадки на восточный берег озера...

Ночью нас сменил правый сосед. Мы свернули полки в колонны и в предрассветном тумане по лесным тропам двинулись форсированным маршем к Ильменю.

Командование Новгородской оперативной группы не имело возможности перебросить сюда сколько-нибудь значительные силы. Приходилось растягивать наши части параллельно берегу озера в полосе, размеры которой намного превышали уставные нормы для дивизии. Естественно, что при этом мы не могли создать сплошного фронта. Мелкие подразделения рассредоточивались в отдельных пунктах и связывались друг с другом дозорами и патрулями. К нам пригнали из-под Новгорода быстроходный катер; он непрерывно бороздил воды озера, зорко высматривал, не приближается ли враг. Вместе с катером несли сторожевую службу несколько баркасов и моторных лодок. Мы именовали все это громким словом «флотилия».

На рассвете дивизия достигла намеченного района сосредоточения, вышла к озеру. Солнце купалось в зеркальных водах. Огромные волны, набегающая одна на другую, разбивались о прибрежные камни, жесткую гальку и мокрый песок.

Ильмень! Искрящийся мириадами дорогих самоцветов, гордый, непреклонный и такой же прекрасный, как в далекую старь, Ильмень! Я глядел в его извечную, неудержимо влекущую к себе глубину, подставлял ноги и грудь ласковым волнам, прислушивался к ударам сердца его.

В тяжкий час я пришел к его берегам. Чувал в рокоте волн горе лютее, слезы, стоны и плач... И не кровь ли наших отцов и дедов в водах его? Не пробить лучам солнца их глубину...

Далеко-далеко белеет София, сияет на солнце златоверхий Георгий, потонули в зеленых просторах села и церкви. Небо ясное-ясное, без единого облачка, глядится в озеро, отражает в нем свою бирюзовую голубизну и оторваться от глубин не может...

Свободнее дышит грудь... Кружит голову аромат луговой травы. Высокая она — в рост человека, зеленая, сочная, по ветру колыхнется, волнами идет до самого сурового Ильменя.

Слева к озеру сбегала речушка. У самого устья, где камнем ее схватила плотина, стояла мельница. Дальше — рыбацкий поселок.

Новгородские рыбаки строят избы в два этажа. В первом — хлев для скота, во втором — люди. Жили крестьяне богато. Всюду специально вбитые колья, на них сушатся неводы. На земле — перевернутые вверх днищами баркасы и лодки. Под стрехами крыш на шнурках вялятся рыба. Коровы, свиньи, куры и гуси — в каждом хозяйстве. В закромах полным-полно ржи.

Встретили нас радостно, радушно. Мужчин почти не было. Село исходило бабьей тоской и слезами. Слышали о насилиях гитлеровцев, с ужасом ждали прихода их, и, когда явились мы, легче стало на сердце...

Солнце поднялось выше и жгло так, словно забыло, что лето уже на самом исходе и пора ему умерить свой пыл. К полудню стало душно. Гимнастерки вгрызавшихся в землю солдат стали мокрыми и просолились от пота...

У самого берега пахло свежей водою, но в сотне метров от озера духота была нестерпимая.

Белоснежный катер метался от истоков Волхова к югу озера и обратно. У Безназванки — речки — он круто разворачивался и, рассекая встречные волны, шел в сторону противника. За ним оставался длинный след, и, чем дальше уходил от берега катер, тем шире становилась эта искрящаяся пеной дорога на другой край белого света — на запад.

Почти у самого горизонта катер снова поворачивал к северу... Летали белокрылые чайки, ныряли в волны и торжествующе взмывали с серебристой добычей вверх. Про-

бегали моторные лодки и вздувшиеся парусами сторожевые яхты-разведчицы.

Врага не было видно. Нежданно пролетел «ястребок» и сбросил выпел. Мы узнали, что противник готовит десант.

Гитлеровцы собрали по окрестным селам все суда, оставленные в спешке отступления, подвезли и спустили на воду десантные баржи, резиновые лодки, пригнали с юга буксирные пароходы, катера...

С ходу приходилось готовиться к встрече врага.

Положение осложнялось тем, что нельзя было заранее предугадать, куда направится вражеский десант и где придется дать ему бой.

Чтобы иметь возможность использовать резерв в любом направлении, мы оттянули его в тыл на три километра... Лесистая местность, разветвленная сеть дорог и многочисленные рокады облегчали скрытность маневра.

Луг метров на триста — четыреста шел скатом к озеру. Черняховский мобилизовал жителей окрестных сел и приказал им косить траву — расчищать секторы обстрела. Вторую линию стрелковых ячеек отрыли в огородах, расположив их так, чтобы не допустить продвижения противника в случае высадки его на этом участке.

Ветер крепчал, и все суда, кроме катера, мы увели в затон.

К полудню небо заволокло черными тучами. Солнце спряталось, но духота стала еще больше. На горизонте сверкали молнии, откуда-то доносились раскаты грома.

Второй выпел известил, что, несмотря на непогоду, неприятельский десант отвалил от берега.

Ветер разогнал на небе тучи. Взыграло барашками озеро. Брызнуло светом освобожденное солнце... И тогда на горизонте показались белые, как снег, паруса и черный дым пароходов. Впереди шли большие суда и буксиры с баржами, затем баркасы и лодки. На более крупных судах были установлены пушки и минометы. Медь и сталь сверкали в ярких лучах солнца.

Но озеро было угрюмо и предвещало близкую бурю...

Чайки с криком носились над самыми волнами... Черные вороны оставили труп убитой шальной пулей лошади и, кружась над поселком, искали пристанища.

Воробьи скрылись под стрехами крыш...

Мы смотрели на быстро приближающиеся вражеские суда, но в сердцах наших не было страха.

Прибыл Черняховский и сразу же приступил к организации боя. От его глаза ничто не могло укрыться, властный голос гремел, перекрывая шум прибоя и ветра.

Иван Данилович быстро оценил обстановку, точно определил, где должен высадиться противник, подтянул резерв...

Отразить десант — это далеко не то же, что отбить атаку на суше. Здесь союзником обороняющегося является сама стихия. Разбитые и подожженные снарядами суда, опрокинутые лодки, намокшая одежда, неудержимо влекущая на дно, или смерть под пулями пулеметов — вот что ждет десантника почти в девяноста девяти случаях из ста. И горе тем, кого буря настигнет в этот момент.

Гитлеровцы открыли огонь из всех орудий и пулеметов.

Мы на руках выкатили на передний край четыре пушки. Они ударили по головному судну и пустили его ко дну.

Пулеметы изрыгали струи огня.

Усилившееся волнение мешало гитлеровцам вести прицельный огонь по берегу; под нашими же ногами, пулеметами и пушками была твердая, устойчивая, родная советская земля.

Буксирный пароход, тащивший за собой три баржи с солдатами, разворачивался вдоль берега. Гитлеровские матросы готовили сходни для спуска на землю солдат.

Наши пушки перенесли огонь на буксир и срезали у него руль. Лишенный управления, он еще некоторое время пробовал выполнять стоявшую перед ним задачу. Но тут зажигательный снаряд попал в сложенные на палубе ящики с боеприпасами. Начались взрывы, и объятый пламенем пароход, завалившись на правый борт, стал тонуть. Баржи пытались стать на якоря, но их срывало и гнало от берега. И все же гитлеровцы спустили на воду лодки. Одновременно они усилили огонь, чтобы прижать нашу пехоту к земле. Тщетно! Бойцы выбегали из-за укрытий и уничтожали врага с близких дистанций.

То тут, то там вражеские лодки приставали к берегу, и германские солдаты бросались в рукопашный бой. Их

встречали ручными гранатами, расстреливали в упор из автоматов, ударами прикладов опрокидывали в воду.

Никто не заметил, как на солнце снова набежали тучи... Ветер завихрил по дороге пыль, столбом поднял ее до самого неба и погнал вдоль деревенской улицы. Крупные капли дождя тяжело упали на землю и вдруг обрушились ливнем. Мгновенно стало темно, словно ночью. Каждую секунду тьму рвали на части огромные зигзагообразные молнии. И тогда видно было бушующее море. Раскаты грома сливались с ревом орудий, треском пулеметов, разрывами гранат, мин и снарядов... Буря разыгралась вовсю...

Волны вздыбились и стеной пошли на берег. Они разбросали вражеские баржи, перевернули лодки. Положение противника резко ухудшилось.

Наши пушки стреляли почти в упор — топили судно за судном. Иван Данилович приказал подтянуть пулеметы к самому берегу.

Десант был уничтожен полностью.

К вечеру буря разыгралась еще пуще. Опасность высадки врага миновала, и мы смогли большую часть бойцов развести по домам.

Дождь по-прежнему лил как из ведра. Мы все промокли до нитки, но радостное возбуждение не покидало нас.

Набросив на себя рыбацкий плащ, я пошел проверять охранение, будил бойцов, засыпавших от усталости, и распекал их как только мог. Но едва отходил, их глаза тотчас смыкались вновь...

На рассвете буря утихла, и взошедшее солнце было ярко и чисто, как сутки назад. С неба сбежали последние облачка, и легкий ветерок дул с юга.

После грозы дышалось легко и свободно. Остро пахла скошенная трава. Чуть-чуть кружилась голова. Впрочем, это могло быть и от усталости.

Черняховский в эту ночь тоже ни на минуту не смыкал глаз.

К завтраку Иван Данилович вернулся в штаб и связался по телефону с командованием корпуса. После обмена информацией оттуда сообщили, что к нам отправлен офицер связи с приказом.

Вскоре прибыли командиры полков и батальонов, вызванные Черняховским на совещание.

Повар принес пищу, но мы предпочли ей кулинарию наших гостеприимных хозяев: хорошие наваристые щи, галушки, напоминавшие украинские, студень из куриных потрохов, огурцы и квашеную капусту.

Черняховский налил из крынки в стакан молоко и, обмакивая в него кусочки хлеба, ел.

— Думаю, что нас сегодня сменят, — сказал он задумчиво, — комкор намекнул, будто на подходе другая дивизия. Интересно, дадут нам наконец танки или опять будем драться пешими?

Эти слова сделали разговор общим. Он волновал в равной мере всех. Не верилось, что никогда уже больше мы не будем сидеть в боевых машинах и врываться в гущу врагов...

Я воспользовался случаем и прочитал вслух письмо, незадолго до того полученное мною от академика Н. Д. Зелинского.

«Сама мысль становится нестерпимой, — писал старейший советский ученый, — когда вспомнишь о том, что враг на нашей земле, что он терзает тело России, жжет наши города и села, убивает стариков, женщин и детей. Я в горе и ужасе. Я в горе оттого, что уже настолько стар, что не могу сам взять в руки оружие. Я в ужасе оттого, что немцы распинают Россию, мою Россию. Я заклинаю Вас и ваших товарищей всем, что вам дорого, — остановите врага! Я не знаю, как вы это делаете, но вы, там находящиеся, должны это сделать, должны! И я верю, знаю, что вы сделаете это!»

НА ЛИКВИДАЦИЮ ПРОРЫВА ПОД ДЕМЯНСКОМ

Пришел приказ фронта той же ночью выступить под Демянск. Там была прорвана оборона. Гитлеровцы захватили железную дорогу и подступали к городу. На нашу дивизию возлагалось — не пустить врага дальше...

Правый сосед растянул свой левый фланг и к вечеру сменил наши части.

В последний раз я стоял на новгородской земле, в последний раз глядел на Ильмень.

Озеро-море! Сколько крови дедов и отцов русских, сколько слез матерей и детей поглотило ты! Но сегодня Ильмень досыта упился вражеской кровью. И не оттого ли потемнели его всегда прозрачные зеленые воды?

И все же он по-прежнему неотразимо прекрасен.

Мы покидаем тебя, Ильмень, но... настанет день — мы вернемся!

При свете луны командиры и политработники обходили машины и разъясняли солдатам стоявшую перед ними задачу. Подразделение за подразделением трогались в путь. К утру предстояло сделать двести пятьдесят километров...

* *
* .

Рассвет застал нас в районе селения Крестцы. Всюду, насколько хватал глаз, виднелись изрытые окопами поля, примятая металлическими гусеницами рожь; колючая проволока. Изредка встречались глубокие противотанковые рвы, эскарпы и какое-то подобие надолб. Такие я видел впервые. Они совсем не подходили на те, что пришлось преодолевать нам на Карельском перешейке. Там это были гранитные столбы, вкопанные на две трети в землю и на метр возвышавшиеся над ней. Их основания были залиты бетоном и представляли собой несокрушимую подошву. Здесь мы встречали отлитые из бетона и разбросанные в шахматном порядке метровые трехгранные пирамиды или сваренные из железных рельсов рогатки. Конечно, это не являлось непреодолимым препятствием для танков, но могло задержать их на некоторое время на месте и тем предоставить возможность «бутылочникам» и гранатометчикам уничтожить неприятельские боевые машины.

Утреннее солнце еще не успело разогнать ночной туман, как авиация противника уже обнаружила нашу колонну. Девять вражеских самолетов появились в воздухе; они сбрасывали небольшие бомбы или, проносясь вдоль колонны, поливали нас свинцовым дождем, затем возвращались, заходили с солнечной стороны и снова бомбили и обстреливали колонну. Противнику удалось разрушить и зажечь несколько машин, но бойцы столкнули на обочину горящие грузовики, и движение колонны продолжалось.

Винтовочным огнем мы тщетно пытались отогнать назойливых хищников. Не прошли и полкилометра, как наткнулись на груду конских трупов и повозок, преграждавших дальнейший путь. Бойцы возились у свалив-

шейся в дорожную пыль поклажи, снимали с лошадей упряжь, оттаскивали к обочинам трупы, доски, колеса.

Танкисты пришли на помощь пехоте. Через четверть часа путь был расчищен.

Группа бойцов, скрытно продвигавшаяся через придорожный кустарник, вела залповый огонь по «юнкерсам» и «хейнкелям». Черняховский одним из первых ввел в своих частях применение залпового огня по самолетам противника, совершенно правильно рассудив, что отсутствие прицельности с лихвой компенсируется огромной плотностью создаваемой огневой завесы. Не знаю уж как, но одна из пуль попала, видимо, в пилота, и вражеский самолет рухнул на землю. Тотчас же на месте падения раздался взрыв и клубы огня и дыма взметнулись вверх. Это заставило противника быть более осторожным. К сожалению, нам не удалось извлечь из пламени ни летчика, ни каких бы то ни было документов.

Вскоре после того как мы миновали селение Пески, внимание всех привлекла катившаяся нам навстречу, широко растекавшаяся в стороны людская волна, — это были остатки одной из разгромленных противником наших дивизий. Я приказал бойцам и офицерам растянуться в цепь. При мне остались только связные и десять автоматчиков.

В бинокль можно было различить отходивших советских бойцов. Полчаса спустя основная масса их достигла нашего расположения...

Выделенные мною политработники и командиры отводили бойцов дрогнувших подразделений в ближайшую ложину, сколачивали их в небольшие группы и возвращали в ряды сражавшихся. Наконец ввязались в бой и части нашей дивизии.

Охватив противника с левого фланга, мы его смяли и отбросили назад.

Заняв круговую оборону, я приказал бойцам окопаться. Через час мы имели на этом совершенно непредвиденном рубеже стройную линию стрелковых ячеек полного профиля.

В то время как треть бойцов отстреливалась от пытавшихся снова перейти в атаку гитлеровцев, остальные рыли окопы.

Когда немцы прекратили атаки и временно перешли к обороне, я отправился в Пески к командующему 27-й армией генерал-майору Берзарину, чтобы доложить о прибытии дивизии в его распоряжение.

В ШТАБЕ У БЕРЗАРИНА

Здесь нужно упомянуть о том, что еще во время боя у Ильмена Черняховский сильно простудился и заболел воспалением легких. Несмотря на высокую температуру, которая временами поднималась у него до 40,5°, Иван Данилович находился в полном сознании и категорически отказывался от отправки в госпиталь.

Лежа на койке, подвешенной в штабном автобусе, он еще в течение двух дней руководил боевыми действиями дивизии. Болезнь мешала ему непосредственно наблюдать поле боя, но офицеры связи заменяли Ивану Даниловичу глаза, ноги и руки. И все же пришлось отвезти его в валдайский госпиталь.

В штабе Берзарина я снова встретился с Терентием Фомичом Штыковым. Здесь же меня познакомили с дотоле неизвестными мне генералами.

Я доложил о прибытии дивизии в назначенное место, а также о том, что с ходу пришлось ввязаться в бой и что противник задержан в районе деревни Пески.

Штыков был чем-то очень взволнован; очевидно, до моего прибытия у него происходил крупный разговор с генералами.

Лицо командарма было красным и выражало крайнее смущение. Начальник штаба понуро молчал.

— Прошу ваших указаний о дальнейших действиях! — закончил я свой доклад...

Берзарин подошел к висевшей на стене карте и стал объяснять мне обстановку, затем поставил задачу.

Это происходило в домике близ церкви, в центре села. Нежданно наша беседа была нарушена прямым попаданием тяжелого снаряда в церковную колокольню...

Против нашей дивизии, понесшей большие потери, вели наступление три полнокровных вражеских пехотных полка; за ними вторым эшелоном шло столько же. Их поддерживали артиллерия и минометы. С этими весьма неполными сведениями я отправился «домой». Меня встретил временно замещавший командира дивизии под-

полковник Корнилов. Вместе с ним и Хантемировым мы обсудили создавшееся положение.

Фланги нашей дивизии были обнажены, но, чтобы дать оторваться от гитлеровцев потрепанным частям соседей, мы закрепились в пяти — семи километрах от села Пески, к которому подтягивались наши армейские резервы. Здесь не было заранее подготовленной обороны, но складки местности и отдельные каменные сооружения давали возможность на некоторое время задержать наседавших гитлеровцев. Дивинженер при помощи сельских властей мобилизовал колхозников на земляные работы. В течение каких-нибудь трех — четырех часов были отрыты две линии окопов и на дорогах сооружены препятствия для танков.

Штыков прислал нам в помощь фронтовой саперный батальон. Благодаря этому удалось заминировать наиболее вероятные направления танковых атак противника. Подступы прикрыли пулеметным огнем. Мы не успели поставить хоть какие-нибудь проволочные заграждения, но длинный, крутой и глубокий овраг, широко простиравшийся на север и юг от дороги, служил прекрасным естественным противотанковым и даже противопехотным препятствием. Мы не имели времени для его эскарпирования, но, отрыв индивидуальные стрелковые ячейки у края оврага, разместили там истребителей танков с достаточным запасом бутылок с зажигательной смесью.

«ЗАЩИЩАЙТЕ РОССИЮ!»

Гитлеровцы ввели в бой резервы и, несмотря на наше упорное сопротивление, преодолели овраг.

Тогда мы отошли на линию Пригорье — Гибно.

Лесистая местность маскировала наши передвижения и перестроения. Естественные препятствия помогали организовывать оборону. Противник с трудом продвигался вперед, неся при этом большие потери. И хотя у нас было мало орудий и еще меньше минометов, пулеметы делали свое дело.

К вечеру немцы снова оттянули свои части в район деревни Пески... Мы приободрились...

Крестьяне рыли окопы. Среди стариков оказалось несколько участников гражданской войны. Они руководили молодежью и женщинами.

В одной из изб разместился штаб нашей дивизии.

Повара привезли пищу, и глубокой ночью при свете коптилок мы сели обедать.

Вместе с кухнями прибыли посылки. Здесь были подарки работниц кондитерской фабрики Краснодара, текстильщиц Иванова, рабочих коллективов Московского автозавода и Новосибирского маслобойного завода. Две девочки из пятого класса иркутской неполной средней школы прислали вышитые ими кисеты. Они наполнили их конфетами, печеньем и другими сладостями, вложили письма.

Трудно передать то волнение, какое охватило нас всех, когда мы читали:

«Дорогой дядя командир! Дорогие товарищи! У меня отец тоже на фронте, но он рядовой красноармеец, и мы от него до сих пор не имеем ни одного письма. Каждый день мы все читаем сводки и очень расстраиваемся, что фашисты так далеко зашли. Все думаем о вас — и как вам тяжело, и что могут убить... И очень страшно за папу, потому что совсем не знаем, что с ним. Мама, когда не на работе, все плачет или пишет запросы командиру части, где папа. У нас стало много хуже с питанием, но мы знаем, что это нужно, чтобы наша Красная Армия имела хлеб и могла прогнать фашистов. Я учусь хорошо и обещаю учиться на «отлично». Желаю вам, чтобы вас не убило и не ранило и вообще всего хорошего. Ученица пятого класса Таня Синицына».

Очень теплое письмо было от краснодарской работницы. В те дни жители этого города еще не предполагали, что и им придется перенести нашествие врага и собственными глазами увидеть все те ужасы, какие влекут за собой война и фашистское изуверство.

«Комиссару танковой дивизии, все равно какой, по тельке танковой» — значилось на конверте. «Я стахановка фабрики. Мне двадцать лет, я комсомолка. Мне хочется установить переписку с каким-нибудь красноармейцем или командиром. Но я хочу, чтобы это был очень храбрый, не жалеющий своей жизни за Родину. Вот я и пишу вам письмо, как комиссару, чтобы вы мне указали, кто у вас в дивизии такой самый храбрый. Вы не подумайте, что я это делаю с какой-нибудь нехорошей целью. Мне просто хочется, чтобы вот такой человек мог со мной переписываться и как бы разговаривать,

и мне очень интересно, как он чувствует и понимает то, что происходит. А я бы ему тоже писала, как мы здесь помогаем фронту и хотим, чтобы вы поскорее прогнали с нашей земли гитлеровских бандитов.

Когда мы готовили эти посылки, то отбирали все самое лучшее, что только было у нас. И вот собираешь и думаешь, кому все это достанется и какой он, этот самый храбрый, — молодой или старый, здоровый или раненый, и попадет ли это хорошему, честному человеку, а может быть, совсем-совсем плохому. Но как-то не хочется думать, что там у вас есть плохие люди, и поэтому мы думаем, что наши посылки попадут только хорошим людям».

В прибывшей почте находились и письма, адресованные лично мне. Среди них снова было письмо от академика Н. Д. Зелинского, два письма от Алёны, одно от академика А. Е. Ферсмана, несколько писем от товарищей по институту и очень теплое коллективное письмо от моих студентов.

«Моя тревога растет, — писал Николай Дмитриевич. — Когда же наконец мы остановим немцев? Не хочу верить, что это будет не сегодня и не завтра. Ведь каждый день, каждый час, каждая минута промедления — это новые жертвы, новые пепелища, новые слезы и реки крови. Неужели вы там не можете справиться с фашистскими бандами? Мы не жалеем сил, чтобы обеспечить вашу победу. Мне восемьдесят лет, но я работаю дни и ночи, чтобы дать что-нибудь новое для спасения нашей страны. Мое сознание еще достаточно крепко, и я делаю все, что в моих силах, и даже чуточку больше. О, как я завидую вам! Какое несчастье быть старым и слабым в такой жуткий момент! Я снова и снова заклинаю вас — защищайте Россию!»

Александр Евгеньевич Ферсман кратко сообщал о вновь открытых им на Урале месторождениях нефти и угля.

Рабочий автозавода писал о том, что завод готовится к эвакуации на восток. И все письма были проникнуты единым духом, единым стремлением — сплотить силы, отдать все свои знания защите Родины.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГИБНО

Деревня была полна беженцев. Они пришли сюда, убегая от гитлеровцев из Демянска и прилегающих к нему сел.

Горожанки резко выделялись среди крестьянского населения, и не то чтобы они одевались более нарядно — крестьянские девушки носили такие же платья, такие же ситцевые и шелковые кофты и юбки, но походка, прическа, даже выражение лица сразу же выдавали жительницу города.

В избе, где расположен был штаб, укрылись три демянские беженки. Две из них называли себя актрисами, так как несколько раз выступали на подмостках провинциального театра и где-то когда-то учились в драматической студии. Третья была молодая красивая женщина с двухлетним ребенком, по профессии машинистка.

Девушки буквально одолели моего ординарца вопросами о том, сдадим мы деревню врагу или нет. Якушкин с первого же взгляда окрестил «актрис» бездельницами. На фоне общего подъема и самоотверженности, проявляемой всем населением деревни, эти маменькины дочки действительно вызвали раздражение и неприязнь. Я посоветовал им эвакуироваться подальше, в тыл, коль скоро они уже тронулись с насиженных мест.

В помещении школы Нейштадт организовал медпункт. Наш медсанбат остался в поселке Пролетарий.

Поскольку штаты танковых дивизий не предусматривали в ту пору медико-санитарных батальонов, командующий Новгородской оперативной группой войск, воспользовавшись тогдашней организационной чехардой, отобрал у нас медсанбат. Единственный оставшийся в дивизии врач — начальник санчасти Нейштадт — тщетно обивал пороги в штабе фронта, доказывая, что если мы ведем бой «по-пехотному», то и структура дивизии должна быть такой же, как и у всякого другого стрелкового соединения... Он уговаривал, умолял, но... ничего добиться не смог...

Надя и санитары обходили дома и объясняли колхозникам создавшееся положение. И надо было видеть, как единодушно откликнулось на их призыв население. Домотканые холсты пошли на сенники, простыни, полотенца. Полы, потолки и стены были выскоблены и вымыты, изготовлено свыше сотни самодельных носилок, телеги приспособлены для доставки раненых в тыл. Женщины накипятили воды и в прилегающих к школе избах поставили десяток наполненных ею бочек. В учительской была организована перевязочная.

Под руководством Нейштадта, Павловой, Маври и Глаголевой деревенские девушки получили первые практические уроки оказания помощи раненым. Местные комсомолки (их было здесь пять — шесть и одна коммунистка) энергично включились в работу. Они написали и вывесили на дверях школы плакат-призыв: «Все на помощь раненым!»

Надя зашла в штабную избу и стала уговаривать горожанок принять участие в общем деле.

— Я не могу видеть кровь! — заявила одна из «актрис».

— Я тоже, — поддержала ее другая.

— Тогда приглядите за моим ребенком! — сказала третья беженка. — Это, я надеюсь, вы сможете сделать?

И она ушла с Надей.

Однако не прошло и получаса, как в избу вбежала запыхавшаяся женщина лет тридцати — член правления колхоза. Она сразу же взяла «актрис» в оборот:

— Вот что, милые! Вы что? Очумели, что ли? Хотите жрать — марш на работу! Как нашим мужьям, так про-

ливать свою кровь можно, а вам, выходит, видеть ее боязно? А ну, марш! Ступайте воду из колодца таскать, бессовестные!

* * *

*

Еще днем мы обратили внимание на значительную группу вражеских велосипедистов-автоматчиков, занявших оставленную нами рощу. Туда же проследовали и три танка. Опьяненные победами, гитлеровцы не скрывали расположения своих частей и их передвижения. Им казалось, что Красная Армия окончательно дезорганизована, и они были совершенно убеждены, что новоприбывшие части будут ими с ходу разбиты.

Бойцы Котова, используя складки местности, скрытно просочились ночью в тыл противнику и словно снег на голову обрушились на него.

Завязался рукопашный бой. Гитлеровцы были разгромлены, причем двоих захватили в плен. Оба были ранены в ноги и бежать не смогли. Допрашивали их я и Лиза...

На охапке соломы лежал молодой немецкий ефрейтор. Когда-то он был комсомольцем, а по приходе Гитлера к власти в 1933 году перешел в Югендбунд. В союзе гитлеровской молодежи его обучили жестокости и грабежу. Это был сын разорившегося мелкого торговца, недовольный режимом, при котором торговое предприятие его отца потерпело крах. Ему было совершенно безразлично, какими путями «выбиться в люди». Сначала ему казалось, что легко всплыть на гребне революционной волны, и он пошел к коммунистам, но на этом разбогатеть не удалось. Когда же у государственного руля Третьей империи оказались нацисты, они решили своим сторонникам грабить евреев и всех недовольных новой властью. Нацисты сулили богатства и земли «свободных» восточных пространств всем, в чьих жилах текла «арийская» кровь, и тот, кто был не особенно разборчив в средствах, шел за ними. После первых побед «наци» надежда сменилась уверенностью.

— Гитлер безусловно победит. Мы заняли Бельгию, Францию, Польшу. Мы захватим Россию до самого Урала, через Кавказ и Персию пройдем в Индию, — говорил на допросе этот молодой хищник; он был убежден в непобедимости гитлеровских войск и даже сейчас, распростертый на грязном полу, с русской пулей в бедре,

продолжал мечтать о захватах и триумфальном шествии по всему миру.

— Ну а что думаешь ты теперь? — спросил я его.

— Думаю, что я плохой солдат, так как попал в плен. Теперь мне земли не дадут, а моим родителям будут неприятности.

— Ты был комсомольцем, значит, знаешь, чего хотят коммунисты...

— Для немцев это не подходит, — прервал он меня.

— Но ведь Тельман — немец?

— Беспочвенный гуманист или русский агент.

В этой голове все ответы были заранее разложены по полочкам.

Вошла Павлова.

— Сменить повязку?.. — спросил я ее.

— Не имеет смысла. Газовая гангрена...

Немец, очевидно, понял значение последних слов и начал визжать от ужаса. «Спасите меня! Спасите меня!» — умолял раненый и тянулся к Надиной руке.

Надя подошла ко мне и тихо сказала, просительно глядя на меня:

— Товарищ полковой комиссар! Вы сами много раз говорили, что Советская Армия — особая армия, что коммунисты — это гуманисты двадцатого века... Он, конечно, подлец, но мы не можем не попытаться помочь умирающему человеку.

Ее голос дрожал. Гитлеровец плакал, и сопли, смешиваясь со слезами, текли по его лицу.

Не дожидаясь моего разрешения, Надя распечатала индивидуальный пакет. Я приступил к опросу второго пленного.

Хорошо работала Белокопытова. Она обладала каким-то особым даром убеждения и, не прибегая ни к каким угрозам или запугиваниям, умела добиться от пленных ответа на любой задаваемый ею вопрос.

Позже я узнал, что в штабе армии оба пленных оказались еще более разговорчивыми и дали очень ценные показания.

ВЫХОДИМ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

Противник вводил в бой все новые и новые части и отдельные подразделения. Уже в дело ввязались две полноценные дивизии и много артиллерии. На «нейтраль-

ной» полосе горели подбитые нами немецкие боевые машины и громоздились груды вражеских трупов. Несмотря на упорное сопротивление советских войск, противник все глубже и глубже охватывал наши фланги и в конце концов просочился к нам в тыл. Нужно было отходить.

Вечером, оставив арьергардное прикрытие в Гибно, мы отвели свои части в большую, заросшую орешником ложину, которая тянулась вдоль берегов мелководной речушки от деревни в глубь леса.

У околицы стоял льноволосый паренек лет двенадцати, босой, с непокрытой головой, весь залитый лунным светом. Мрачный, он глядел исподлобья на подразделения, проходившие мимо него. Я попробовал приласкать мальчика, но тот оттолкнул мою руку.

— Опять отступаете?! — с дрожью в голосе выкрикнул он и заплакал.

Как сквозь сон до меня донеслись слова остановившегося рядом со мной Третьякова:

— Послушай, сынок, смерть не шутка! Отдать жизнь легче всего... только... с толком помирать надо, так, чтобы польза от смерти была, а мы... вернемся... Жди и верь — вернемся!..

Мы были взволнованы. Детский крик огнем жег наши сердца.

Я созвал командиров на последний совет, чтобы обсудить с ними положение.

Корнилов, Хантемиров, Третьяков, Котов, командиры полков и отдельных подразделений собрались быстро. Корнилов доложил обстановку, но не сделал никаких выводов. В его выступлении чувствовалась некоторая растерянность. Третьяков предложил разбить дивизию на небольшие партизанские группы и идти разрушать тылы противника. Хантемиров считал правильным малыми группами с оружием в руках пробиваться к своим.

— Мы — регулярное соединение Красной Армии, — сказал я собравшимся. — Мы имеем конкретное и точное боевое задание армейского командования. Его и должны выполнять, а не фантазировать. Отсюда вывод: пробиваемся через вражеские войска как единое организованное целое и идем на соединение с другими частями армии генерала Берзарина. Всяким дискуссиям конец. Понимайте это как приказ. Выполнять его следует безоговорочно и немедленно! Малейшее отклонение будет

расцениваться как измена со всеми вытекающими отсюда последствиями... Котов с разведбатальоном выступает первым. Корнилову возглавить тыловую походную заставу, договориться о ее составе с начальником штаба. Мы с Хантемировым находимся в голове колонны. Полкам обеспечить марш боковыми заставами и дозорами. Нас мало, и потому идти без расчленения на полковые колонны. Раненых нести в середине колонны. Все подразделения двигаются в порядке, который сообщит вам сейчас Хантемиров. При переходе через линию фронта соблюдать абсолютную тишину. Предупредить всех солдат, чтобы не курили на марше. В случае встречи с противником немедленно переходить на штыковой удар. Огонь открывать только по приказу старшего командира.

Я отпустил командиров, и вскоре колонна тронулась в путь в направлении села Филиппова Гора. Протекавшая там речка, судя по карте, представляла собой довольно серьезное естественное препятствие. Были основания предполагать, что на этом рубеже Берзарин даст гитлеровцам отпор.

У нас не было ни одной грузовой машины, и это облегло путь. Еще по прибытии в Пески все грузовики были отправлены в тыл, и теперь мы рассчитывали заставить их у Берзарина в целости и сохранности. С каждым шагом лес становился гуще.

Ночь дышала своими бесчисленными запахами, шумела таинственными шепотами, шорохами, скрипами. Тысячи и тысячи невидимых жизней прятались в отяжелевшей листве и разросшихся корнях деревьев. Лес жил. Сказочными огоньками, драгоценными камнями горели в придорожной траве и на ветках кустарника светлячки, фосфоресцировали во мху гнилушки. Свет луны с трудом пробивался сквозь мохнатые лапы деревьев.

С трудом тащили мы на руках две уцелевшие легкие пушки; сохранить их решили во что бы то ни стало. С каждой ротой шли проводники — местные жители. Мы часто сверяли путь по карте и компасу. Проводники ни разу не сбились с пути, и было удивительно, как без всяких приборов, в кромешной тьме эти люди безошибочно определяли направление, по которому мы должны были двигаться. Иногда колонна оказывалась в такой близости к шоссе, что слышен был шум потока танков, брони-

транспортеров и грузовых машин, с грохотом и лязгом мчавшихся параллельно нашему пути. Доносилась порой и чужеземная речь. Тогда мы снова углублялись в лес. Привалы были редки и коротки. Все понимали, что наша судьба зависит от быстроты продвижения, и все же мы не делали более двух километров в час. Нас связывали по рукам и ногам пушки и раненые, которых мы несли с собой.

Взошедшее солнце открыло нас «раме». Летчик покружил над колонной и улетел. Как всегда, через полчаса появились «мессершмитты» и «юнкерсы». Фашистские летчики с бреющего полета поливали нас свинцом из пулеметов, стреляли из пушек, бомбили, но мы продолжали идти к намеченной цели.

Еще с вечера в каждой роте было выделено по взводу для отражения атак с воздуха. Бойцы открыли частый, хоть и беспорядочный огонь.

Павлова, Белова, Глаголева, Белокопытова, Мавря шли при подразделениях. На большом привале предали земле убитых при налете авиации и умерших в пути. Наде было поручено сопровождать раненых.

Все более и более восторгался я этой молоденькой златокудрой девушкой. Она была неутомима. В темноте отыскивала тяжело больных, для каждого находила слово ободрения, поправляла повязки, давала воду из фляжки, следила за сменой носильщиков.

— Вы не устали? — спросила она меня, подходя. — Съешьте кусок шоколада!

— Спасибо! Я не устал и не ранен...

— Вы же — старенький, простите меня, товарищ комиссар. Ну, хоть полплиточки!

Я сделал вид, что рассердился. Она говорила это от чистого сердца, и я действительно очень устал, но вокруг шли бойцы, и они могли услышать наш разговор. А ведь они не должны были даже предполагать, что их комиссар устал!

— Отстаньте! Я не кисейная барышня... И вообще — идите с ранеными!

Километрах в сорока от Гибно путь пересекала лесная рокада. Как и следовало ожидать, здесь нас подстерегали немцы. С ходу наш авангард перешел в атаку и, преодолев наспех возведенные врагом укрепления, уничтожил оборонявшегося противника. Мы захва-

тили полтора десятка вражеских пулеметов и значительное количество патронов.

Успех окрылил нас, поднял дух у бойцов, укрепил у командиров веру в себя.

Часам к четырем дня люди окончательно измотались, и тогда в непроходимой чащобе леса, скрытые светонепроницаемыми кронами вековых деревьев, мы устроили большой дневной привал.

Ни Корнилов, ни Хантемиров, ни Третьяков, ни Котов, ни командиры полков и батальонов — никто и на этот раз ни на минуту не сомкнул глаз. Мы обходили посты и проверяли бдительность охранения. То и дело прибывали отставшие. Они отыскивали свои подразделения. Их журили, ругали, но снова пускали в строй. В глухом бору, в темноте, которая нас окружала, немудрено было затеряться человеку, не привыкшему к скитаниям по звериным тропам. И радостные от сознания, что преодолели, казалось, непреодолимое, мы охотно прощали другим их проступки.

Когда люди отдохнули и подкрепили свои силы едой, колонну повел Корнилов. Мои ноги распухли от длительной ходьбы. Но, опираясь на свою неизменную спутницу — палку, я шагал и шагал...

Когда сделали малый привал, я мгновенно заснул. Разбудил меня Котов.

— Пора!

Ночью мы вышли к небольшому селению, расположенному на господствующей высоте. Гитлеровцы установили там артиллерию. Они снесли внутренние перегородки в отобранных под огневые позиции домах, сломали задние стены, вкатили орудия и прорубили амбразуры в направлении оборонительного рубежа, воздвигнутого Берзариным. Это маскировало вражеские орудия от нашей авиации и наземных войск.

Наши части атаковали противника внезапно. Перебили прислугу и захватили орудия вражеского артдивизиона. Однако мы не могли взять с собой захваченные гаубицы, так как лесная чаща была для них совершенно непроходима, шоссе же находилось в руках гитлеровцев. Пришлось все взорвать. Склады боеприпасов мы подожгли. Продовольствие роздали жителям.

Здесь снова отличился герой обороны новгородского кремля Иван Иванович Котов. Его бойцы первыми во-

рвались в селение, и первым из первых был он сам. Разведчики сразу же овладели огневыми позициями вражеской артиллерии; атаковавшие противника с флангов подразделения 55-го полка довершили дело.

Пока части строились в походную колонну, я беседовал с окружившими меня крестьянами — объяснял им необходимость и временный характер нашего отхода. Старики слушали молча, женщины начали причитать. С большим трудом удалось их успокоить.

Вдруг я обратил внимание на какую-то возню людей у груды трупов гитлеровских солдат, к тому времени снесенных сюда колхозниками из разных концов деревни. Оказалось, что это котовские «ребята» устанавливают там приколоченную к двум шестам своеобразную «мемориальную доску». Доска была явно кухонного происхождения — на таких хозяйки разделяют тесто, — но теперь на ней красовалась тщательно выведенная углем надпись:

«Здесь побывал русский Иван* и навел свой порядок». Слово «свой» было подчеркнуто дважды.

— Жаль вот, ихнего языка не знаю — не поймут чертовы фашисты! — сокрушался бравый комбат.

Я взял из его рук уголек и к великому удовольствию бойцов, их командира и присутствовавших при этом колхозников повторил на доске ту же надпись по-немецки.

Котов даже присел от удовольствия...

— Ну, а теперь в строй!

За недолгие месяцы войны я от всей души полюбил этого замечательного советского воина. Ваня Котов (как нередко называл его Черняховский) был одним из наиболее молодых и талантливых наших командиров. Несмотря на то что в бою он зачастую проявлял излишнюю горячность, а порою и дерзость, граничащую с ухарством (за это капитану не раз попадало и от его бывшего командира Герко, и от Ивана Даниловича, и от меня), самые ответственные задания, требовавшие

* Немецко-фашистские оккупанты всех русских презрительно называли «Иванами». Четыре года спустя котовскую надпись повторно воспроизвел на разбитой колонне германского рейхстага дошедший до Берлина бывший боец разведывательного батальона 28-й отдельной танковой дивизии Дмитрий Коврига.

исключительной смелости, решительности и находчивости, чаще всего поручались именно ему. Это был лихой танкист и беззаветно преданный Родине человек...

Построение походной колонны закончилось.

В это время крестьяне привели ко мне завезенного к ним немцами старосту — бывшего уголовника.

— Как быть с ним? — спросили они.

— А делайте что хотите!..

Крестьяне помогали вылавливать спрятавшихся гитлеровцев, отыскивая их в погребках, огородах и садах. Особенно досталось какому-то рослому фельдфебелю. Женщины захватили его спящим в кровати и стали колотить чем попало.

Когда мы тронулись дальше, люди кричали:

— Смотрите же, возвращайтесь скорее!

В том, что вернемся, сомнений не было...

Не помню названия речки, что протекает у Филипповой Горы, но тогда, обнаружив по карте ее приток близ освобожденной нами деревушки, мы отыскали его и пошли вдоль правого берега. Разъяснили бойцам, что, идя по притоку, обязательно выйдем к своим.

Часов в двенадцать дня нас отыскал армейский самолет. Летчик сделал несколько кругов над колонной, чтобы выяснить, кто мы. У нас не было заранее условленных сигналов для ориентировки своей авиации, но бойцы, снимав нижние рубахи, стали размахивать ими в воздухе. Пилот понял и сбросил вымпел. Я прочел приказ пробиваться к Филипповой Горе.

На шестой день похода, когда мы находились не далее трех километров от намеченного пункта, нам преградил путь неприятельский полк. Он имел приказ своего командования замкнуть кольцо окружения дивизии.

Мы сломили, опрокинули, буквально раздавили противника и взяли пленных, пулеметы и пушки. Орудия подорвали и бросили, а пулеметы захватили с собой.

У самой Филипповой Горы мост через реку оказался взорванным, но немного ниже, как мы выяснили по карте, был брод.

Через час колонна вступала в село. Здесь я получил распоряжение начальника штаба армии генерала Янушевского следовать в Корзово.

Узнав, что дивизия вышла в полном боевом порядке, Берзарин приказал нам занять оборону на рубеже Селигер — Полонец.

ТРУБКА КОМАНДИРА

Мы с Корниловым созвали совещание командиров, и Хантемиров разъяснил собравшимся стоявшую перед каждым задачу.

После шестидневного тяжелого перехода по глухим лесным дорогам и труднопроходимым звериным тропам в сбитых сапогах на стертых до крови ногах предстояло идти еще десятки километров к Селигеру. Но молодость не знает усталости. Веселые, словно вновь ожившие, бойцы шутили и смеялись. Здесь можно было не бояться, что противник услышит нас и неожиданно ударит во фланг. Здесь не надо было опасаться встречи с танками и пехотой врага, здесь невозможно было неожиданно «напороться» на заминированные вражескими саперами поля. Мы шли по родной, свободной русской земле.

Рубеж обороны в районе озер был заранее подготовлен. Впервые нам пришлось защищать так прекрасно оборудованную линию укреплений. Хорошо отрытые окопы шли вдоль всего берега Селигера, Полонца и примыкавших к ним озер.

Узкие межозерные дефиле были перехвачены глубокими и широкими противотанковыми рвами. Огневые точки были тщательно замаскированы, секторы обстрела расчищены. Из амбразур и бойниц дотов и дзотов хорошо просматривалась местность и обеспечивался полный контроль подходов артиллерийским и пулеметным огнем. Удачно размещенные наблюдательные пункты были тщательно замаскированы и защищены тройными настилами из бревен.

Нам пришлось занять полосу обороны шириною свыше десяти километров.

Возвратился из госпиталя Черняховский. Он был еще очень слаб физически, но по-прежнему тверд в своей уверенности в победе. С неутомимой энергией он стал укреплять и активизировать оборону. Частыми ударами по вражеским позициям Иван Данилович рассчитывал помочь попавшим в окружение частям и подразделениям соседних дивизий. Поэтому до самого последнего мо-

мента оставлял незаминированными проходы и не взрывал мосты на подступах к рубежу. Только когда гитлеровцы подошли вплотную, мы заперли оборону «на замок» и взорвали переправы.

Разрозненные части и подразделения советских войск пробивались через кольцо вражеского окружения и пополняли наши сильно поредевшие в боях ряды.

Несколько дней спустя после занятия дивизией обороны вышел с боями из окружения и стрелковый полк дивизии, занявший оборону справа от нас. Полком командовал Григорий Денисович Мушанов.

Мы с Черняховским отправились знакомиться с прибывшими. У противотанкового рва их встречал начальник штаба нашей дивизии; рядом с ним стоял незнакомый полковник. По тому, как проходили бойцы, видно было, что дисциплина в части была высокая. Когда мы приблизились к проходу, пронесли на носилках раненых. И для каждого у командира находилось ласковое слово. Хантемиров заметил нас и что-то прокричал полковнику на ухо. Тогда тот четким шагом старого солдата поспешил нам навстречу.

Немного словно отрапортовал он о прибытии и просил выделить для его полка участок обороны.

Так Григорий Денисович Мушанов и бойцы его части слили свою судьбу с нашей.

Это был опытный и испытанный воин. Недаром гитлеровское командование, бросившее на захват его полка целую пехотную дивизию, предупреждало своих офицеров, что их противник — «альтер кэмпфер» (старый вояка) и что от него следует ждать различных сюрпризов. Мы узнали, что вся сознательная жизнь Мушанова прошла в строю. Немало горя хлебнул он еще в первую мировую войну, будучи солдатом царской армии. Побывал он тогда и на германском, и на австрийском, и на румынском фронтах. Дрался под Осовцом, Варшавой и Лодзью, чуть не погиб в Мазурских болотах, позже на юго-западе форсировал Прут и Серет, штурмовал Перемышль, дошел до Карпат и первым ворвался в Мармарош-Сигет. Там и получил четвертого «георгия». Из всей казачьей сотни самым лихим казаком слыл, хотя был он иногородним и в казачьи части попал в результате искин госпитального писаря. За лихость и храбрость

произвели Мушанова в вахмистры и направили в «ди-кую» дивизию, которой командовал брат царя Михаил. Дивизия в это время стояла в городе Хотине — пополнялась. Было в ней много кавказцев, но немало и русских.

Однако не пришлось Григорию Денисовичу воевать под началом великого князя. Кто-то донес, и Мушанова «за крамольные разговоры» сдали в штрафную роту. Крепко били тогда разжалованного вахмистра полевые жандармы. Не спасли от побоев ни прошлые боевые заслуги, ни четыре георгиевских креста. С той поры лицо Григория Денисовича и приобрело необычно суровое, почти угрюмое выражение, и только когда полковник, не выпуская из угла рта вечной спутницы — трубки, широко улыбался, сходила эта суровость. Лицо становилось добрым-предобрым, а глаза какими-то особо ласковыми. И тогда сразу было видно, что перед вами большой души человек.

В гражданскую войну сражался Мушанов сначала в Таманской армии, а после в Первой Конной — командовал эскадроном. Свои роскошные усы полковник крепко подкручивал кверху, и это еще больше подчеркивало мужественность его лица. Высокий, стройный, почти атлетического телосложения, с чуть посеребренными седью висками и несколько удлиненным подбородком, он производил впечатление исключительно волевого человека. Так оно и было на деле...

Мушанову удалось сохранить почти всю полковую и приданную технику. У нас он встретил самый радушный прием.

Черняховский поставил полк в район Городилово. Это было «жаркое» место. Гитлеровцы настойчиво пытались прорваться через озерное дефиле. Григорий Денисович посасывал свою трубку и руководил боем. Когда противнику удавалось преодолеть огневую завесу и минные заграждения, Мушанов вынимал трубку изо рта и, засунув ее в нагрудный карман гимнастерки, лично вел своих орлов в контратаку.

Некоторое время селение было разделено примерно на две равные половины. То мы потесним противника, то он нас. Вообще же это была малоудобная позиция. Расположен населенный пункт в низине межозерного дефиле, и, не будь он ключом к восточному берегу, дер-

жаться за него не стоило бы — только людей терять... А тут Городилово сделалось основным узлом всех боев на фронте нашей дивизии. И вот как-то в суматохе одного из них потерял Григорий Денисович свою трубку. Сначала думал — из кармана выронил, потом вспомнил — оставил ее на табурете, что стоял у изголовья, когда спал на койке в крестьянской избе. Немцы ударили неожиданно, и прямо со сна пришлось отбивать атаки. Про трубку забыл. Что тут поделаешь? А изба — то ли во вражьих руках, то ли нейтральная; хрен редьки не слаще. И хоть трубка ничем не отличалась от сотен и тысяч таких же, загрустил полковник. Только заядлый курильщик поймет, что такое хорошо обкуренная трубка. Командир полка не расставался со своей любимицей ни днем ни ночью, зачастую даже во сне не выпускал ее из зубов — попыхтит-попыхтит и снова задремлет. И так все привыкли к тому, что их командир неразлучен со своей трубкой, что и не представляли его без нее. Солдаты о ее происхождении даже целую легенду сложили. Мол, трубка эта не простая, а заветная, самим Буденным за особые подвиги Мушанову даренная. А и Семену Михайловичу досталась она тоже нелегко. В лютой сече с польским генералом овладел он под Варшавой ею, саблей турецкой из дамаской стали да старинным кинжалом с драгоценными камнями на рукоятке. Саблю отослал Семен Михайлович в Москву — товарищу Ленину, кинжал преподнес всероссийскому старосте, а трубку подарил лучшему и любимейшему из своих командиров. И хотя все это было сплошным солдатским домыслом и ни одна трубка в мире не смогла бы служить двадцать лет, бойцы твердо верили, что это было именно так, и с гордостью поглядывали на своего командира и его красиво изогнутую трубку.

И вот случилась проруха: затерялась подружка...

В тот день я был в полку — проводил беседы с бойцами. Немного подивился глубине «горя» полковника.

Тот уже перешел на солдатское курево и крутил одну за другой «козьи ножки». Сопровождавший меня ординарец Якушкин протянул Мушанову свою «люльку», туго набитую табаком. Тот взял ее, потянул разок-другой, поперхнулся дымом, сплюнул и вернул владельцу — не тот вкус. А табак был отборный, сухумский, присланный на фронт с другими подарками.

Я переходил из избы в избу, из блиндажа в блиндаж и прямо диву давался — только и разговоров было, что об этой диковинной трубке. Казалось, весь полк переживал «несчастье» своего командира. Представьте же мое изумление, когда, встав поутру (я ночевал у Мушанова), я увидел злополучную трубку в зубах полковника, счастливое лицо которого буквально утопало в облаках ароматного табачного дыма. Оказывается, разведчики, ходившие в ночной поиск, вернули Григорию Денисовичу его «сокровище».

— Ну, а если бы тебя из-за этой чертовой трубки убило? — допрашивал Мушанов отделенного.

— Не должно было, чтоб убить — та ж изба нейтральная.

— А если б в этой «нейтральной» гитлеровец сидел?

— Еще бы одного языка привели — за тем и ходили. Только и вам без трубки никак невозможно. Трубка-то какая! Мы ведь это тоже понимаем... И солдату спокойнее. Посмотришь — трубка на месте. От кого трубка? Ясно — не всякому Буденный трубки дарить будет. А тут полон полк людей — и не уберегли. Кто в ответе? Через то и в поиск просились... Теперь все в порядке, товарищ полковник, не извольте беспокоиться!

— Ну и фантазеры! А если бы из-за трубки человек пропал?

— Так не пропал же, товарищ полковник. Весь я тут... А только у нас в разведзвезде решение было — где ни на есть, а трубку эту для вас достать...

— Ну спасибо, други! Не за трубку, а за любовь вашу спасибо! А трубка, хоть и попривык я к ней, не стоит того, чтоб из-за нее жизнью рисковать. — И он крепко пожал солдату руку.

Я отправился в блиндаж к разведчикам. Рядом со мной шагал Якушкин и давешний отделенный...

— Душевный человек. Строг-то строг, а для солдата ничего не пожалеет. За то и любим его. Правильный человек. С ним в бою не пропадешь!

В ДНИ ЗАТИШЬЯ

Штаб дивизии разместили в деревушке на берегу озера. Для него выбрали избу, скрытую в гуще леса, со всех сторон обступившего деревню.

Напротив широко раскинулось занятое гитлеровцами село Повно-Селигер. В бинокль можно было разглядеть слонявшихся по улицам гитлеровских солдат и офицеров, очевидно предполагавших прочно обосноваться на берегах Селигера. С шумом, криком и руганью они тащили со дворов поросят и кур, выводили коров, крестьянских лошадей... Видно было, как саперы разбирали избы на бревна и строили блиндажи.

К исходу дня гитлеровцы организовали в Повно-Селигере великий кутеж. Они устали пиршественными столами луговую площадку, террасой спускавшуюся от села к озеру. Смех, визг, вой и пьяные песни доносились до нашего берега. Столы гнулись от закусок, самогона и вин. Нажравшись, гитлеровцы пустились в пляс...

Черняховский решил накрыть эту пьяную компанию залпом «катюши». Как раз накануне «катюши» прибыли к нам. Мины попали в самый центр веселящихся.

Двое суток вывозили отсюда гитлеровцы убитых и раненых...

Так закончился праздник «тевтонской» победы на русской земле.

Вскоре штаб дивизии передислоцировался в лес, в самую глубь чащи. Изъязвленные оврагами скаты холмов, ошетилившиеся деревьями и зеленым кустарником, здесь как бы раздвинулись и образовали небольшую, но довольно широкую долинку, сплошь покрытую густыми зарослями орешника, калины, облепихи, сирени и неизвестных мне кустов, напоминавших жимолость.

Штаб дивизии разместился в избе, перенесенной по бревнышку из ближайшей наполовину оставленной населением деревни. Впрочем, это сооружение скорее напоминало теперь блиндаж, чем избу. В нескольких десятках метров от штаба в такой же вкопанной в землю избе разместился организованный доктором Нейштадтом «перевязочный пункт», временно заменивший нам медсанбат.

Середина нашей обороны упиралась в укрепления у деревни Городилово. Этот населенный пункт несколько раз переходил из рук в руки, но прорваться через озерное дефиле, обороняемое полком Мушанова, противнику не удалось ни разу.

Мушанов создал здесь несокрушимую оборону.

* *
*

Наши силы росли. Дивизии был передан полк Мушанова, а вскоре прибыл еще один полк, состоявший ранее в пограничных войсках, два полностью укомплектованных отдельных стрелковых батальона, несколько минометных рот, полковые пушки. Нам дали также два тяжелых артиллерийских дивизиона, дивизион противотанковых пушек и саперный батальон фронтового резерва.

Иван Данилович, как всегда, носился по всему фронту обороны дивизии. Непроходимое он делал неприступным: то усилит на правом фланге проволочные заграждения, то на левом велит углубить противотанковый ров, то соорудит дополнительный дзот в центре, то сменит ротные наблюдательные пункты или прикажет создать запасные, то выведет молодых бойцов в ложину близ штаба и сам начнет обучать их, то, наконец, созовет новоиспеченных командиров батальонов и рот и чуть ли не целую ночь напролет заставлял их изучать тактику и оружие.

Черняховский соорудил еще три промежуточных рубежа обороны. Вся полоса расположения дивизии была так заминирована, что проехать машине или даже пройти пешеходу без провожатого стало совершенно невозможно. Сугубое внимание обратил Иван Данилович на маскировку позиций.

В ближайшем лесу рубили деревья и подвозили к нам, с опушки пересаживали кустарник.

Я приходил к лесорубам, смотрел, как со стуком врубались топоры в белую или светло-оранжевую древесную мякоть, как, стелая и трепеща пышными зелеными кронами, медленно падали лесные гиганты. Их вязали комлями к передкам телег и так со всеми ветвями волокли на конях к переднему краю. Долго-долго еще белели и желтели вдали осиротелые пни, кровотока сладким соком и терпкой смолой...

* *
*

Давно уже не представлялось возможности сводить бойцов в баню. Наступившее относительное затишье позволяло навести санитарный порядок. Для каждого

полка была оборудована отдельная баня. Использовали для этого надворные постройки, брошенные населением.

Хантемиров позаботился и о нас — для управления дивизии также соорудили баньку.

Подойдя к солдатским баням, мы сели с Иваном Даниловичем на сваленное дерево и наблюдали, как подразделение за подразделением проходили «санобработку». Из бани бойцы выходили распарившиеся, раскрасневшиеся, веселые. До нас то и дело доносились шутки, остроты, смех. К нам подошел Мушанов. Это была «его» баня...

— А ну, заглянем-ка внутрь! — поднялся с бревна Иван Данилович и повел нас туда, откуда только что вывалилась на улицу шумливая группа бойцов.

В предбаннике одевались. Солдаты получали от старшины чистое белье и торопливо натягивали его на себя, спеша освободить место для следующих. Григорий Денисович подошел к ближайшему бойцу и взял у него из рук только что полученную рубашу. Это была стандартная солдатская сорочка, только что вернувшаяся из дивизионной прачечной. Некоторое время командир полка рассматривал ее на свет. Рубаша имела грязновато-серый цвет. Брезгливая гримаса появилась на лице Мушанова.

— Извольте полюбоваться! — протянул он рубашу Черняховскому. Глаза у Ивана Даниловича потемнели.

— Товарищ майор! — обратился он к интенданту. — Вы, кажется, только что отбанились? Надо полагать, и бельешко сменили?

— Так точно, товарищ полковник! — робея и чуя грозу, отвечал интендант.

— Ну вот и отлично! А ну-ка покажите нам его! Не стесняйтесь! Расстегните гимнастерку! Прекрасное белье! А что вы скажете об этой рубаше? — И комдив протянул к самому носу интенданта солдатскую сорочку.

— Что ж, миткаль, как положено рядовому составу, товарищ полковник...

— Ну, а грязь неотмытая, это тоже положено?

— Приму меры, товарищ полковник!

— Посмели бы не принять!.. И чтобы больше я этого безобразия не видел! Понятно? Мыла вам дается достаточно. Воды, что ли, не хватает? Солдат Родину защищает, жизни за нее не жалеет. Забота о нем — ваша

святая обязанность, а вы что?.. Стыдно, товарищ майор! Мне за вас перед бойцами стыдно. А вам, Григорий Денисович, за урок спасибо! Все! Можёте идти, майор!

Мылись мы долго. Иван Данилович залез на самую верхотуру и только покрикивал сверху Якушкину:

— А ну, поддай пару!

Василий Иванович «поддавал» и лез на полку к Ивану Даниловичу. Я задыхался и ежеминутно выбегал в предбанник, чтобы набрать в грудь воздуха.

КОМИССАР ПОЛКА

Проходили дни. С утра до ночи обучали солдат, проходили с ними беседы, крепили оборону, проверяли маскировку, навещали раненых. Если случалась немецкая атака, отбивали ее.

Вражеская авиация на некоторое время оставила нас в покое. Гитлеровское командование перебросило часть войск, сражавшихся против нашей дивизии, на другие участки фронта. Положение на переднем крае более или менее стабилизировалось...

Закончив установку минных полей, проволочных заграждений, малозаметных препятствий, завалов, сооружение дополнительных укреплений, совершенствование дотов и дзотов, бойцы приступили к созданию окопного «уютя» и культурных очагов. Они выкопали в земляных стенах ниши для патронов, ручных и противотанковых гранат, котелков и кружек. По моему указанию в каждом батальоне оборудовали просторные «беседки» — красные уголки — со столиками и местами для сиденья вокруг них. Политработники украсили беседки лозунгами, плакатами, портретами. В этих легких, но очень уютных помещениях собирались во время своего кратковременного отдыха красноармейцы; здесь они читали газеты, слушали сообщения, доклады и лекции представителей агитационно-пропагандистского аппарата — полка, дивизии, армии, а иногда и фронта. Нередко выступали там и мы с Иваном Даниловичем. Тут же к услугам бойцов было и все необходимое — бумага, карандаши и стоял огромный почтовый ящик. И солдат посылал домой весточку о себе и своем житье-бытье, писал матери, жене, сестре, любимой девушке, детям,

донору, чья кровь спасла его жизнь в госпитале, товарищам по работе в «гражданке».

Семьи многих красноармейцев из полка Мушанова остались на территории Украины и Белоруссии — в Киевской, Подольской, Могилевской, Витебской и Смоленской областях, где свирепствовал враг, и это внушало бойцам тревогу и беспокойство о близких людях. Требовалось много искусства, страстности, искренности и веры в советского человека, чтобы суметь направить их мысли по нужному руслу. И комиссар полка Иван Иванович Козлов мастерски справлялся с этой сложной задачей. Это был характерный тип современного рабочего-интеллигента. До своего поступления в Военно-политическую академию Козлов некоторое время был секретарем парткома одного из крупных московских приборостроительных заводов, где прошел путь от ученика до цехового мастера. На фронт в первые же дни войны он пошел добровольцем со второго курса академии.

К сентябрю в этом полку было уже свыше 1400 бойцов, а партийно-комсомольская прослойка составляла около 53%, то есть больше, чем даже в наших основных танковых полках...

Прошло около двух недель с тех пор, как дивизия заняла жесткую оборону, и вдруг мы получили подарок от Бауманского районного комитета партии города Москвы. Это был ответ секретаря райкома Алексея Чистякова на переданную с оказией мою просьбу прислать нам кое-какую литературу для батальонных «красных уголков».

Я обратился в Бауманский райком потому, что до ухода на фронт состоял там на партийном учете. И вот ответ не замедлил прийти — прибыли три грузовых машины с книгами, брошюрами, листовками, агитплакатами, писчей бумагой, тетрадами, карандашами. Товарищи из Бауманского райкома предусмотрели все и, что особенно было ценно, укомплектовали походные библиотечки для каждого батальона. Участие в составлении подарка нашей дивизии приняли почти все заводы Бауманского района, хотя большинство их и имело собственные подшефные воинские соединения.

Политработа сразу же резко пошла на подъем...

Как-то во время одного из моих очередных посещений Мушанова и Козлова (они жили вместе в одной

избе в Городилове) я отправился с Иваном Ивановичем в третий батальон.

По дороге заглянули в хозяйственный взвод второго батальона. Военком полка обратил мое внимание на то, с какой любовью была оборудована там кухня. Чувствовался большевистский огонек в той исключительной заботе о бойце, которую проявил в этом деле командир взвода Захаров. До войны он был инструктором одного из районных комитетов партии в центральной полосе России. Физический недостаток юноши — хромота — не позволил ему сражаться с оружием в руках, и он нашел не менее достойную форму служения Родине в непосредственной близости от «линии огня».

Командир хозяйственного взвода построил отдельные помещения для походных кухонь, для разделки продуктов, прочистил ближайший колодец и поставил у него охрану. Между прочим, из этого же колодца брали потом воду не только для всего полка, но и для штаба дивизии. Как выяснилось, большую помощь Захарову оказал Козлов.

Были отстроены специальные «беседки» — столовые для командного состава, установлен строгий контроль за качеством пищи. Повара подбирались из бойцов, занимавшихся этой профессией еще до войны.

Пища здесь готовилась вкусная, однако не очень сытная и, конечно, далеко не обильная, хотя Захаров и сумел наладить взаимоотношения с местным населением так, что ни один из его собратьев по профессии не мог превзойти этого бывшего партработника в достижениях по части «приварка».

Несколькими днями позже на совещании командиров и комиссаров полков Черняховский специально остановился на работе коммуниста Захарова. Ставя его в пример всем хозяйственникам дивизии, Иван Данилович приказал дивинтенданту организовать экскурсию работников снабжения всех наших частей во второй батальон мушановского полка для ознакомления с постановкой там бытового обслуживания бойцов и командиров.

Распрощавшись с командиром взвода, мы направились в «красный уголок» третьего батальона, стоявшего во втором эшелоне. Там увидели прибитую к стволу дерева доску снайперского соревнования. Боец Чекаев

уничтожил 31 гитлеровца, сержант Сазонов — 27, комсомолец Карасик — 26, боец Ишанов — 25, в том числе двух офицеров.

В «уголке» застали комиссара батальона Манаева. Он вел с бойцами беседу о том, почему нельзя оставлять на поле боя убитых товарищей, о взаимовыручке в бою.

Когда бойцы разошлись, мы втроем присели за один из столов и попросили Манаева рассказать о состоянии политработы в его батальоне.

В это время в «красный уголок» вошел, точнее, ворвался снайпер Ишанов.

— Товарищ полковой комиссар, — обратился он ко мне, — дозвожь со своим комиссаром говорить, большой, очень большой нужда есть.

Оказалось, Ишанов получил из дому письмо, в котором сестренка-школьница сообщала о важном семейном событии: у него, Ишанова, родился сын.

— Понимаешь, — продолжал он. — Такой крепкий мальчик — десять фунтов. Я, как выписался из госпиталя в Ашхабаде, две недели отпуск получал. Домой ехал. Жена у меня — знатный хлопковод, лучший хлопковод в районе, портрет большой в газете печатали, на съезд в Москву посылали, сам Калинин хвалил, орден большой давал. Теперь сын будет. Меня убьют — сын останется. Понимаешь? Дочка тоже хорошо, сын лучше. Когда дома был, говорю Зайнаб: «Сына роди мне, чтоб джигит был, агроном или инженер был». А она: «Лучше доктор будет». — «Зачем, — говорю, — доктор? Лучше инженер... Потом девочка будет — мы ее на доктора учить будем». Знаешь, комиссар, мне петь хочется, кричать хочется, смеяться хочется... Большой мальчик, на меня, пишет, похож. Жена еще сама писать не может, сестра пишет. Вот!..

Козлов развернул лист бумаги, вырванный из ученической тетради.

Детским, неровным почерком девочка писала брату:

«У нас большое счастье — мальчик родился. Поздравляю! Правление колхоза очень просит привет тебе передать, чтоб не беспокоился — о сыне большая забота будет. Сегодня председатель был — подарки Зайнаб принес. «Колхозу, — говорит, — нового члена родила — от народа спасибо! Плов варить будем, вином угощать будем... Хозяин приедет — как гора радость будет». У нас

хлопка большой урожай. С уборкой без мужчин справимся. Фруктов в саду много. Сушили — тебе пошлем, товарищам твоим пошлем. Почему редко пишешь? Мать беспокоится. Зайнаб волнуется — молоко в груди пропасть может...

Почему давно нет, сколько фашистов убил? Я в школе всем рассказала: брат снайпер; девочки спрашивают: «Сколько?», а я не знаю. Обязательно напиши! А когда от командира пришло в правление письмо, что тебе орден дали, председатель собрания делал — народу читал; отцу, матери, бабушке спасибо сказал, в пояс кланялся, что такого вырастили. Все к Зайнаб подходили, руку жали, тоже поздравляли. Сам секретарь райкома партии был. «Ну, — говорит, — старики, теперь у вас в семье два героя: невестка и сын». Потом в школе все меня поздравляли... А теперь уже два месяца от тебя ничего... Может, убили, думаю, но никому не говорю...»

— Сколько же лет твоей сестренке? — поинтересовался Козлов, пораженный серьезностью тона письма.

— О, она у нас уже совсем взрослая — тринадцать скоро будет, — ответил Ишанов.

— Что же ты, писать разучился? Стыдно, брат. Неплохо получается. Сегодня же напиши... И колхозникам тоже. Они своего бригадира помнят, любят, о семье твоей, видишь, заботятся, а ты о них позабыл. Ну, снайпер, поздравляю с сыном! — И Иван Иванович расцеловал бойца.

— Ждал, товарищ комиссар, пока хоть полсотни гитлеровцев застрелю... А пока всего двадцать пять у меня на счету. К тебе большая просьба — скажи командиру, меня в разведку посылать. Офицера притащу, генерала достану, приказом хвалить будут. Выписку в колхоз пошлю. Пусть знают — Ишанов в честь сына народу подарок делал...

— Это ты правильно придумал! Просьбу поддержу, а написать письмо теперь же надо. И не так уж плохи дела твои: двадцать пять — это немало!.. Эх, Ишанов, Ишанов! Счастливейший ты человек! И жена у тебя хорошая, умная, красавица; руки золотые к тому же. От людей ей почет и от мужа любовь. Сын у тебя теперь. Вырастить его нужно, чтобы толк был, чтоб гордиться им мог — всему колхозу, а может, и всей стране на радость. Как назвал ты его?

— Ибрагим.

— Хорошее имя... Вот кончится война, вернешься домой и будешь растить сына. А как хорошо, когда ребенок начинает говорить или даже просто ручками к тебе тянется! Как думаешь — твой тебя скоро узнавать начнет?

— Обязательно скоро, товарищ комиссар! Матка научит. Я его коммунистом вырашу...

— Вот это, друг, и для меня радость, что так думаешь! Непременно хорошим большевиком воспитаешь сына. Не пойму, как сам-то ты до сих пор не в партии.

— Я, товарищ комиссар, решил, как до сотни счет доведу, записаться... Чтоб товарищи знали — заслужил.

— Неправильно рассуждаешь! Товарищи твои считают, мы все считаем — уже заслужил...

— У меня жена с начала войны в партии.

— Значит, Зайнаб тебя опередила. Видать, и впрямь она у тебя умница!

— Самая умная в кишлаке. Все старики с ней советуются. Сама придумала, как лучше хлопок сразу двумя руками собирать. Со всей Туркмении, Узбекистана учиться приезжают. Большое уважение от людей имеет.

— Вот видишь! А тебе ведь сына воспитывать нужно. Ибрагиму в коммунистическом обществе жить придется. Вырастет — скажет: «Это меня отец таким сделал». Вот окончится, Ишанов, война, и заживем мы в Советской стране на славу. Вырастет твой Ибрагим — спросит: «Кто канал проводил?» — «Отец твой, старый Ишанов, строил», — ответят ему. «Кто этот лес сажал?» — «Отец твой сажал». — «Кто завод строил?» — «Ишанов строил!» О, друг, мы с тобой еще поживем! Будет о чем нашим детям рассказывать. У меня ведь тоже дома карапуз растет — только девочка. На прошлой неделе годок истек. Скоро говорить начнет...

— Ну, нам пора, Ишанов! А ты сейчас же садись колхозникам и жене письма писать, да от меня не забудь Зайнаб с сыном поздравить.

Уже выходя из «беседки», Козлов обернулся:

— И вступление в партию, Ишанов, не откладывай! Наш ты... А рекомендацию я дам, комбат даст, любой, кто знает тебя, даст.

После беседы с бойцами и посещения некоторых землянок мы с Козловым вернулись во второй батальон. Там в «красном уголке» должно было собраться полковое комсомольское бюро.

Заседание бюро проходило шумно. Только что закончилось рассмотрение вопроса об организации концерта самодеятельности. Инициатива исходила от Козлова, но комсомольцы сочли это своим кровным делом и горячо взялись за выявление местных «артистических» сил. Выяснилось, что талантов в полку хоть отбавляй — имелись свои баянисты, певцы, плясуны и даже поэты. Репертуар и состав исполнителей обсуждался долго и тщательно, и, несмотря на то что бюро собралось часа за два до нашего прихода, это был еще единственный вопрос, который оно к этому времени успело разобрать.

Вторым вопросом стоял доклад командира восьмой роты об изучении оружия комсомольцами его подразделения. Заседание затянулось...

И все же, когда уже собирались расходиться, Козлов задержал ребят.

— Есть еще один очень важный вопрос — это о работе комсомольцев с бойцами нерусских национальностей. В нашем полку дерутся за Советскую власть не только русские, но и казахи, узбеки, туркмены, марийцы, мордвины. А как они чувствуют себя? Ведь многие из них очень слабо знают русский язык. Достаточно ли мы уделяем им внимания, чтобы в нашей полковой семье они чувствовали себя, как дома? Интересуемся ли мы, кто они, чем занимались до войны, чем думают заниматься, когда война кончится? Кто из вас, например, может рассказать об Ишанове — женат он или холост, живы его родители или нет, о чем скорбит или чему радуется он? Почему он до сих пор не в комсомоле? Сын батрака — одного из организаторов колхоза. Сам, так сказать, наследственный колхозник. У нас зарекомендовал себя — лучше нельзя. Снайпер — двадцать пять гитлеровцев на счету имеет, орденосец, жена его тоже награждена орденом. Теперь Ишанову сына родила. Кто поздравил отца? Кто поговорил с ним? Вот перед тем, как к вам зайти, случайно довелось мне разговориться

с ним. Его уже смело в партию принимать можно, а ведь возраст его комсомольский... Комсомольское бюро теперь же должно принять решение, чтобы все комсомольцы немедленно включились в работу с бойцами нерусских национальностей и вели ее не от случая к случаю, а повседневно, ежечасно, в землянке, здесь, всюду. Если мы этого не сделаем, можем многое потерять. Конечно, таких, как Ишанов, враг не собьет с толку, но кой-кому мозги затуманить может...

Я остался ночевать в полку и весь следующий день провел в первом батальоне, размещенном в самом Городилове. Две роты занимали окопы переднего края, и мы побывали в них еще до рассвета. А потом отправились в третью роту, которой командовал казах лейтенант Нещанов. Роту еще накануне вечером сменили на переднем крае, и отдохнувшие за ночь бойцы наводили порядок в занимаемых ими избах.

Когда мы вошли в комнату, где, сидя на лавке и прислонившись к стене, полудремал Нещанов, мы увидели группу сгрудившихся у большого стола бойцов. Они составляли коллективное ответное письмо родному предприятию. Они радостно приветствовали наше появление и сразу же обратились к Козлову за помощью.

— Помочь-то не трудно, но прежде всего нужно знать, на что вы отвечать собираетесь, — сказал Иван Иванович, подсаживаясь к находившимся в затруднении бойцам.

Один из них стал читать письмо вслух:

— «Сегодня на собрании девушки поручили нам написать вам на фронт. Вначале, как уехали вы, было здесь тяжело. Встали на ваши места конторщица Паша, уборщица Лена и сортировщица Катя. Многому ли научишься за три месяца? Однако станки освоили и понемногу заменяем вас. Конечно, до вас далеко, но браку почти не даем, а скоро и совсем его у нас не будет. План уже стали перевыполнять, а к концу года дадим не меньше как двести процентов. Вот мы какие! Впрочем, не бойтесь — без работы не останетесь! Вернетесь — получите новые станки. Директор обещает такие дать, что вся заграница от зависти лопнет. Соревноваться тогда с вами будем. Наш завод вышел на второе место по области. Обидно, что не удалось занять первое, да еще по такой продукции, как наша. Напишите, как вы там

воюете. Смотрите, не посрамите нашего завода. Поскорей добивайте Гитлера и возвращайтесь на завод! Вот радости-то будет! А по Васе-баянисте все девчата прямо-таки глаза выплакали, скучают».

— Вот, пятый раз читают, — подал реплику Нещанов, — а никак не могут ответ составить. Хочется, видите ли, одним выстрелом двух зайцев убить: и фабзавкому ответить, и девчат заинтриговать. Всем коллективом советуются — никак одно к другому не приклеивается. Хорошо выйдет фабзавкому — про девушек не соответствует, девушек зацепят — для фабзавкома ни в какие ворота не лезет. Пробовал уже им помочь — опять не нравится... Может быть, с вашей помощью что-нибудь получится?

— Пособите, товарищ комиссар! Мыслей много, а в письмо не вкладываются... Во-первых, сказать хочется, что как были мы на производстве первыми, так и здесь в хвосте не плетемся — у всех награды имеются... Словом, марку завода держим высоко. Да только опасаемся, чтоб за похвальбу девушки не приняли. Они, вишь, какие у нас пересмешницы! Затем про то, что завод не забываем и любим... и что на наше место смена нашлась — радуемся, а не горюем. А директору спасибо, что о нас помнит, и, если руки останутся, они как раз по тем новым станкам придутся. Девушкам тоже хочется отписать, чтобы ждали — вернемся, как только с фашизмом по-русски расправимся. И в то, что победим, — верим, потому с нами народ весь...

— Да это ж чудесное письмо, ребята! Так и пишите! Только вот добавить бы, что успехи завода вас радуют, и оттого, что там, на родине, перевыполняют план, мы скорее добьемся победы. Это же факт, и об этом сказать нужно. Тогда им радостней работать будет. Вот, мол, наши ребята какие — понимают, что и мы здесь в тылу победу куем. А Васе хорошо бы добавить, что баян его цел и в свободную минуту советских бойцов веселит. Смерти мы не боимся, думаем, что она больше фашистам сродни. И до Берлина мы, мол, как-никак доберемся. Вася же, как вернется, всех девчат утешит — у каждой на свадьбе плясовую сыграет.

Нещанов придвинул кресло поближе к столу.

— А в конце письма добавьте приветы от нас. Буду в Кирове — обязательно зайду к вам на завод, — добавил

командир роты. — Пусть пришлют карточки — невесту выбирать буду...

Через час, когда письмо было написано, Вася достал из футляра баян. Сам себе аккомпанируя, боец вполголоса пел. У него был небольшой, но очень проникновенный голос — лирический тенор. Окопная жизнь и длительное пребывание на открытом воздухе дали себя знать — в голосе звучала легкая хрипотца, но никто этого не замечал...

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе-горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело...

Всем взгрустнулось, — вспомнили родные места. Певец смолк... Вдруг из расположения противника донеслись звуки патефона — играли фокстрот...

* *
*

Глубокой ночью, закончив все дела, мы собирались вместе. Иван Данилович, Хантемиров, Корнилов, Третьяков, два — три штабных работника, доктор и я. Повара приносили обед, а Якушкин хозяйничал.

Мы включали радио и слушали Москву. А сводки становились все хуже и хуже... Враг подбирался все ближе и ближе к сердцу России — Москве.

— Скоро должен наступить перелом, — успокаивал нас Черняховский и на пальцах подсчитывал: столько-то недель требуется для мобилизации, столько-то для обучения, столько-то для переброски войск. Получалось всегда так, что, если продержаться еще неделку-другую, все будет в порядке и явятся свежие армии, которые разгромят и уничтожат врага.

И хотя все эти расчеты мы слышали уже не раз, от его рассуждений на душе становилось спокойнее и верилось, что будет именно так, как уверяет Иван Данилович.

В ТЫЛ ВРАГА

Нас стала чересчур донимать артиллерия противника, и Черняховский решил во что бы то ни стало выявить ее огневые позиции. Запросили у командования армии один из армейских воздушных разведчиков, и я вызвался произвести на нем разведку.

Едва наш самолет, почти касаясь верхушек деревьев, вынырнул из-за леса и пошел над гладью озера, заговорили немецкие зенитки. Но снаряды рвались в облаках, а мы шли над самыми головами гитлеровцев. Немцы знали о малочисленности нашей тогдашней авиации и отменили всякую маскировку сверху. Окопы, дзоты, бетонированные колпаки пулеметных гнезд, минометы, пушки были видны как на ладони, и я без труда нанес их на карту. В районе населенного пункта Осинушки стояло много дальнобойной артиллерии. Не оставалось сомнений — именно отсюда она более всего и тревожила нас. Оборона противника не была сплошной, и значительные разрывы в ней не простреливались пулеметами. Несколько больше оборонительных сооружений было близ переднего края, но в глубине, как и раньше, лес оставался свободным от гитлеровцев.

Черняховский решил покончить с вражеской артиллерией в Осинушках.

Котов выделил в диверсионную группу лучших разведчиков. Во главе их командир дивизии поставил Жадана. Ночью в районе Городилово разведчики перешли оборону противника и углубились в его тыл.

Отойдя от переднего края километров на десять — двенадцать, Жадан круто свернул вправо и лесными тропами повел своих людей к намеченной цели. День отряд провел в лесной чаще, а вечером разведчики двинулись дальше. Быстроте перехода мешали станковые пулеметы, тяжелая взрывчатка, большой запас ручных гранат, бутылки с зажигательной смесью.

Часам к двенадцати ночи выдвинутые вперед дозоры обнаружили идущую по лесной дороге группу гитлеровцев. Их было человек двадцать; с минуты на минуту они должны были столкнуться лицом к лицу с нашими разведчиками. Жадан решил спрятать людей в кустарнике и пропустить гитлеровцев своей дорогой.

Едва бойцы заняли намеченные места, на всякий случай изготовившись к бою, как появились вражеские солдаты. Они шли в колонне по двое и держали себя беспечно, не предполагая, что проходят под дулами навесных на них автоматов.

Но вот фельдфебель задержался по нужде возле одного из кустов, за которым скрывались разведчики.

Миг — и пальцы советского воина сдавили горло фашиста, ладонь зажала ему рот, в то же время два других бойца стали вязать немцу руки. И все же фельдфебель успел крикнуть. Какой-то гитлеровец выстрелил... Тогда пулемет разведчиков прочесал всю колонну. Захватив четырех «языков» и документы, отряд продолжал путь.

Жадан велел перегрузить боеприпасы на пленных, которым разъяснили, что при малейшей попытке поднять шум или бежать они будут убиты.

Наличие пленных ослабляло отряд, так как приходилось выделять людей для охраны, и Иван Макарович ворчал.

Однако он не мог и отделаться от них, так как добыча «языка» входила в задание отряда.

Часа за четыре до рассвета отряд достиг цели.

Жадан послал двух солдат в село — связаться с крестьянами и узнать, где и что у врага расположено. Бойцы пропадали недолго и через час вернулись в сопровождении двух молодых женщин и паренька лет тринадцати. Мальчика звали Сережей. Я от всей души жалею, что Жадан не узнал тогда его фамилии. Мальчуган по собственной инициативе давно уже разведал тут все и в точности сообщил о количестве и местонахождении больших немецких гаубиц, танков, складов боеприпасов. Сережа знал, в какой избе сколько стоит немецких солдат и где живут офицеры. Особенно крепко заметил он тех из своих односельчан, кто радушно принял гитлеровцев. Хорошими проводниками оказались и обе женщины.

Мальчик просил Жадана дать ему пару гранат или бутылку с зажигательной смесью и крайне опечалился, получив отказ.

— Ну, хлопче, держись коло мэна! Покажешь, дэ охвицеры!

Бесшумно подкрался отряд к огненным позициям противника и с молниеносной быстротой истребил прислугу. Сам Жадан с небольшой группой автоматчиков ворвался в штабную избу и уничтожил оказавших ожесточенное сопротивление офицеров...

Подорвав пушки и склады, захватив важные документы и пленных, отряд ушел в лес. Теперь пленные

несли на носилках наших раненых. Отряд задание выполнил, но понес большие потери. В этой схватке погиб и Сережа. Его убил выстрелом из пистолета гитлеровский офицер.

Отходили, держась строго на север, чтобы сбить со следа погоню. Днем снова вошли в такую глухомань, куда, казалось, не ступала еще нога человека. Здесь похоронили троих, умерших от ран...

— Хлопци! — обратился Ваня к бойцам. — Кого мы ховаемо? Повбываных за нашу Витчызну товаришив ховаемо... Дэ мы з вама стоимо зараз? На самисинький, што нэ есть радяньскый, советскый зэмлі стоимо. А чому ж мы з вама, як дыки, хыжи звыры в лиси ховаемось, а не в сэлі з почетом на очах всього хрэстыянскаго людз ховаемо наших товаришив?.. А тому, што сами допустылы, што ниемець завладав нашою зэмляю. И нэ будэ нам з вама ані спокою в душы, ні вид народу прощения, докэ того фашистскаго гада мы нэ розтрошымо. Отож поклянемось дорогою нам, святою кровью цых повбываных ворогом товаришив, што прожэнэм з нашою зэмлі ворожу погань га жоднаго фашыста живым тут нэ залышымо. Прощайтэ, дорогі браты! Вична вам слава! А мы за вас помстымося...

Жадан свободно владел русским языком, но чаще всего пользовался русско-украинским жаргоном, а в минуты сильного волнения всегда переходил «на ридну украинську мову». Так было и на этот раз. И тем не менее его слова были всем понятны и дошли до самых сердец бойцов. Весь обратный путь разведчики мрачно косились на пленных, и только железная дисциплина, всегда отличавшая части Черняховского, спасла гитлеровских солдат от быстрого и справедливого возмездия.

МЫ РАССТАЕМСЯ С ЧЕРНЯХОВСКИМ

Черняховский вынашивал план мощного удара по противнику, предполагая осуществить его совместно с нашими соседями.

Разведчики дивизии «осветили» оборону немцев на значительную глубину. Почти ежедневно они притаскивали свежего «языка». Конечно, понятие «свежий» здесь было довольно условным, так как обычно пленный имел довольно подержанный вид.

Армейское и фронтовое командование каждый раз отвергало проекты Ивана Даниловича, так как не было резервов, которые могли бы поддержать и развить достигнутый нами успех, если бы его удалось добиться. Мы с комдивом роптали — нас одергивали.

В один прекрасный день пришло известие, что дивизия реорганизуется в стрелковое соединение. Известие подтвердилось, и вскоре настал час расставания. Многие, в том числе и я, попали в дивизию Григория Денисовича Мушанова, развернутую из его полка.

Мы прощались с Иваном Даниловичем. Сидели рядышком на соседних пнях и молчали. Казалось, сказать нужно многое, а слов не было. Слишком велико было то, что вместе пережили.

Над лесом повисла «рама»... Никто не обращал на нее внимания.

— Та-ак! Значит, теперь комиссарство по боку — полком командовать будешь?

— Да, утвердили.

— Это хорошо.

Опять помолчали.

— Наших людей в основном тебе передают.

— Так договорился с Мушановым...

— Правильно! Береги их — золотые кадры, сам знаешь! Да и ты без нужды в пекло не лезь — не такие твои годы!

Подъехали на легковой машине мой новоиспеченный адъютант с Якушкиным, подошел начподив Третьяков, почти следом за ним — Хантемиров, политотдельцы, штабные работники...

— Ну, пора! Не поминай лихом, Иван Данилович, а за все хорошее — спасибо! До свидания, друзья мои!

— Прощай, старик! И тебе спасибо!

Черняховский протянул мне обе руки; я крепко сжал их. Почему-то зачесался левый глаз, но я удержал готовую наверхнуться слезу.

— Прощай!..

Машина сразу же развила большую скорость, но я ничего не замечал и думал, думал, думал... «Свидимся ли когда-нибудь вновь?»

Прошел час, другой, третий... Мы приближались к месту назначения.

Невыразимая грусть овладела мной.

Неожиданно шофер резко затормозил машину.

— «Юнкеры»!

В небе в боевом порядке плыли фашистские стервятники. Укрыв свой «газик» в лесу, мы выскочили из него и залегли поодаль.

Самолеты начали обрабатывать лес.

Вдруг какая-то непреодолимая сила оторвала меня от земли и в черном облаке понесла ввысь. Чудовищная боль во всем теле — это последнее, что сохранилось в моей памяти.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Г л а в а п е р в а я	
Встречный бой	5
На переформировании	16
Батальон уходит на фронт	25
Г л а в а в т о р а я	
Господин Великий Новгород	28
Приказ стоять насмерть	32
Старая Мельница	36
Прием в партию Панкратова и Жадана	40
У западного вала	43
Уличные бои	51
Кремль в огне	55
Погибали, но не отступали	62
На новый рубеж	69
Г л а в а т р е т ь я	
Анфисина любовь	75
Дмитрий Лапшин	80
Изменник	83
Отражение десанта	89
На ликвидацию прорыва под Демянском	94
В штабе у Берзарина	97
„Защищайте Россию!“	98
Г л а в а ч е т в е р т а я	
Гибно	101
Выходим из окружения	104
Трубка командира	111
В дни затишья	115
Комиссар полка	119
В тыл врага	128
Мы расстаемся с Черняховским	131

Ахилл Львович Банквицер (Андрей Хмара)

ЛЮДИ НАШЕЙ ДИВИЗИИ

М., Воениздат., 1962. 136 с. +1 вкл.

Редактор *В. Д. Поликарпов*

Художественный редактор *Г. В. Гречихо*

Художник *В. В. Васильев*

Технический редактор *А. М. Красавина*

Корректор *Л. А. Болдина*

Сдано в набор 21.1.61 г.

Г-73367.

Подписано к печати 20.12.61 г.

Формат бумаги $84 \times 108 \frac{1}{32}$ — $4 \frac{1}{4}$ печ. л. — 6,97 усл. печ. л. + 1 вклейка —

$\frac{1}{16}$ печ. л. — 0,103 усл. печ. л. — 6,836 уч.-изд. л.

Тираж 65000.

Изд. № 3/3381.

Цена 36 коп.

Зак. 799.

1-я типография

Военного издательства Министерства обороны Союза ССР

Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3